

Е.А.ДИМИТРОВА

***Уголовная ответственность
за организацию религиозного объединения,
посягающего на личность и права граждан***

Монография

КРАСНОЯРСК 2007

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Е.А.ДИМИТРОВА

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ,
ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН**

КРАСНОЯРСК
СИБЮИ МВД РОССИИ
2007

ББК 67.408
УДК 343

Рецензенты: А.В.Шеслер – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права Тюменского юридического института МВД России;
А.А.Примаков – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России

Димитрова, Е.А.

Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан : монография / Е.А.Димитрова. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2007. – 156 с.

В монографии дается уголовно-правовое понятие религиозных объединений, рассматриваются история возникновения, основания и пределы уголовной ответственности организаторов, руководителей и членов религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, предлагаются варианты квалификации различных спорных ситуаций, возникающих в процессе раскрытия преступлений, связанных с функционированием подобного рода объединений.

Монография предназначена для курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД, студентов и преподавателей юридических вузов, а также сотрудников правоохранительных органов.

© Сибирский юридический институт МВД России, 2007

© Е.А.Димитрова, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН	8
§1. Развитие законодательства об ответственности за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.....	8
§2. Основания криминализации организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан	29
Глава II. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН.....	61
§1. Объективные признаки организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан	61
§2. Субъективные признаки организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан	116
Глава III. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН, С СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМИ СТ.СТ. 282 ¹ И 282 ² УК РФ.....	134
Заключение	140
Библиографический список	142

ВВЕДЕНИЕ

Характер религиозных отношений в России в последние годы кардинальным образом изменился. После многих десятилетий атеизма возродился интерес к проблемам духовной жизни. Следствием этого стал значительный рост количества религиозных объединений.¹

На первый взгляд такое положение вещей свидетельствует лишь о реальном осуществлении права на свободу совести и вероисповедания. Однако сегодня религиозные объединения – это не только исповедание веры, но и активная миссионерская, социальная и нередко предпринимательская деятельность. При этом часто вероучение скрывает истинную сущность деятельности объединения, которая не всегда носит характер правомерной.

Нередко под прикрытием религии, вероисповедания лидеры и члены религиозных объединений совершают различного рода правонарушения, в том числе и преступления. Не единичны случаи, когда само создание религиозного объединения преследует цель прикрытия неправомерной деятельности. Несмотря на наличие в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, статистика МВД России показывает, что количество возбужденных и расследованных уголовных дел по данной статье ничтожно мало (в России возбуждаются единицы уголовных дел по ст. 239 УК РФ, значительная часть которых не доходит до суда, а по части – выносятся оправдательные приговоры).

Одной из причин такого положения является низкая эффективность уголовно-правового воздействия на рассматриваемый вид преступной деятельности, обусловленная, помимо прочего, несовершенством законодательной конструкции ст. 239 УК РФ, а также иных норм, оказывающих влияние на квалификацию организации религиоз-

¹ Так, только на территории Красноярского края в период с 1996 г. по 2007 г. зарегистрированы 318 религиозных объединения.

ного объединения, посягающего на личность и права граждан. Кроме того, по рассматриваемой проблеме практически отсутствуют современные научные исследования монографического уровня, что, несомненно, оказывает существенное влияние на правоприменение.

Это определило необходимость дальнейшего научного исследования уголовно-правового аспекта организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, рассмотрения существовавшего ранее и существующего ныне законодательного регулирования указанной проблемы и выработки рекомендаций по совершенствованию уголовной политики по борьбе с преступностью в данной сфере.

К проблемам уголовной ответственности за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, обращались некоторые исследователи. Проблемы квалификации и расследования рассматриваемого деяния освещали в своих работах В. Бурковская, Р.Р.Галиакбаров, П.С.Дагель, М.Михайлов, Н.Я.Мишин, Ю.Минько, Т.Н. Нуркаева, В.В. Пилявец, О.В. Старков, М.С. Фокин и др. В их работах анализируются элементы и признаки данного состава преступления, вопросы квалификации деяний, совершаемых в процессе деятельности противоправных религиозных объединений. Однако ряд исследований был проведен еще в 60-е годы XX столетия, в период принятия и действия УК РСФСР, когда активность в религиозной сфере была низкой. Существующая сегодня норма значительно отличается от той, которая была ранее, тем более что и в период действия УК РСФСР ее содержание неоднократно изменялось, видоизменилась и ситуация в сфере реализации свободы совести. Кроме того, указанными авторами не рассматривался вопрос о социальной обусловленности уголовной ответственности за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.

Указанные обстоятельства определили выбор темы исследования, позволили наметить его цели и задачи, а также обусловили научную новизну и позволяют говорить

о том, что исследование проблем уголовной ответственности за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, представляет научный интерес и имеет практическое значение для деятельности правоохранительных органов.

В монографии автор основываясь на анализе уголовного законодательства, практики его применения, существующих научных взглядов и собственном видении проблемы, произвел подробный уголовно-правовой анализ организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. Это дало возможность обосновать необходимость существования в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за данный вид преступной деятельности, определить основания и пределы ответственности ее участников, выработать некоторые предложения по совершенствованию уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, которые могут послужить основанием для дальнейшей научной полемики и предпосылкой проведения новых научных исследований.

ГЛАВА I
СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ,
ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН

§1. РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ,
ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН

Изучение любого явления действительности, в том числе и явления социального, должно учитывать особенности его становления и развития в зависимости от политических, экономических, социальных и иных факторов.

Образование религиозных объединений, которые в той или иной мере ограничивали права своих последователей и иных лиц, имело место с глубокой древности на всех этапах развития цивилизации. Особенно интенсивно данный процесс протекал в переходные и нестабильные периоды истории.¹

Освещение истории развития уголовного законодательства об организации религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, целесообразно начинать с исследования развития государственно-религиозных отношений в сфере свободы совести и вероисповедания и регулирования деятельности религиозных объединений.

Еще в Римской империи взаимоотношения между религиозными организациями и государством закрепились на нормативно-правовом уровне. Так, именно в период Римской империи свобода вероисповедания была закреплена законодательно (Эдикт императора Константина 312 г.), а затем христианство получило статус государственной ре-

¹ Хвыля-Олинтер, А.И. Организованная преступность и деструктивные религиозные секты / А.И.Хвыля-Олинтер // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД РФ. – 1997. – № 1. – С. 58.

лигии. Однако объявленное терпимое отношение к иным религиям не распространялось на некоторые виды иноверия (например, греческий и римский политеизм, иудаизм), а религиозная принадлежность оказывала прямое влияние на правоспособность граждан¹: иноверцы не могли занимать никаких должностей на государственной или общественной службе, лишались права наследования и т.п. В государственно-правовом пространстве Древнего Рима, по мнению ряда историков, прослеживалась так называемая «симфония» светской и духовной власти, означавшая их гармоническое и взаимодополняющее взаимодействие. Император не ставил себя выше церкви, а был лишь одним из ее равноправных членов.² В этот период государственной властью была определена система наказаний за антицерковную деятельность, некоторые были довольно суровыми.³

В традиционных обществах эпохи феодализма, как и в более ранние периоды истории, значительная роль в общественной жизни принадлежала религии. Религия выполняла интегрирующую функцию⁴, являясь культурообразующим и государствообразующим идеологическим стержнем, обеспечивавшим единство общества. Поэтому интересы доминирующих в обществе религиозных организаций охранялись государством.⁵ Законодательства различных государств в средние века значительное внимание уделяли защите интересов церкви и религии – как ведущих идеоло-

¹ См.: Тернер, Ф.Г. Свобода совести и отношение государства к церкви / Ф.Г.Тернер // Сборник государственных знаний / под ред. В.П.Безобразова. – СПб., 1877. – Т. III. – С. 5.

² См.: Горчаков, М.И.: Церковное право : курс лекций / М.И.Горчаков. – СПб., 1883. – С. 15; Красножен, М.Е. Краткий очерк церковного права / М.Е.Красножен. – Юрьев, 1990. – С. 45.

³ См.: Тихонравов, Ю.В. Судебное религиоведение / Ю.В.Тихонравов. – М., 1998. – С. 34; Бажан, Т.А. Принцип свободы совести и законодательство России : монография / Т.А.Бажан. – Красноярск, 2001. – С. 22-23.

⁴ Яблоков, И.Н. Социология религии / И.Н.Яблоков. – М., 1977. – С.114; Яблоков, И.Н. Религиоведение / И.Н.Яблоков. – М., 2000. – С. 124.

⁵ Бажан, Т.А. Указ. работа. – С.24.

гических институтов, без которых невозможны ни эффективная интеграция, ни успешное развитие общества.

Роль религии в жизни социума существенно меняется в тех ситуациях, когда традиционное общество вытесняется индустриальным, обладающим принципиально иной системой отношений.¹ В обществе индустриального типа религия уступает место экономике, уходя на второй план. Поэтому в законодательстве европейских государств по мере построения новой системы общественных отношений происходит постепенное уменьшение количества законов, посвященных религии, и увеличение количества законов, призванных регулировать экономические отношения.

Для дореволюционной России было характерно тесное взаимодействие государства и церкви. Начиная с древних документов и до самых последних актов самодержавной власти прослеживалась тенденция обеспечения исполнения церковных предписаний мерами государственного принуждения и подкрепления авторитета светских законов угрозой религиозной кары. Поэтому практика применения уголовных санкций дополнялась и религиозными наказаниями (например, церковное покаяние, заключение в монастырь и т.д.).² Соборное Уложение 1649 года предусматривало ряд преступлений против церкви, немалая часть которых каралась казнью или тюремным заключением.³ Все религиозные преступления условно можно разделить на три типа: богохуление (поношение Бога и святых словесно или действиями); церковный мятеж путем прерывания литургии и других обрядов; церковный мятеж путем лишения жизни, избияния и оскорбления; совращение и вероотступничест-

¹ См.: Кузьмин, М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека / М.Н.Кузьмин // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С. 59.

² Клочков, В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В.В.Клочков. – М., 1987. – С. 41.

³ Соборное Уложение 1649 г. // Отечественное законодательство XIX–XX веков : пособие для семинаров: в 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова. – М., 1999. – Часть I. – С. 120-262.

во.¹ Следует отметить, что данные преступления располагались в начале Уложения (в главе 1), что свидетельствовало о главенствующей роли религии в государстве. Во времена Петра I церковь стала частью государственного аппарата, и ее влияние на различные сферы жизни общества приобрело контролируемый характер.

Именно этот период характеризуется интенсивным развитием в России старообрядчества, которое отрицало Русскую Православную Церковь и российское государство, за что жестко преследовалось царской администрацией и официальной церковью. Это преследование, по всей видимости, было в некоторой степени обоснованным, поскольку учения о судьбах мира и человечества, особым образом культивировавшиеся некоторыми беспоповскими старообрядческими общинами, были причиной массовых суицидов (самосожжений). Так, по примерному подсчету А.С.Пругавина – исследователя старообрядчества и сектантства – только до 1772 года сожгли себя заживо не менее 10000 человек.² По неполным сведениям, которые приводятся в исследовании И.Я.Сырцова, с 1680-х по 1880-е годы смерть от огня приняли в России 12281 человек, в Сибири – 5835.³ Вместе с тем не стоит игнорировать и роль государственного принуждения в вопросах веры, провоцировавшего, в свою очередь, некоторые акты массовых старообрядческих самоубийств.⁴

Во времена царствования Петра I на фоне объявления веротерпимости (по Указу 1702 г. были признаны и получили покровительство государства ряд неправославных исповеданий: лютеранство, католицизм и другие, которым

¹ Старков, О.В. Криминология: религиозная преступность / О.В.Старков, Л.Д.Башкатов ; под общ. ред. О.В. Старкова. – СПб., 2004. – С. 21-22.

² Тайные общества и секты. Культовые убийцы. Масоны, религиозные союзы и ордена, сатанисты и фанатики / подг. текста Н.И. Макаровой. – Мн., 1996. – С. 407, 410.

³ Там же. – С. 93- 98.

⁴ См.: Сырцов, М.Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII-XVIII столетии / М.Я.Сырцов. – Тобольск, 1888. – С. 7.

было разрешено строить храмы в российских городах и свободно проводить свои религиозные обряды) еще более ужесточилось отношение государства к старообрядцам.¹

Петром I был учрежден Святейший правительственный синод, что означало полное подчинение Русской Православной Церкви государственной власти. Православной церкви в отличие от иных дозволялось открыто совершать богослужения, устраивать религиозные процессии. В обществе, где было законодательно запрещено переманивание из одной веры в другую, только православие имело право заниматься миссионерской деятельностью с целью обращения в свою веру иноверцев (насильственное вовлечение законодательством запрещалось). Закон брал на себя обязанность охранять и защищать интересы веры. Все табельные дни и праздники империи применялись к церковному календарю. По обрядам церкви совершалось богослужение по случаю государственных событий.² Система образования, контроль за гражданским состоянием подданных находились в церковном ведении.

Воинский Артикул 1715 года включал в себя целую главу, посвященную вере, которая носила название «О страхе божии». Артикулом 1 в числе прочих предписаний (например, всем подданным следовало быть в вере христианской) предусматривалась ответственность за идолопоклонство и чародейство, которые причинили какой-либо вред. Они карались тюремным заключением или сожжением. Артикул 2 предусматривал ответственность за подкуп чародея с целью причинения кому-либо вреда, при этом подстрекатель отвечал как исполнитель.³ В данных нормах прослеживается тенденция к признанию противоправными обрядов, причиняющих вред гражданам (подданным), причем, что довольно обоснованно, в них не указывается доминирующее место православия. Следует полагать, что и

¹ Бажан, Т.А. Указ. работа. – С.27.

² Свод законов Российской Империи. – Т. XIV. – Пг., 1916. – С. 11.

³ Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 г.) / сост. В.А. Томсинов. – М., 1998. – С. 162-163.

православный верующий, причинивший вред, должен был отвечать по этим нормам.

Все остальные религии (за исключением православия) в России к концу XIX в. делились на 4 категории: 1) покровительствуемые (римско-католическая, евангелическо-лютеранская, реформатская, армяно-григорианская и нехристианские исповедания: иудейское, магометанское, ламаистское); 2) дозволенные или признаваемые (с 1883 г. – старообрядческие движения, с 1876 г. – анабаптизм, менониты, генгутеры); 3) терпимые («раскольничьи секты, менее вредные, секты, выделившиеся без дозволения государственной власти из протестантской и еврейской религий, языческая религия»); 4) нетерпимые («особенно вредные секты, исповедующие такие принципы, которые признаны государственной властью преступными, а именно: скопцы, иудействующие, молокане, беспоповцы, секты, не признающие брака и отказывающиеся молиться за царя»)¹. Критериями такого деления являлись: историческая специфика связи религиозной организации с государством; различие в целях и принципах деятельности религиозного объединения и его позиция по отношению к политической и правовой основе государства.

Религии, относившиеся к различным категориям, получали по закону разную степень дозволения в своей деятельности. Так, общество покровительствуемой религии вводилось в состав политической системы, рассматривалось как часть государственного механизма. Причем закон предусматривал не только ограничительные моменты в деятельности таковых, но в полном смысле слова покровительство со стороны высшей власти. (Так, некоторые религиозные движения, например католические организации, получали из казны средства на содержание священников.) Законодательство также защищало целостность данных религиозных обществ путем установления наказаний за соращение со стороны других религий.

¹ См.: Горчаков, М.И. Указ. работа. – С. 483- 484.

Господствующая и покровительствуемые религии имели статус юридического лица, обладали правом собственности, имели налоговые льготы (освобождение от податей). Существовавшая в то время и закрепленная в нормах права иерархия религий наделяла таковые различными степенями религиозной свободы. Причем со временем возможна была перемена статуса религиозной организации в сторону его повышения (незыблемым оставался статус государственной религии). Как справедливо указывал М.И.Горчаков, «переход от одной степени свободы в другую, более высшую, зависел от политики государства, от юридического сознания народа и от степени энергии самих последователей религии»¹.

Последняя особенность российского законодательства довольно важна. Она указывает на здоровый адаптационный потенциал общества, который мог со временем получить должное развитие. Двигаясь по пути к гражданскому правовому состоянию и стремясь сохранить здоровые этнорелигиозные традиции, общество постепенно расширяло границы религиозной свободы своих подданных.

Специфичным для дореволюционного периода было разделение отступивших от веры или церкви на «свертанных» и «свертателей». В отношении «свертателя» по указанию царя и власти прокуратурой возбуждалось преследование, ему назначалось наказание. «Свертанный» же рассматривался как отступившийся и не подлежал наказанию.² Как отмечалось исследователями вопроса взаимоотношений религий и государства³, в то время было введение подобных мер против «свертателей», которые действуют посредством насилия, преследования, обмана или другими безнравственными мерами, было логичным. Однако данное положение должно было распространяться и на любой акт «свертания» в любую иную религию. Мера наказания в подобных случаях определялась дифференци-

¹ Горчаков, М.И. Указ работа. – С. 434.

² Там же. – С. 125-126.

³ См., напр.: Тернер, Ф.Г. Указ. работа. – С. 44-46 и др.

ровано: за прозелитизм («сворачивание») в пользу разрешенной инославной веры предусматривалось лишение всех прав состояния и ссылка на житье в Сибирь, а за «сворачивание» в «особенно вредную секту» – ссылка на поселение в Закавказский край отдельно от других поселенцев (ст. ст. 187-201 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), кроме того, предусматривалась ответственность и за организацию подобной секты (ст. 196 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.).¹

Стоит отметить, что вредными, или нетерпимыми, запрещенными религиями считались секты, к которым относились хлысты, скопцы, духоборы, молокане, чьи принципы деятельности признавались в обществе преступными («отказ молиться за царя», означавший в те времена фактическое непризнание существовавшего государственного строя; наличие изуверских обрядов; непризнание брака; отказ от выполнения основных обязанностей подданного, в числе которых была, например, служба в армии). В отношении них принимались законы, издавались правительственные указы, например документ, изданный правительством по итогам деятельности особой следственной комиссии 1836 г., в ходе которой в одной из коммун духоборов были обнаружены помещения с орудиями пыток и грудой человеческих костей.²

Важно отметить, что согласно российскому законодательству XIX века преследовались не личные мнения и религиозные убеждения последователей запрещенных сект, а совершенные верующими поступки, предусмотренные уголовным законом. В этом прослеживается тенденция, характерная и для действующего уголовного законодательства: ответственность не за веру, а за деяния, совершаемые под воздействием этой веры и нарушающие чьи-либо права.³

¹ См.: Развитие русского права в первой половине XIX века. – М., 1992. – С. 172-173; Ключков, В.В. Указ работа. – С.53-55.

² Тайные общества и секты. Культурные убийцы. Масоны, религиозные союзы и ордена, сатанисты и фанатики. – С. 401.

³ Горчаков, М.И. Указ. работа. – С. 483-488.

В конце XIX – начале XX веков происходил процесс постепенного ослабления правового регулирования в области религиозной деятельности. Назовем некоторые наиболее существенные события, свидетельствовавшие о расширении религиозной свободы в российском обществе. В 1864 г. высочайше одобрены предложения Особого комитета о различных «облегчительных мерах» по отношению к старообрядцам. В 1874 г. было разрешено и старообрядцам делать в своих религиозных организациях метрические записи браков, рождений и смертей. В 1883 г. принят закон, значительно расширивший права старообрядцев (в дальнейшем получивший развитие в Положении Комитета Министров от 4 июля 1894 г.).¹

Значительную роль в расширении реальной религиозной свободы сыграли законодательные акты 1903 г. и 1905 г.² Так, Указ 17 апреля 1905 г. провозглашал каждому из подданных империи «свободу вероисповедания и молитв по велению его совести».

В этот период обязательным для всех подданных было исповедание какой-либо религии, атеизм как таковой законом не предусматривался. Так, в одном из документов Министерства внутренних дел 1907 года указывалось, что подданные без религии представляют наиболее нежелательный элемент в государстве, любые организации, распространяющие атеистические взгляды, запрещались.³ Тем не менее насильственное привлечение граждан к отправлению религиозных культов и участию в богослужениях и

¹ Однако не все ранее гонимые религиозные организации стали признанными в обществе. Так, закон 1883 г. совершенно не облегчил положения штундистов и некоторых других запрещенных религиозных групп. См.: Арсеньев, К.К. Свобода совести и веротерпимость / К.К.Арсеньев. – СПб., 1905. – С. 32, 153- 154, 163, 271.

² Значительный шаг к веротерпимости был сделан при издании Указа 1905 г., когда родителям-иноверцам разрешалось воспитывать детей в той вере, какую они изберут, духовным лицам некоторых ранее запрещенных религиозных объединений предоставлялась возможность освобождения от призыва на действительную военную службу.

³ Куроедов, В.А. Религия и церковь в советском государстве / В.А.Куроедов. – М., 1982. – С. 30

обрядках было запрещено нормами Уголовного Уложения 1903 г. и наказывалось тюремным заключением, а в случае совершения указанных деяний в отношении христианского священнослужителя срок заключения не мог быть назначен менее трех месяцев (ч. 1 ст. 80). Аналогично наказывалось и воспрепятствование осуществлению права на отправление религиозных культов посредством насилия (ч. 2 ст. 80). Отдельно предусматривалась ответственность за совращение в нехристианскую веру, которое наказывалось заключением в исправительном доме (ст. 82), за совращение в секту, если это совращение сопровождалось применением насилия, наказание было более суровым – ссылка или каторга, (ст. 84).¹ Данные нормы располагались в начале Уложения, что свидетельствовало о важности охраны этих отношений.

Особое внимание к проблеме расширения религиозной свободы проявила Государственная Дума третьего созыва (1907-1912 гг.), в период работы которой были подготовлены три законопроекта, касающихся старообрядческих общин, а также отмены ограничений, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана и о правовых последствиях перехода из одного исповедания в другое. Готовился правительственный законопроект об отмене существенного ограничения религиозной свободы – запрет свободного перехода из одного вероисповедания в другое «без испрошения на то административной власти» (фактически это ограничение было главным отличием российского законодательства о религии от аналогичного законодательства стран Запада, где к началу XX века такой запрет был отменен). Введение соответствующего принципа в российский закон повлекло бы за собою и изменение целого ряда положений, касающихся регламентации религиозной деятельности, в том числе и деятельности запрещенных религиозных организаций. Но осуществлению законотворческих планов помешала первая мировая война и падение Российской империи.

¹ Российское законодательство X-XX веков. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. – М., 1994. – С.296-297.

В целом в дореволюционной России постепенно отменялись правовые ограничения религиозной деятельности. Необходимость реформирования законодательства о религиозной деятельности осознавалась и общественностью, и правительством Российского государства.

Значительной вехой в истории развития государственного регулирования религиозных отношений стала, несомненно, Октябрьская революция 1917 г., в результате которой было создано совершенно иное государство и, соответственно, иная система взаимоотношений церкви и государства. Результатом этих изменений стало отделение церкви от государства и школы от церкви. Одним из первых законодательных актов советского правительства, на котором было основано дальнейшее законодательство в отношении религии, был декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В развитие положений данного декрета в главе 5 Конституции РСФСР 1918 года содержалась статья, провозглашающая в России полную свободу вероисповедания, которая означала не только право выбора любой религии, но и право свободного выхода из религии (в то время законы многих стран мира признавали только свободу выбора религии, не признавая свободу отказа от нее¹); из всех официальных документов была исключена графа «вероисповедание». Наряду с этим были запрещены обряды, отправление которых связано с нарушением общественного порядка и с посягательствами на права граждан. В противном случае, согласно декрету, власти могли принимать необходимые меры для обеспечения общественного порядка и безопасности, но какие-либо конкретные меры не указывались.²

¹ См.: Законодательство о религиозных культах / под общ. ред. В.А.Куроедова. – М., 1969. – С. 51-52; Куроедов, В.А. Указ. работа. – М., 1982. – С. 16-17; Курс советского уголовного права. Том V / под ред. А.А. Пионтковского, В.М. Чхиквадзе. – М., 1971. – С. 269.

² Галиакбаров, Р. Ответственность перед законом / Р.Галиакбаров, Е.Фролов // Наука и религия. – 1963. – № 11. – С.40; Конституция РСФСР 1918 г. // Отечественное законодательство XI-XX веков : пособие для семинаров. – Часть II. – С. 127.

Декрет провозгласил формальное равенство всех религий в России. Фактически же имело место дифференцированное отношение нового государства к различным религиозным организациям: так, в первые послереволюционные годы значительные потери понесли традиционные религии народов России, при этом некоторые секты, благодаря целенаправленным действиям Советского правительства, пережили настоящий расцвет. Например, период 1917-1927 гг. некоторыми исследователями справедливо назывался «золотым десятилетием» баптизма, поскольку это движение существовало под покровительством государства, имело относительную свободу религиозной деятельности.¹

Ужесточение государственной политики по отношению ко всем религиозным организациям было связано с постановлением ВЦИК и СНК СССР 1929 г. «О религиозных объединениях»², действовавшим с некоторыми исправлениями и дополнениями вплоть до 1990 г.

Первые Уголовные кодексы (1922 и 1926 гг.) не содержали составов, предусматривающих ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан и лица, совершавшие такого рода преступления, несли ответственность на общих основаниях за совершение преступлений против личности либо за нарушение правил об отделении церкви от государства (глава III УК РСФСР 1922 года, глава IV УК РСФСР 1926 года). Тем не менее Уголовный кодекс РСФСР 1922 года содержал, например, такие составы, как ст. 119 – использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской армии или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям; ст. 120 – совершение обманных действий с целью возбуждения суеве-

¹ См., напр.: Руденко, А.А. Евангельские христиане баптисты и перестройка СССР / А.А.Руденко // На пути к свободе совести / сост. и общ. ред. Д.Е. Фурман и о. Марк (Смирнов). – М., 1989 – С. 345; Клибанов, А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.) / А.И.Клибанов. – М., 1965. – С. 10.

² См.: Законодательство о религиозных культах / под общ. ред. В.А.Куроедова. – М., 1969. – С. 18.

рия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие-либо выгоды; ст. 122 – принудительное взимание сборов в пользу религиозных групп; ст. 125 – воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и посягательствами на права граждан и др.¹ УК РСФСР 1926 года содержал в главе IV (ст. 122-127) аналогичные составы за исключением первого.² Из приведенного перечня норм видно, что, несмотря на отсутствие состава о создании противоправного религиозного объединения, подобные объединения не охранялись уголовным законом от воспрепятствования исполнению религиозных обрядов.

В советский период отдельные авторы высказывали мнение о том, что необходимо установить состав, предусматривающий ответственность за посягательство на личность под видом исполнения религиозных обрядов, обосновывая это реальными фактами. Например, существовала точка зрения, что нельзя оставлять безнаказанными действия главарей и вдохновителей религиозных групп, виновных в посягательстве на жизнь и здоровье граждан, при этом обоснованием выступал бытовавший среди мусульман Закавказья обряд, при котором мусульмане, собираясь группами, наносили себе раны с помощью холодного оружия, протыкали тело спицами, кольями и т.п. Этот обычай основан на религиозном фанатизме, на вере, что в результате этого откроется дорога в рай.³

Однако предлагаемые изменения в Уголовный кодекс РСФСР не вносились, а практика привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении посягательств на личность под видом исполнения религиозных обрядов, оставалась неизменной еще длительное время.

¹ См.: СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

² См.: СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

³ См.: Трофимов, Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних / Н.И.Трофимов. – Иркутск, 1973. – С.118-119.

После Великой Отечественной войны страну пришлось восстанавливать из руин, в том числе и восстанавливать государственные и хозяйственные отношения. В СССР произошла естественная в такой обстановке активизация деятельности ряда религиозных объединений.¹ По всей видимости, боязнь власти потерять контроль за процессами в религиозной сфере и возросший в период войны авторитет ряда религиозных организаций стали причиной того, что в УК РСФСР 1960 года в главу «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» впервые в истории советского уголовного права была внесена статья 227 «Создание группы, причиняющей вред здоровью граждан»: *«Создание группы, деятельность которой, проводимая под предлогом проповедования религиозных вероучений, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с половой распущенностью, а равно руководство такой группой или вовлечение в нее несовершеннолетних, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет со ссылкой или без таковой, с конфискацией имущества или без таковой»*².

Недостатками указанной нормы были, во-первых, то, что субъектами указанного преступления не могли быть активные участники таких религиозных групп, деятельность которых зачастую не менее общественно опасна, чем деятельность организатора или руководителя, во-вторых, состав создания или руководства религиозной группой по конструкции был материальным, что предполагало реальное наступление последствий в виде причинения вреда здоровью граждан, и не включал угрозу наступления таких последствий. Не предусматривал данный состав и ответственности за посягательства на иные права граждан. Учитывая эти моменты, 25 июля 1962 года Верховный Совет

¹ Мишин, Н.Я. Расследование посягательств на личность и права граждан, совершаемых под видом исполнения религиозных обрядов : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Я.Мишин. – М., 1967. – С.32-33

² Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

РСФСР внес в статью 227 УК РСФСР соответствующие изменения, и она приобрела следующий вид:

«Посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов

1. Организация или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан, либо с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних, – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или ссылкой на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой.

2. Активное участие в деятельности группы, указанной в части первой настоящей статьи, а равно систематическая пропаганда, направленная к совершению указанных в ней деяний, – наказываются лишением свободы на срок до трех лет или ссылкой на тот же срок, или исправительными работами на срок до двух лет»¹.

Диспозиция статьи в новой редакции значительно расширила круг субъектного состава и перечень деяний, входящих в объективную сторону состава преступления. Так, помимо организации и руководства группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью, наказуемым стало и участие в деятельности этой группы, и систематическая пропаганда указанных противоправных деяний. Следует отметить, что указания на такие деяния до сих пор отсутствуют в некоторых Уголовных кодексах бывших союзных республик, что неоправданно исключает возможность привлечения к ответственности участников противоправных религиозных объединений. Так, УК Республики

¹ Ведомости ВС РСФСР. – 1962. – № 29. – Ст. 449.

Беларусь предусматривает ответственность только за организацию и руководство объединением, посягающим на личность и права граждан.¹

Под организацией группы понималась активная деятельность лица, направленная на создание объединения из двух и более человек. Руководство такой группой предполагало активную деятельность, объединяющую усилия всех членов группы. Активное участие заключалось как в действиях, существенно способствующих посягательствам на личность и права граждан, так и в непосредственном осуществлении таких посягательств. Под иными посягательствами на личность при этом понимались распространение клеветнических измышлений, оскорбления, незаконное лишение свободы, истязания и др., а под посягательствами на права – действия, направленные на воспрепятствование осуществлению гражданами своих законных прав. Систематическая пропаганда выражалась в распространении среди граждан материалов о полезности религиозного объединения, призывах к участию в его деятельности и т.п. Под побуждением к отказу от участия в общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей следовало понимать психическое или физическое воздействие на граждан с целью склонить их к отказу от участия в указанных деяниях.²

Расширился круг условий противоправности деятельности такой группы. Наряду с сопряженностью деятельности с причинением вреда здоровью гражданам, половой распущенностью и вовлечением в нее несовершеннолетних добавилось условие иного посягательства на личность и права граждан и побуждение к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей.

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года; одобрен советом Республики 24 июня 1999 года / предисл. проф. Б.В.Волженкина; обзорная статья А.В.Баркова. – СПб., 2001. – Ст. 193.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. О.В.Грачева. – М., 1992. – С. 584-586; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. – М., 1985. – С. 475-476.

Интересным новшеством стало примечание к указанной норме, которое предусматривало освобождение от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия активных участников и лиц, пропагандирующих деятельность такого рода религиозных групп, если деяния и сами лица, их совершившие, не представляют большой общественной опасности.¹ Это положение является достаточно противоречивым, поскольку вряд ли возможно совершение указанных действий без создания серьезной угрозы общественным отношениям.

Аналогичные составы, с небольшими расхождениями, были предусмотрены в Уголовных кодексах союзных республик, однако располагались они в различных главах кодексов (причина этого будет рассмотрена в главе II).

Наряду со ст. 227 УК РСФСР существовала норма, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви (ст. 142 УК РСФСР), а в 1966 г. была установлена административная ответственность за менее опасные нарушения законодательства о религиозных культах (уклонение руководителей религиозных объединений от регистрации в органах власти, организация и проведение детских собраний и др.) в виде штрафа в размере до 50 рублей, налагаемого административными комиссиями.²

Различие между ст. 142 и 227 УК РСФСР проводилось по характеру совершаемых действий. В первом случае нарушался порядок пользования свободой совести, во втором – религиозные взгляды использовались для создания группы с целью осуществления посягательств на граждан. Кроме того, нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви возможно вне рамок религиозных объединений, а посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов – только в процессе деятельности религиозных объединений.³

¹ Мишин, Н.Я. Указ. работа. – С.35.

² См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 18.03.66 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1966. – № 12; Курс советского уголовного права. Том V / под ред. А.А. Пионтковского, В.М. Чхиквадзе. – С. 272.

³ Курс советского уголовного права. Том V / под ред. А.А. Пионтковского, В.М. Чхиквадзе. – С. 272. – С. 278.

В 1982 году санкция части второй статьи 227 УК РСФСР претерпела изменения – наказание в виде исправительных работ было увеличено с одного года до двух.¹ Это, по всей видимости, связано с тем, что в связи с ослаблением тотального контроля государства над религиозной сферой иностранные религиозные организации (например, кришнаиты; в этот же период на Северном Кавказе начинается пропагандистская деятельность ваххабитов) стали целенаправленно проникать в российское общество, что, в свою очередь, сопровождалось активным участием отдельных советских граждан в их деятельности. А если учесть тот факт, что такие организации нередко нарушали права граждан, усиление законодателем ответственности за активное участие в деятельности религиозной группы, функционирование которой сопряжено с посягательствами на личность граждан, вполне оправданно. Более того, сама деятельность активных участников подобного рода религиозных объединений не менее общественно опасна, чем организация такого формирования (примером тому является организация ваххабитских объединений в России²). При этом бросается в глаза различие между санкциями части первой и второй ст. 227 УК РСФСР. В связи с этим следует отметить, что увеличение санкции в виде исправительных работ на один год не представляется существенным и вряд ли могло реально отразиться на существующем положении вещей. Думается, что санкции за организацию и активное участие в деятельности религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, должны быть более или менее сопоставимы, во всяком случае лишение свободы за активное участие должно быть обязательно (что и было установлено позднее Уголовным кодексом РФ).

¹ О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 03.12.82 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1982. – № 49. – Ст. 1821.

² См.: Саниева, С. Щит против религиозного экстремизма / С.Саниева // Профессионал. – 2002. – № 3. – С.35-36.

Изменение модели политического и экономического устройства российского общества в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия привело к значительным изменениям правового регулирования рассматриваемого вопроса.

С одной стороны, люди получили реальное обеспечение права на свободу совести, что выразилось в принятии в 1990 г. Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий»¹, значительно облегчившего процедуру регистрации религиозных объединений, а затем в отмене в 1991 г. существующей в Уголовном кодексе РСФСР нормы, предусматривающей ответственность за посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов.² Мотивом для этого, по всей видимости, послужило то, что государство, выйдя на новый путь развития общества, стремилось продемонстрировать мировому сообществу, что оно реально обеспечивает право своих граждан на свободу совести.

Однако, с другой стороны, в результате этих преобразований была создана благоприятная почва для появления огромного количества новых культов как российского, так и иностранного происхождения, значительная часть которых обладала признаками объединений, деятельность которых нарушала права граждан, в результате чего законодатель вновь был вынужден ввести аналогичную норму в УК РСФСР³, а затем и закрепить ее в УК РФ 1996 года (в несколько иной редакции).

Закон РСФСР от 7.08.1993 года поместил указанную норму в главу «Преступления против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан», переименовав тем са-

¹ Ведомости Верховного Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 21. – Ст. 287.

² О внесении изменений в УК РСФСР: Закон РСФСР от 18.10.91 г. № 1763-1 // Ведомости Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1430.

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Закон РФ от 7.08.93 г. № 5668-1 // Российская газета. – 1993. – 9 сентября.

мым положение нормы в структуре Особенной части УК РСФСР. Статья 143¹ УК РСФСР («Организация объединений, посягающих на личность и права граждан») содержала следующие положения:

Организация религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с причинением вреда здоровью граждан, или с иными посягательствами на личность и права граждан, либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных действий, а также руководство таким объединением, –

наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до шестнадцати минимальных месячных размеров оплаты труда.

Активное участие в деятельности объединения, указанного в части первой настоящей статьи, а равно систематическая пропаганда, направленная на совершение указанных в ней деяний, –

наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом до пяти минимальных месячных размеров оплаты труда.

Вопрос об обоснованности перемещения анализируемого состава из одной главы в другую неразрывно связан с вопросом об объекте данного состава, в связи с этим он будет рассмотрен при характеристике элементов состава организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.

Существующая сегодня ст. 239 УК РФ, предусматривающая ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, с одной стороны, во многом отражает положения, имевшие место в существовавших ранее аналогичных нормах, с другой – включает в себя некоторые новые моменты. Подробно анализ существующей нормы будет сделан в следующей главе.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Формирование правовых отношений между государством и религией (религиями) берет свое начало на достаточно раннем этапе развития человечества. В ранние

периоды истории российского государства существенным было понятие «религиозное преступление», обозначавшее в то время деяние, опасное как для стабильности общества и государства, так и для деятельности государственного идеологического института – церкви. По мере изменения роли религии в жизни общества, ее места в системе общественной интеграции деяния, заключающиеся в неповиновении церковным предписаниям, наказывались уже не уголовным законом, а внутрицерковными правилами, касающимися только членов церкви, а не всего населения страны. Прослеживалась тенденция смягчения законов в отношении иных, негосударственных религий.

2. Отношения между государством и религиозными объединениями изначально обуславливались политическими, экономическими и социальными особенностями российского общества на определенном этапе его развития. При этом государство, предоставляя право на свободу вероисповедания, признавало преступным совершение ряда действий в процессе функционирования таких объединений.

3. В дореволюционном российском законодательстве впервые уделяется внимание факту организации сект, отдельно выделяется организация сект и привлечение в них новых членов посредством применения насилия, появляется тенденция разграничения роли организатора и участника религиозных объединений.

4. Советский период характеризуется тем, что сначала теоретиками, а затем и законодателем уделяется внимание вопросу о необходимости введения в уголовное законодательство состава, предусматривающего ответственность за организацию религиозных объединений, деятельность которых связана с нарушением общественного порядка и с посягательствами на личность и интересы граждан. Так, в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. появляется норма, предусматривающая ответственность за создание религиозной группы, деятельность которой сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с половой распущенностью. В дальнейшем эта норма изменилась, что выразилось в расширении сферы ее действия.

5. Появление уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за совершение рассматриваемого преступления, на наш взгляд, было несколько запоздалым, поскольку еще до 1960 года отмечался рост посягательств на личность в связи с исполнением религиозных обрядов. Необходимость в уголовно-правовом регулировании деятельности религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, не отпала и в современном обществе, что нашло свое отражение в УК РФ 1996 г.

§2. ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН

В последние годы стала актуальной проблема формулировки названия тех религиозных объединений, деятельность которых вызывает серьезную тревогу в обществе. В научной литературе предлагается несколько определений, основанных на различных социально-философских подходах. Одни исследователи предлагают использовать для определения нетрадиционных религиозных объединений, получивших довольно широкое распространение в современной России, термин «секта», т.е. закрытое сообщество с фиксированным членством, строгой дисциплиной, искренним признанием собственной исключительности и стремлением противопоставить себя обществу.¹ Другие исследователи предпочитают обозначать данное явление как «деструктивный культ» или «тоталитарная секта»² (объедине-

¹ См., напр.: Бажан, Т.А. Оппозиционная религиозность в России / Т.А.Бажан. – Красноярск, 2000. – С. 6.

² См., напр.: Волков, Е.Н. Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) / Е.Н.Волков // Журнал практического психолога. – М., 1996. – № 5. – С. 87; Хвыля-Олинтер, А.И. Организованная преступность и деструктивные религиозные секты / А.И.Хвыля-Олинтер // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД РФ. – 1997. – № 1. – С.55. Деструктив-

ние сектантского типа, обладающее деструктивным воздействием на личность последователя). Ряд исследователей предлагают вообще отказаться от употребления термина «секта» как получившего в свое время негативный эмоциональный оттенок,¹ игнорируя объективные особенности структуры организации, характер межличностных взаимодействий внутри группы и отношение к обществу.

Понятие «секта» на сегодняшний день еще не имеет четкого юридического определения.² В буквальном переводе «секта» – школа, учение. В социальном аспекте сектой можно называть организацию или группу лиц, замкнувшихся в своих узких интересах, не совпадающих с интересами общества.³ Некоторые исследователи предлагают использовать этот термин в его первоначальном смысле – для обозначения религиозных организаций, отделившихся в свое время от церкви.⁴ Но такое определение учитывает лишь происхождение организации, игнорируя ее реальные социально-психологические особенности. Поэтому далеко не все новые религиозные движения, обладающие признаками секты, можно относить к этой категории, так как они

ность следует понимать как разрушительность по отношению к естественному состоянию личности, традициям и нормам, культуре, порядку в целом, противоположность созидательным традиционным вероучениям. См.: Хвыля-Олинтер, А. Религиозные культы зла как источник преступности / А.И.Хвыля-Олинтер // Люди погибели. Сатанизм в России: попытка анализа. – М., 2000. – С. 126.

¹ См.: Филатов, С. Нетрадиционная религиозность в посткоммунистической России / С.Филатов, А.Щипков // Истина и жизнь. – 1997. – № 5. – С. 17

² См.: Буйда, Ю. Между собакой и волком / Ю.Буйда // Известия. – 1998. – 4 июля; Григорьева, Л.И. Свобода совести и актуальные проблемы государственно-правового регулирования деятельности новейших нетрадиционных религиозных объединений / Л.И.Григорьева. – Красноярск, 1999. – С. 33, 208.

³ Мальков, Д. Религиозным движениям разрешено все, кроме того, что запрещено законом : интервью с Л. Григорьевой / Д.Мальков // Юридические диалоги. – 2002. – № 6. – С. 8.

⁴ Радугин, А.А. Введение в религиоведение / А.А.Радугин. – М., 2000. – С. 43

образовывались самостоятельно и не имеют ничего общего с традиционными религиозными движениями.

Суть данной дискуссии связана не только с благозвучностью названия, но и с различными методологическими позициями и политическими интересами авторов различных точек зрения. В целом же термин «секта» не исчез из научного оборота, упоминается в качестве специфического типа религиозной организации, обладающей характерными признаками, свойственными необычному социальному объединению и определяющими систему ценностей верующих и их деятельность.¹

Так как в настоящее время отсутствует единая общепринятая научная терминология для обозначения религиозных объединений, несущих опасность для общества, представляется целесообразным использовать описательное обозначение таковых – «религиозные объединения, обладающие закрытой структурой, фиксированным членством, высокой степенью зависимости личности от руководства группы, особой системой ценностей и четким противопоставлением группы окружающему социуму».² Автором в дальнейшем будет использовано более короткое описательное обозначение – противоправные религиозные объединения.

В соответствии с действующим законом от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»³ под *религиозным объединением* следует понимать добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее следующими признаками: вероисповедание; совершение богослужений и иных религиозных

¹ Радугин, А.А. Указ работа. – С. 43; Яблоков, И.Н. Социология религии. – С. 79-113 и др.

² Цит. по: Самыгин, С.И. Религиоведение: социология и психология религии / С.И.Самыгин, В.Н.Ничепуренко, И.Н.Полонская. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 505.

³ О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.97 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2006 г. № 104-ФЗ).

обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. Такие объединения могут быть в виде религиозных групп (без государственной регистрации и образования юридического лица) и религиозных организаций (с образованием юридического лица). Однако применительно к ст. 239 УК РФ данное понятие следует понимать расширительно, что будет рассмотрено в последующих главах при характеристике состава рассматриваемого преступления.

Масштабы и характер деятельности подобных религиозных объединений порождают необходимость серьезного внимания к ним со стороны государства¹, тем более что в современной России существенно меняется перечень религиозных объединений, существующих в нашей стране. Так, во второй половине XIX века почти 90% всех существующих религиозных объединений составляли православные и исламские.² По данным государственного реестра, в России в начале XXI века уже было зарегистрировано 20921 различного рода религиозных объединений (из них доля православных и исламских составляет около 50%)³. В Красноярском крае зарегистрированы 234 различного рода религиозных объединения.⁴

Приведенные цифры – это лишь небольшая часть существующих религиозных объединений, поскольку часть из них не проходит государственную регистрацию, дейст-

¹ Хвыля-Олинтер, А. Религиозные культы как источник преступности. – С. 113.

² Кривельская, Н.В. Секта: угроза и поиск защиты / Н.В.Кривельская. – М., 1999. – С. 27.

³ См.: Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / сост. А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский. – М., 2001. – С. 406.

⁴ См.: Материалы выступлений на совещании-семинаре сотрудников групп по связям с органами государственной власти и общественными объединениями МВД, ГУВД, УВД, УВДТ Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. – Красноярск, 2001. – С. 95-96; Иваненко, С.И. Новые религиозные объединения: поиски, противоречия, надежды / С.И.Иваненко, Н.А.Трофимчук. – М., 1991. – С. 3-5.

вужа в качестве религиозных групп. По данным Генеральной Прокуратуры РФ, в 1999 г. в стране без регистрации функционировали около 200 различных религиозных объединений. Причем нежелание проходить государственную регистрацию, по мнению некоторых исследователей, является характерной особенностью тех религиозных объединений, которые обладают признаками противоправного.¹ Кроме того, многие религиозные объединения, зарегистрировавшись в одном регионе, реально действуют в нескольких.

Увеличение количества нетрадиционных для России религиозных объединений и, соответственно, их членов специалисты в числе прочего объясняют тем, что они используют в своей деятельности более праздничные и веселые обряды (например, исполнение песен на современные мотивы, танцы и др.), чем те, которые применяются традиционно. Это, несомненно, привлекает людей, особенно молодежь.²

Довольно часто под прикрытием религии, вероисповедания, члены подобных религиозных объединений (и их лидеры) совершают различного рода посягательства на права граждан, их имущество, здоровье, а нередко и жизнь. УК РФ содержит норму, предусматривающую ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан (ст. 239). История возникновения и развития указанной нормы, как это было рассмотрено ранее, свидетельствует о том, что она неоднократно изменялась, затем была исключена, а затем вновь введена в структуру уголовного закона. Это непостоянство законодателя приводит к мысли о том, что подобная уголовно-правовая норма не является необходимой. Более того, изучение имеющейся на сегодняшний день статистики также наталкивает на мысль о том, что эта норма не нужна. Дело в том, что с января 1997 года по сегодняшний день

¹ Кривельская Н.В. Указ. работа. – М., 1999. – С. 29.

² Иваненко, С.И. Указ. работа / С.И.Иваненко, Н.А.Трофимчук. – С.3-5.

количество возбужденных уголовных дел по ст. 239 УК РФ на всей территории России едва превысило два десятка.¹

В силу указанных обстоятельств необходимо установить, обоснованна ли криминализация данного деяния, есть ли для этого необходимые основания, Тем более, что особенностью уголовно-правовых норм является то, что их нарушение непременно влечет наложение строгих мер государственного воздействия.²

Для начала необходимо определиться с основными терминами. Под криминализацией традиционно понимается введение общественно опасных деяний в круг преступных и уголовно наказуемых. Основаниями криминализации являются процессы, происходящие в материальной и духовной сферах жизнедеятельности общества, которые создают действительную общественную потребность уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей.³

В уголовно-правовой и криминологической науке существует достаточно большое количество точек зрения по поводу того, что следует относить к основаниям криминализации деяния, но, несмотря на различные формулировки, всеми исследователями в принципе признается один и тот же перечень оснований, большинством исследователей оставленный открытым, могущим быть дополненным в зависимости от вида криминализируемого деяния.⁴ Характеризуя обоснованность криминализации организации религи-

¹ Данные предоставлены ГИЦ МВД России.

² Карпец, И.И. Преступность: иллюзия или реальность / И.И.Карпец. – М., 1992. – С. 27.

³ См.: Злобин, Г.А. Основания и принципы уголовно-правового запрета / Г.А.Злобин // Советское государство и право. –1976. – № 5. – С.75; Прокументов, Л.М. Криминология. Общая часть : учебное пособие / Л.М.Прокументов, А.В.Шеслер. – Красноярск, 1997. – С. 246.

⁴ См.: Злобин, Г.А. Указ. работа; Фёфелов, П.А. Критерии установления наказуемости деяний / П.А.Фёфелов // Советское государство и право. – 1970. – № 11. – С. 101-102; Прокументов, Л.М. Указ. работа / Л.М.Прокументов, А.В.Шеслер. – С. 246; Антонов, А.Д. Классификация оснований и принципов криминализации деяний в уголовно-правовой науке / А.Д.Антонов // Следователь. – 2001. – № 4. – С. 33-34.

озного объединения, посягающего на личность и права граждан, представляется наиболее верным придерживаться следующего перечня оснований:

- распространенность и повторяемость деяния;
- динамика совершения деяния;
- способность причинять вред;
- осознание обществом (различными его слоями) необходимости криминализации деяния.

При этом следует отметить, что первые три основания представляют собой элементы общественной опасности, которая большинством криминологов выделяется в качестве отдельного основания криминализации.¹ Для более детального ее анализа предлагается рассмотреть все элементы по отдельности.

Итак, первым основанием криминализации является **распространенность деяния**, его типичность для современного общества. Распространенность религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, прямо пропорциональна распространенности религиозных объединений вообще.

В результате ряда преобразований политической, социальной, экономической систем нашего государства, как уже отмечалось в § 1 настоящей главы, в России получили распространение не только обычные религии, но новые религиозные движения и организации, которые обладают признаками противоправных. Явление распространения религиозных объединений вполне логично и объяснимо, поскольку духовность является одной из составляющих жизнедеятельности общества и определяет его развитие. Так, духовность определяет политику, политика – экономику, экономика – уровень жизни населения, т.е. духовность выступает детерминантой всех сфер общественной

¹ См., напр.: Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н.Кудрявцев. – М., 1960. – С. 100; Сабитов, Р.А. Общественная опасность как критерий криминализации / Р.А.Сабитов // Актуальные проблемы криминализации общественно-опасных деяний : труды Омской высшей школы милиции МВД СССР. – Омск, 1980. – С. 18 и др.

жизни.¹ Истории известны примеры, когда посягательства на духовные устои становились причиной возмущения народа, приведшего к перелому в ее развитии.² Именно этим обуславливается то, преступники незамедлительно, как только появилась такая возможность, вторглись в духовную сферу для достижения своих преступных целей. Лидеры подобного рода религиозных объединений, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои истинные намерения под религиозными, оздоровительными, психотерапевтическими и иными прикрытия.³ Значительная часть таких объединений не зарегистрирована в органах юстиции. Так, по некоторым данным, только в Волгоградской области, в 1999 году в условиях строгой конспирации работали 37 религиозных объединений, которые обладали признаками противоправности.⁴ По оценкам экспертов, некоторые города России превратились в генераторы подобных организаций, нередко практикующих психотеррор в отношении своих подопечных.⁵ Например, г. Новосибирск и Новосибирская область становятся своеобразным центром деятельности зарубежных, в том числе и деструктивных, религиозных объединений. Росту

¹ Тер-Акопов, А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции) / А.А.Тер-Акопов. – М., 1998. – С.64.

² Церковное чувство спасло Россию в войне 1812 году. Известно, что многие крестьяне грабили помещичьи усадьбы, бунтовали против дворян, брали от французов деньги. Но как только они увидели, что французы обдирают иконы и ставят в храмах лошадей, народ ожесточился и дело приняло совершенно иной оборот. См.: Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство / К.Н.Леонтьев // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев / под ред. В.Л.Ющенко. – СПб., 1991. – С. 192.

³ См., напр.: Сборник рекомендаций для работы с нетрадиционными религиозными организациями г. Красноярск. – Красноярск, 2001. – С. 248; Дворкин, А. Внимание: секта / А.Дворкин, М.Стурова, В.Белослутцев // Преступление и наказание. – 1995. -№ 7.– С. 54.

⁴ Хвыля-Олинтер, А.И. Специфика религиозных культов зла как источников преступности / А.И.Хвыля-Олинтер // Профессионал. – 1999. – № 3. – С. 33.

⁵ Жириновский, В.В. Псевдохристианские религиозные организации России / В.В.Жириновский, Н.В.Кривельская. – М.,1997. – С. 3.

влияния зарубежных религиозных объединений способствует стабильное финансирование, в основном из-за рубежа.¹ Особую тревогу вызывает распространение оккультных групп², которые есть практически в каждом городе и в число последователей которых с каждым годом вовлекаются все большее количество граждан.³ Многочисленность некоторых из них поражает, например, по имеющимся данным, из 800-тысячного населения г. Тольятти 80 тысяч (т.е. каждый десятый) причисляют себя к последователям религиозного объединения «Сахаджа-Йога».⁴

Несомненно, далеко не все из зарегистрированных и действующих без регистрации религиозных объединений в нашей стране каким-либо образом посягают на личность и права граждан, в связи с этим следует сделать оговорку, что

¹ Вяткин, В.А. Об основных направлениях деятельности групп по связям с органами государственной власти и общественными объединениями МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ, УВД на транспорте / В.А.Вяткин // Материалы выступлений на совещании-семинаре сотрудников групп по связям с органами государственной власти и общественными объединениями МВД, ГУВД, УВД, УВДТ Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. – С. 18.

² Оккультизм (лат. – тайный) часто употребляется как синоним слова «экзотерический», что означает – для избранных. Поэтому оккультизм обычно определяется как скрытое от многих и открытое для немногих знание. См. Религиоведение : учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению. – М., 2000. – С. 432. Исходя из этого определения, оккультные группы следует понимать как группы, возможность вступления в которые достаточно ограничена, учение не подлежит распространению вне среды этих групп, однако результаты их деятельности существенно отражаются на обществе и выйти из числа членов таких групп еще сложнее, чем стать ими.

³ Это отмечалось, например, в информационном материале Министерства здравоохранения и медицинской промышленности РФ «К докладу о социально-медицинских последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье личности, семьи, общества и мерах обеспечения помощи пострадавшим». См.: Сборник рекомендаций для работы с нетрадиционными религиозными организациями г. Красноярска. – С.20.

⁴ Полынцев, А. Тольятти уходит в астрал / А.Полынцев // Комсомольская правда. – 1997. – 14 марта.

приведенные в данной работе аргументы и примеры опасных проявлений в деятельности некоторых объединений, никоим образом не относятся к абсолютно всем известным в России. Говоря о распространенности посягательств на личность и права граждан со стороны религиозных объединений, следует сослаться один на документ. В конце апреля 2001 года в Нижнем Новгороде состоялась Международная научно-практическая конференция «Тоталитарные секты – угроза XXI века», по ее результатам было принято Обращение участников конференции (представителей семи стран мира), в котором было отмечено, что бесконтрольная деятельность подобных религиозных объединений имеет характер «неприкрытой экспансии, наносящее вред здоровью людей, попирающей фундаментальные права человека, создающей угрозу семье, обществу, государству... Тоталитарные секты активно пытаются проникнуть и внедриться в органы образования, здравоохранения, государственного управления, производства и коммерции...»¹.

Для наиболее полного представления о распространенности рассматриваемого деяния следует привести перечень (безусловно, далеко не полный) преступлений и самоубийств, совершенных членами противоправных религиозных объединений, в России и за ее границами:

– едва не состоявшееся массовое самоубийство последователей «Белого братства» и устроенные ими беспорядки в Киеве в 1993 году²;

– в 1995 году в штате Северная Каролина в США был арестован основатель одного из культов, которого позднее обвинили в совершении 35 преступлений (хранение и рас-

¹ Сборник рекомендаций для работы с нетрадиционными религиозными организациями г. Красноярска. – С. 4-6.

² См.: Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера : справочник. – Ростов-на-Дону, 1998, С. – 431; Соколовская, Я. Мария Дэви Христос, она же Цвигун, отправлена по этапу / Я.Соколовская // Известия. – 1997. – 9 января.

пространение наркотиков среди своих последователей, налоговые преступления, эксплуатация людей и др.)¹;

– убийство последовательницей религиозного объединения «Сахаджа-Йога» Марченко Элиной своей полуторагодовалой дочери в силу своих религиозных убеждений в г. Бердске Новосибирской области в 1994 году²;

– убийство в 1994 году в г. Новосибирске молодым человеком, ранее занимавшимся оккультизмом, 33-летней женщины только по причине того, что она упоминала бога³;

– террористический акт, осуществленный адептами «Аум Синрике» в японской префектуре Нагано в г. Мацумото в 1994 году с использованием зарина, в результате которого погибли 7 человек и десятки тысяч человек получили отравление; террористический акт, предпринятый последователями этого же культа в токийском метро в 1995 году, в результате которого погибли 12, пострадали 5000 человек⁴;

– самосожжение молодой женщины на глазах трехлетнего сына в 1996 году в г. Санкт-Петербурге; по имеющимся данным, она принимала активное участие в деятельности одной из сект⁵.

Первый пример непосредственно связан с организацией религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. Что же касается остальных – сами по себе они не свидетельствуют о наличии такого рода религиозного объединения и лица, их совершившие, казалось бы, действовали сами по себе. Но при детальном рассмотрении материалов дел становится ясно, что все эти деяния были совершены либо во имя веры, либо в результате негативных процессов, происходящих в сознании адептов определенных религиозных объединений в результате воздейст-

¹ Привалов, К.Б. Секты: досье страха / К.Б.Привалов. – М., 1987. – С.33-44.

² Архив Новосибирского областного суда, уголовное дело № 2-130.

³ Архив Новосибирского областного суда, уголовное дело № 2-186.

⁴ См.: Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера : справочник. – С. 431-432.

⁵ Религии и секты в современной России : краткий справочник. – Новосибирск, 1997. – С. 181.

вия на их психику со стороны их организаторов и руководителей. Такое воздействие, несомненно, является посягательством на здоровье самих адептов. Поэтому, по мнению автора, во всех указанных случаях деяния организаторов и руководителей соответствующих религиозных объединений следует расценивать как организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, а перечисленные преступления и самоубийства – как последствия участия адептов в их деятельности.

Этот перечень можно продолжить еще достаточно длинным списком, однако и вышеперечисленного достаточно для того, чтобы понять, насколько распространенным является совершение преступлений последователями и руководителями религиозных объединений.

Таким образом, в настоящее время нельзя говорить о нераспространенности рассматриваемого деяния. Напротив, оно является достаточно распространенным для того, чтобы можно было утверждать, что норма УК РФ, предусматривающая ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, имеет практический смысл.

Вопрос о динамике количества таких деяний уже частично рассматривался выше, но в дополнение следует указать, что согласно статистическим данным о возбужденных по ст. 239 УК РФ на территории Российской Федерации уголовных делах их количество не всегда возрастает, а иногда даже и уменьшается. Так, с 1997 по 2000 годы наблюдался рост возбужденных уголовных дел с четырех до восьми, а в 2001 году – резкое уменьшение их количества (всего два на территории страны).¹ Но эта статистика ни в коей мере не может свидетельствовать о том, что такого рода преступления не совершаются или что их количество уменьшается, поскольку не только практические работники, но и ученые признают, что официальные статистические данные не только не отражают адекватно реальную обстановку, но и порою искажают реальное положение дел.

¹ Данные предоставлены ГИЦ МВД РФ.

Обычно фактов в несколько раз больше, чем зарегистрированных преступлений и лиц, привлеченных к уголовной ответственности.¹ И ранее, и сегодня правоохранительные органы, рассматривая материалы о таких преступлениях, стремятся избежать квалификации по ст. 239 УК РФ, боясь, что это может быть истолковано общественностью как привлечение к ответственности за религиозную веру.²

Кроме того, рассматриваемый вид преступной деятельности является достаточно латентным. Во-первых, выявить нарушения прав граждан в подобных религиозных объединениях очень сложно в силу того, что последователи под страхом применения различных санкций со стороны руководителей не распространяются об этом. Так, в 1995 году в г. Барнауле Усов создал религиозное объединение, посягающее на личность и права граждан, и руководил им. При этом он систематически совершал насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних девушек. В процессе их совершения он угрожал, что в случае, если девушки перестанут посещать собрания объединения или расскажут об этом родителям, их ожидает нечто плохое. Из-за боязни, что Усов выполнит свое обещание, девушки никому об этом не рассказывали, что способствовало существованию этого объединения в течение длительного срока.³

Во-вторых, деяния, связанные с посягательствами на личность и права граждан в рамках деятельности рассматриваемых религиозных объединений, обладают латентностью в связи с тем, что лица, в отношении которых осуществляются посягательства, не всегда осознают их характер, поскольку находятся под психическим воздействием.

¹ Старков, О.В. Проблема понятия, классификации и показателей религиозных преступлений / О.В.Старков, Л.Д.Башкатов // Российский следователь. – 2001. – № 1. – С. 33.

² Таланов П., Окунев И. Гарантия свободы совести / П.Таланов, И.Окунев // Наука и религия. – 1963. – № 5. – С. 46.

³ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула, уголовное дело № 1-118/01.

Еще одной причиной того, что в настоящее время регистрируется ничтожно мало преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, на наш взгляд, является несовершенство законодательной формулировки обстоятельства, отягчающего наказание (и аналогичных ему квалифицирующих признаков ряда преступлений), предусмотренного в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в части «совершение преступления по мотиву национальной, расовой и религиозной ненависти и вражды...».¹

Возвращаясь к динамике количества подобного рода религиозных объединений, следует отметить, что изученные материалы уголовных дел свидетельствуют о том, что в абсолютном большинстве случаев преступления по религиозным мотивам совершаются либо организаторами и руководителями, либо членами религиозных объединений. При этом есть основания полагать, что совершение таких преступлений обусловлено именно членством в подобных религиозных объединениях.

Следующим основанием криминализации является **наличие материального ущерба, физического и морального вреда** от деятельности анализируемых религиозных объединений. Вред, бесспорно, причиняется как адептам, так и их близким и родственникам. Этот ущерб, как и любой ущерб, причиняемый преступлениями, «состоит в негативных изменениях основных сфер человеческого бытия и выражается в различных видах вреда (физическом, личном неимущественном, экономическом и т.д.)»². Причем вред не всегда должен быть реально наступившим, в некоторых случаях достаточно одной угрозы наступления негативных последствий.³

¹ Подробно данный вопрос будет рассмотрен при характеристике субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ.

² Цит. по: Шеслер, А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ...докт. юрид. наук / А.А.Шеслер. – Екатеринбург, 2000. – С. 30.

³ Сабитов, Р.А. Общественная опасность как критерий криминализации / Р.А.Сабитов //Актуальные проблемы криминализации общественно опасных деяний : труды Омской высшей школы милиции МВД СССР. – Омск, 1980. – С. 18.

Порядки, свойственные ряду изучаемых религиозных объединений, не могут не сказываться на физическом и психическом здоровье адептов, поскольку зачастую используются несопоставимые со здоровым образом жизни методы воздействия на личность. Рассмотрим аспекты опасности религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан.

Прежде всего, изучаемые религиозные объединения представляют опасность в том плане, что под их влиянием *происходит социальная дезадаптация последователей*, которая проявляется в следующем.

1. У адептов происходит разрыв социально-политических связей. Нередко в требования религиозного объединения входит разрыв отношений с родными, друзьями и знакомыми, не являющимися членами именно этого объединения.¹ Практикуется разрушение авторитета родителей у молодежи. Молодые люди, родители которых мешают им свободно посещать религиозные собрания, всячески пытаются оградить себя от такого вмешательства родных, и применяемые для этого средства иногда устрашающи. Ярким примером является дело 21-летнего Олега С., который с 17 лет состоял в объединении сатанистов. Все это время его мать пыталась различными способами разорвать отношения сына с сатанистами. Для этого она время от времени ставила в комнате сына православные иконы, развешивала крестики, из-за чего Олег устраивал скандалы и угрожал убить мать, если она не прекратит это делать. Однажды ночью, придя домой и увидев в своей комнате православную икону, он хладнокровно убил мать, нанеся ей несколько ударов молотком по голове. Это убийство сам Олег объяснял тем, что убил мать во имя сатаны, т.к. она вмешивалась

¹ См., напр.: Малов, А. Педагогика чертоги / А.Малов // Московский комсомолец в Красноярске. – 2002. – 18-25 декабря; Арестов, В.Н. Яд с доставкой на дом / В.Н.Арестов, И.А.Шудрик. – Харьков, 1986. – С. 21; Белов, С. Религия и профилактика правонарушений / С.Белов // Законность. – 2000. – № 12. – С. 19; Малиновский, А.А. Злоупотребление правом / А.А.Малиновский. – М., 2002. – С. 91.

в его религию. При этом экспертиза не установила у Олега наличия каких-либо психических расстройств.¹

Существуют объединения, например Церковь Последнего Завета, в которых adeptам предписывается покинуть место прежнего проживания и переселиться в выбранный руководителем населенный пункт Курагинского района Красноярского края. При этом верующие продают свое жилье, а вырученные от продажи деньги отдают (как правило, без нотариального оформления) в пользу объединения.² Все это сопровождается информационной изоляцией от окружающего социума.³

Некоторые религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан (например, кришнаиты), принуждают молодых людей отказываться от учебы и общественно-полезной деятельности.⁴

2. В период пребывания верующих в религиозной общине, обладающей признаками объединения, посягающего на личность и права граждан, осуществляется их приобщение к криминальной деятельности. Последователи культов в разное время и в разных странах неоднократно обвинялись в совершении таких тяжких преступлений, как убийства, подстрекательство к самоубийству, изнасилования, похищения людей т.п.⁵ Так, в 1995 году члены религиозного объединения «Аум Синреке» отравили 5000 жителей Токио газами в местном метро. Это объединение было за-

¹ Кондратьев, Ф. Сатанизм как реальность и «сатанизм» как психическое расстройство / Ф.Кондратьев // Люди погибели. Сатанизм в России: попытка анализа. – С. 54-57.

² См. подр.: Бажан, Т.А. Оппозиционная религиозность в России. – С. 268-269.

³ См., напр.: Мишкина, М. Место под солнцем ищут паломники в глухой тайге / М.Мишкина // Российская газета. – 2001. – 5 октября. – С. 17.

⁴ Заключение Экспертного Совета государственного Комитета по делам религий и национальностей Совета Министров Республики Беларусь о деятельности Минской общины «Международного общества сознания Кришны» // Прозрение. Православный информационно-просветительский журнал. – 1998. – № 1. – С. 81-84.

⁵ Сборник рекомендаций для работы с нетрадиционными религиозными организациями г. Красноярска. – С. 20.

прещено в судебном порядке, а в процессе расследования деяния был выявлен целый ряд иных преступлений, совершенных его членами: убийства, отравления, шантаж и др.¹ Предписания учений нередко создают условия для совершения правонарушений, в том числе и преступлений. Например, подросток, с которого требуют осуществления пожертвований в пользу объединения, вынужден где-то найти средства. Нередко он идет по пути совершения хищения. Кроме того, предписания требуют от последователей отказа от выполнения обязанностей (например, по уходу за престарелыми родителями и т.п.). Известны случаи, когда религиозные объединения занимаются контрабандой, распространением наркотиков², что, несомненно, несет опасность для общества в целом.

3. В результате выполнения требований, предписанных объединением, происходят значительные *негативные изменения в здоровье адептов*. Это может быть обусловлено принятым в религиозном сообществе ограничением количества и качества принимаемой пищи (например, строго вегетарианская диета, принятие пищи один раз в сутки)³, встречается особый режим дня (сон 2-4 часа в сутки), многочасовые изнуряющие молитвы⁴, приводящие к истощению физического и психического здоровья адептов. Особенно это отражается на детях, организм которых более восприимчив к неестественному режиму существования. Достаточно опасным для жизни и здоровья является запрет некоторых религиозных объединений принимать медицинскую помощь (в том числе и осуществлять переливание крови в опасных для жизни ситуациях).⁵

¹ Вагина, Н.Б. Криминологическая характеристика религиозной среды: особенности подчинения лидеру организации адептов-последователей : дис. ...канд. юрид. наук / Н.Б.Вагина. – Ставрополь, 2000. – С. 6.

² Арестов, В.Н. Указ. работа / В.Н.Арестов, И.А.Шудрик. – С. 21.

³ См. подр.: Орлов, А. Куда ведешь ты, пастырь? / А.Орлов // Преступление и наказание. – 1998. – № 4. – С. 44.

⁴ Религия: история и современность : учебник для студентов вузов / под ред. Мунчаева. – М., 1998. – С. 13-14.

⁵ См. подр.: Кривельская, Н.В. Указ. работа. – С. 35-36.

Особая опасность противоправных религиозных объединений заключается в том, что их воздействие далеко не всегда проявляется в причинении физического вреда, т.е. вреда, который можно непосредственно наблюдать и измерить. Значительная часть таких культов делают акцент на причинении не физического, а психологического вреда личности. Но в современном российском обществе, наряду с акцентированием внимания на защите физического здоровья, не в достаточной мере учитывается опасность причинения вреда морального, психологического. Руководство некоторых религиозных объединений добивается своих целей, избегая ответственности.¹ Так, по свидетельству жены адепта одного из противоправных религиозных объединений, после прослушивания аудио кассет с записями проповедей, Алексей (муж) выглядел угнетенным, подавленным. Он замкнулся в своем иллюзорном мире. Было совершенно ясно, что он подвергся жесткой психологической обработке, он начал заговариваться, называть жену дочерью Ленина, «которого жрут черви в Мавзолее».²

Следует отметить, что в подобных религиозных объединениях процветает усиленное внимание к психотехнике, поскольку сами по себе учения примитивны и малоинтересны для мыслящего человека. Психотехника является способом управления поведением, мыслями адептов. С помощью психотехники осуществляется эффективный контроль над сознанием верующих,³ дающий возможность руководителям религиозных объединений обеспечить строгую дисциплину в организации, готовность последователей к любой форме социальной активности, нужной лидерам (в том числе и готовность к совершению противоправных

¹ Привалов, К.Б. Указ. работа. – С. 12-13.

² Заявление Крамаровой Елены Сергеевны начальнику отдела по надзору за исполнением законов о межнациональных отношениях Генеральной прокуратуры России В.А. Гарбулину. 1999 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа /<http://stolica.narod.ru>

³ Хвыля-Олинтер, А.И. Организованная преступность и деструктивные религиозные секты. – С. 57.

действий)¹. Как отмечала Генеральная Прокуратура РФ, признавая деструктивной деятельностью одной из религиозных организаций, «...непрерывное психологическое давление, общение исключительно в замкнутом коллективе, а также полный отрыв от общественно полезного труда в большинстве случаев приводит к ломке сознания человека, патологическому изменению личности... К числу идей, представляющих опасность для общества, относится... учение о мировой глобальной катастрофе, которое провоцирует массовый психоз и отличается крайним аморализмом».²

Опасность религиозных объединений, обладающих противоправными признаками, заключается также в том, что их деятельность в некоторых случаях негативным образом влияет на *посторонних лиц*, не являющихся членами объединения. Это может проявляться, во-первых, в том, что руководители общины довольно агрессивно настроены по отношению к родным и друзьям адептов, предпринимающим усилия по возвращению близких к нормальной жизни и уходу из организации, провоцируя применение различных мер воздействия, вплоть до убийства.

Во-вторых, уже имели место случаи агрессивных посягательств со стороны членов таких объединений на общественный порядок. Ярким примером этому служат массовые беспорядки, устроенные последователями «Белого братства», когда толпы адептов собрались у стен Софийского собора, чтобы взять его штурмом и услышать проповеди Марии Цвигун.³ Безусловно опасным является совершение террористических актов добровольными самоубийцами (это в основном относится к исламским противоправным религиозным объединениям). Например, события 11 сентября 2001 г. в США⁴, захват Норд-оста в 2002 году, школы в Беслане в 2004 и др.

¹ Кривельская, Н.В. Указ. работа. – С. 76-77.

² Там же. – С. 33.

³ Соколовская, Я. Указ. работа.

⁴ Володина, Н.В. Актуальные проблемы современного экстремизма и терроризма на религиозной основе / Н.В.Володина [Электронный ресурс]. – Режим доступа // www.risoir.ru

В-третьих, целесообразно рассмотреть возможность причинения вреда религиозными объединениями, посягающими на личность и права граждан, как источник опасности для общества, для чего следует обратиться к классификации источников опасности, данной А.А.Тер-Акоповым,¹ которая по такому основанию, как производимые последствия, включает в себя: гибель человека; соматическое (физическое) расстройство здоровья; ограничение свободы; ограничение прав; изменение генотипа, вызывающее распространение заболеваний, психических и физических дефектов; утрата репродуктивной способности; подавление воли, установление контроля над сознанием; разрыв социальных связей. Из перечисленных девяти последствий в результате создания и деятельности религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, могут наступить и наступают реально – семь. Это еще раз доказывает серьезность того вреда, который способны причинить рассматриваемые религиозные объединения, и то, что анализируемое основание криминализации имеет место.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что религиозными объединениями, деятельность которых рассматривается в настоящем исследовании, причиняется как материальный ущерб, так и моральный вред. При этом вред причиняется:

- самим членам объединения;
- их родным и близким, пытающимся оградить адептов от влияния культа;
- посторонним лицам, не имеющим отношения к деятельности таких религиозных объединений, государству и обществу.

Немаловажным при решении вопроса о необходимости криминализации того или иного деяния является **учет общественного мнения**, формирующегося в различных социальных срезах общества, поскольку норма может быть эффективна лишь тогда, когда она отражает реальную общественную потребность, в том числе и потребность борь-

¹ См.: Тер-Акопов, А.А. Указ. работа. – С.32-35.

бы с каким-либо негативным явлением посредством привлечения виновных к уголовной ответственности.

Когда наше общество получило безграничную религиозную свободу, население положительно восприняло это с точки зрения возможности свободного выбора вероисповедания. Возникла плодородная почва как для проникновения в страну различного рода иностранных религиозных объединений, так и для формирования российских. Однако постепенно обнаружились негативные стороны возникшей ситуации, стала очевидной необходимость введения государственного контроля за происходящими в стране религиозными процессами. Так, если согласно результатам проведенного в конце 1996 года опроса 54,3% москвичей негативно относились к распространению в России иностранных религиозных движений, то в 2001 году, по данным Миссионерского отдела Русской православной Церкви, уже более 75% москвичей негативно оценивали эту ситуацию.¹ По данным проведенного автором опроса жителей Красноярского края различных возрастов и социального положения², 61,8% опрошенных опасаются растущего влияния различных религиозных объединений на общество, при этом 12 % отмечают, что ощущают опасность, исходящую от них, в отношении себя и своих близких. В качестве источника опасности респонденты называли не традиционные для народов России религии, а новые религиозные объединения, появившиеся в России в период расцвета права на свободу совести и вероисповедания. По мнению большинства опрошенных (55,2%), изучаемые религиозные объединения, а именно их руководители и члены, стремятся к деформации важнейших общественных отношений, осуществляют посягательства на довольно широкий круг общественных отношений (жизнь, здоровье (как физическое, так и психическое) имущество). Лишь менее четверти респондентов (23,4%) указали, что деятельность религиозных объеди-

¹ Кривельская, Н.В. Указ. работа. – С. 27-28 .

² Здесь и далее использованы результаты опроса 450 жителей Красноярского края, проведенного в 2001-2005 гг.

нений, посягающих на личность и права граждан, не заслуживает серьезного внимания. При этом 49,6% опрошенных полагают целесообразным проведение психиатрического обследования членов подобных религиозных объединений, а 51,7% считают необходимым привлечение организаторов таких сообществ к уголовной ответственности. К сожалению, 65,1% опрошенных оценили деятельность правоохранительных органов по выявлению и устранению религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, как неудовлетворительную, 18,6% – как удовлетворительную, а часть опрошенных (16,3%) затруднились с ответом, обосновывая, в большинстве случаев, это тем, что не знакомы с такой работой и не знают в чем она заключается.

Кроме указанного выше о достаточном внимании со стороны населения к проблеме борьбы с религиозными объединениями, несущими вред обществу, свидетельствуют участвовавшие случаи обращения за помощью родственников адептов такого рода объединений в СМИ и официальные органы.¹ Интересно в этом плане обращение в газету Ш.Бехоева, который взывает о помощи с целью вернуть внуков, которых их мать вовлекла в религиозное объединение. Согласно требованиям объединения дети не посещают школу, их мать не работает (отца нет, следовательно, не известно на какие средства существует семья), детям запрещено общаться с родными. В своем обращении Ш.Бехоев подчеркивает, что «сектантство – это идеологическая диверсия».²

Таким образом, очевидно, что общество на сегодняшний день озабочено проблемой появления в нашей стране религиозных объединений, от которых исходит опасность для граждан, общества и государства, а также отмечается тенденция тяготения населения к репрессивным мерам борьбы с этим явлением.

¹ См., например: Жертвы веры [Электронный ресурс]. – Режим доступа // <http://www.sknews.ru/paper/2004>; Заявление Крамаровой Елены Сергеевны начальнику отдела по надзору за исполнением законов о межнациональных отношениях Генеральной прокуратуры России В.А.Гарбулину. 1999 год.

² Жертвы веры.

Помимо рассмотренных выше оснований криминализации в теории выделяется такое основание, как возможность воздействия на определенный вид поведения с помощью уголовно-правового запрета и невозможность воздействия другими, не уголовно-правовыми средствами.¹ Не останавливаясь подробно на рассмотрении этого положения, следует отметить лишь, что безусловным является утверждение о том, что правовые последствия должны соответствовать тяжести причинного вреда. Очевидно, что тот вред, который причиняется деятельностью религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, может быть возмещен или компенсирован только мерами уголовного наказания.² Это связано, во-первых, с тем, что виды и размеры санкций, предусмотренные иными отраслями права, не могут быть существенными в силу специфики охраняемых отношений, во-вторых, их юридические последствия несравнимы с последствиями уголовного наказания.

Таким образом, в связи с рассмотрением вопроса об основаниях криминализации организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, целесообразно затронуть наказуемость этого деяния. Дело в том, что, несмотря на достаточно высокую общественную опасность рассматриваемого деяния, максимальным наказанием является лишение свободы сроком до 3-х лет за создание и руководство и до 2-х лет – за участие и пропаганду. При сравнении этих санкций с максимальными санкциями, предусмотренными за создание, руководство и участие в иного рода преступных объединениях, видно, что неоправданно занижены санкции только в рассматриваемой ст. 239 УК РФ и в ст. ст. 282¹ и 282² УК РФ, которые предусматривают ответственность за организацию экстремистского сообщества, экстремистской организации (см. таблицу 1).

¹ Прокументов, Л.М. Указ. работа / Л.М.Прокументов, А.В.Шеслер. – С. 246-252.

² О видах вреда, причиняемого рассматриваемыми религиозными объединениями, смотри выше.

Таблица 1

ст. УК РФ \ вид деяния	создание и руководство	участие
208 (организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем)	до 7 лет л/св.	до 5 лет л/св.
209 (бандитизм)	до 15 лет л/св.	до 15 лет л/св.
210 (организация преступного сообщества)	до 15 лет л/св.	до 10 лет л/св.
239 (организация религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан)	до 3 лет л/св.	до 2 лет л/св.
282¹ (организация экстремистского сообщества)	до 4 лет л/св.	до 3 лет л/св.
282² (организация деятельности экстремистской организации)	до 3 лет л/св.	до 2 лет л/св.

Религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, аналогично всем остальным, указанным в таблице, являются видом преступной группы. В связи с этим возникает вопрос: является ли такое объединение организованной группой, как указанные в таблице иные группы? Так, под организованной группой закон понимает устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Рассмотрим наличие всех признаков организованной преступной группы в религиозном объединении, посягающем на личность и права граждан по порядку.

Итак, первым обязательным признаком организованной преступной группы, как известно, является ее **устойчивость**. В объективном смысле под устойчивостью понимается стойкость преступных устремлений участников группы, твердые намерения постоянно или временно заниматься преступной деятельностью. Законодательное понятие устойчивости отсутствует, однако оно получило некую расшифровку в постановлении Пленума Верховного Суда

от 17 января 1997 года № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». Исходя из его положений можно выделить следующие признаки устойчивости:

1) длительный по времени или интенсивный (за короткий промежуток времени) период преступной деятельности группы, складывающийся из определенного количества преступлений, совершенных участниками группы. Устойчивость может быть присуща не только тем группам, которые совершили или хотя бы планировали совершить не одно, а несколько преступлений, но и тем преступным группам, которые планировали совершить лишь одно преступление. Твердость намерений в данном случае выражается в длительной подготовке преступления и стремлении участников совершить ряд действий, которые в совокупности составят одно преступление. Практика показывает, что большая часть религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, существуют достаточно длительное время, сохраняя признаки организованности даже после запрета их деятельности. Например, в 1996 году руководители «Белого братства» были осуждены за организацию религиозного объединения, деятельность которого связана с выполнением изуверских обрядов, и ряд других преступлений. «Белое братство» было запрещено, однако в то время, когда его руководители отбывали сроки лишения свободы, объединение продолжало функционировать тайно. Сегодня одна из руководителей уже на свободе, и объединение вновь активно действует.¹ Следовательно, можно утверждать, что религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан очевидно обладают указанным признаком;

2) сорганизованность участников группы, которая представляет собой совокупность признаков, характеризующих структурное построение объединения, и является внешним проявлением устойчивости. Сорганизованность характеризуется наличием руководителя или лидирующей

¹ См.: Богданов, В. «Белое братство» зомбирует Урал / В.Богданов // Российская газета. – 2003. – 27 июня. – С. 27.

группы (причем в религиозных объединениях, посягающих на личность и права граждан, лидеры нередко используют тоталитарные методы управления)¹; составлением хотя бы в общих чертах плана преступной деятельности; распределением ролей; наличием материальной базы (транспортные средства, оружие и боеприпасы, тайники и т.п.); наличием средств и способов связи. Некоторые религиозные объединения обладают очень высокой степенью организованности. Это обусловлено наличием стройной системы взаимоотношений, в которой существует несколько уровней руководителей, очень широкое исполнительское звено, структура вовлечения и обучения последователей, которые являются либо потенциальными последователями, либо потенциальными жертвами, в зависимости от психологических качеств, образа жизни, материального состояния и т.д. Руководители таких объединений используют для контроля деятельности своих подчиненных различного рода способы, среди которых широкое распространение имеет получение компрометирующих последователей сведений, путем подстрекательства их на совершение преступлений и производство их видео или аудио съемки;²

3) относительно стабильный состав участников группы, т.к. ее формирование уже закончено. В устойчивую группу вхождение новых членов затруднено, так как старые ее члены с недоверием относятся к новым лицам, опасаясь провала всей группы. Вместе с тем и к выходу из нее кого-либо из ее членов группа относится резко отрицательно, видя в таком выходе отступничество и предательство ее интересов.³ Рассматриваемые религиозные объединения активно приобщают к деятельности новых членов,

¹ Гандоу, Т. Свидетели Иеговы: квазикоммунистическая идеология под видом религии / Т.Гандоу // «Тоталитарные секты» – угроза XXI века : материалы международной научно-практической конференции (Н-Новгород, 23-26 апреля 2001 г.) – Н-Новгород, 2001. – С. 107.

² Старков, О.В. Криминотеология: религиозная преступность / О.В.Старков, Л.Д.Башкатов. – СПб., 2004. – С. 337.

³ Быков, В.М. Организованная группа вымогателей / В.М.Быков, Т.В.Колесникова // Следователь. – 2000. – № 4. – С. 7.

но «новички» находятся в низшем слое объединения в течение длительного времени либо всегда. Они не во всех случаях догадываются о противоправности деятельности «верхушки», но при возникновении желания выйти из объединения сталкиваются с практически непреодолимыми трудностями. В ряде религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, существуют очень суровые правила вхождения в них. Так, в объединении Вуду, существует ритуал, согласно которому необходимо принести кровавую жертву, в качестве которой могут выступать животные, а в ряде случаев – провинившиеся члены этой же общины. Причем наказание провинившихся может осуществляться различными способами, которые, как правило, связаны с причинением вреда здоровью или жизни, либо физических страданий (истязания). Особенностью таких наказания является их публичность, т.е. присутствие членов этого объединения, что естественно выполняет функцию превенции нарушения норм религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан;¹

4) постоянство форм и методов преступной деятельности. В отдельно взятой организованной группе существуют свои, специфичные, отличные от других групп, методы деятельности по подготовке и совершению преступлений. Однако, существует вполне обоснованное мнение о том, что именно организованная группа способна к использованию различных способов преступной деятельности и сокрытия преступлений, в чем и проявляется ее организованность.² Религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, с одной стороны, пользуются похожими приемами осуществления преступной деятельности (очень широко используются разного рода психотехники, физическое принуждение), с другой – эти приемы в каждом конкретном случае специфичны и отличаются индивидуальностью. Например, в каждом религиозном

¹ Старков, О.В. Указ. работа / О.В.Старков, Л.Д.Башкатов. – С. 348, 349.

² Быков, В.М. Банда – особый вид организованной вооруженной группы / В.М.Быков // Законность. – 1998. – № 9. – С. 12.

объединении, посягающем на личность и права граждан, существует целый комплекс психотравмирующих воздействий, которые разрабатываются лидерами для воздействия на adeptов.¹ При этом даже обращение к психологам и психотерапевтам за помощью не всегда приводит к положительным результатам в силу того, что они не знакомы с техниками психического воздействия, применяемыми религиозными объединениями, которые обладают исключительностью в каждом конкретном случае.²

Следующим признаком организованной группы является то, что ее участники **должны объединиться заранее**. Это означает, что объединение произошло до начала совершения конкретного преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, то есть до его приготовления, если не было приготовления – до начала выполнения объективной стороны преступления.³ В случае с религиозным объединением, посягающим на личность и права граждан, объединение, несомненно, происходит еще до совершения конкретных преступлений. В большинстве случаев религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, создаются лицами, которые не являются последователями веры, а придумывают ее либо берут за основу уже существующую в корыстных или иных низменных интересах, т.е. изначально целью создания объединения является не исповедание веры, а совершение преступлений. Нередки случаи, когда объединение создается как истинно религиозное, однако в процессе деятельности приобретает противоправный характер. В данном случае достаточно сложно установить, кто и почему стал инициатором такого перевоплощения, однако это не служит основанием непризна-

¹ См.: Гримак, Л.П. Гипноз и преступность / Л.П.Гримак. – М., 1997. – С. 82-83.

² Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях : учебное пособие / Г.П. Байдаков [и др.]. – 2-е изд. – М., 1996. – С. 87.

³ Ответственность за преступления, совершенные в составе организованных групп : методические рекомендации по применению норм УК РФ. – М., 1997. – С. 4.

ния объединения организованной группой. В данном случае следует разграничивать момент создания истинно религиозного и преступного объединения.

В организованной группе, помимо простого соисполнительства, возможно (и обычно бывает именно так) **наличие любых форм соучастия**, которое является следующим признаком такой группы. По этому вопросу мнения исследователей соучастия не расходятся, и он решается однозначно. При этом, независимо от того, какую роль реально выполнял тот или иной соучастник, деяния всех квалифицируются как исполнение. Это также является особенностью религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, в которых четко прослеживается юридическое распределение ролей.

Некоторые сомнения вызывает наличие в религиозных объединениях, посягающих на личность и права граждан последнего признака организованной группы – **объединение с целью совершения преступления**. Так, исходя из буквального толкования ст. 239 УК РФ, религиозное объединение, посягающее на личность и права граждан, в отличие от организованной группы может быть создано с целью не только совершения преступления, но и совершения иных незаконных деяний¹, таких как побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей, к самопричинению вреда здоровью и т.п. Однако, как показывает практика, большая часть такого рода религиозных объединений создается именно с преступной целью. Даже если его деятельность сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей, то этот отказ в большинстве случаев носит преступный характер. Например, неправильным являлось бы признать непроступным отказ матери обратиться за медицинской помощью в случае болезни ее ребенка, в результате чего здоровье, а иногда и жизнь ребенка поставлены в опасность. В данном случае налицо преступление, предусмотренное 125 УК РФ. Так, в одном из

¹ Подробнее об этом будет сказано при рассмотрении объективных признаков состава преступления.

религиозных объединений в ряде случаев детям не оказывается медицинская помощь, не делаются прививки, что, по свидетельствам врачей, приводит к осложнениям иногда даже самых безобидных болезней.¹ Но, с другой стороны, в случае если в деятельности религиозного объединения будет доказано лишь, например, побуждение к отказу от службы в армии, которое не всегда является преступным, не будет всех признаков организованной преступной группы, хотя, как правило, они все же присутствуют.

Исходя из вышесказанного, религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, формально не являются видом организованной преступной группы, предусмотренным статьей Особенной части УК РФ, однако фактически в большинстве случаев обладают всеми ее признаками, но установить и доказать их все не всегда представляется возможным. В связи с этим, по мнению автора, законодательное закрепление признака организованной преступной группы в ст. 239 УК РФ значительно усложнит процесс доказывания наличия признаков этого состава. Исходя из того, что это преступление и без признака организованности достаточно сложно доказуемо и обладает высочайшей степенью латентности, указание на него в диспозиции нормы не является необходимым. Вместе с тем, лицам, производящим расследование, следует обращать особое внимание на его установление и использование в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Исходя из сказанного, представляется, что признак организованной преступной группы хотя и не закреплен в ст. 239 УК РФ, однако реально все же присутствует в большинстве случаев. Следовательно, санкции за совершение деяний, входящих в объективную сторону рассматриваемого преступления, не отражают степень их общественной опасности и являются неоправданно заниженными. Кроме того, реально максимальные сроки лишения свободы, установленные санкцией определенной статьи, в России назначаются далеко не всегда, и за достаточно серьезные престу-

¹ Кривельская, Н.В. Указ. работа. – С. 141-142.

пления следуют минимальные сроки лишения свободы.¹ По результатам опроса, проведенного в конце 70-х годов XX века, 21% опрошенных организаторов преступлений, понимая, что играли главную роль в совершении преступления, ожидали более сурового наказания за совершенные ими деяния, нежели им было назначено реально. Все это сказывается на эффективности наказания.² Кроме того, несомненно, последствия совершения этих деяний достаточно серьезны и законодатель не зря отодвинул момент окончания этого преступления на более ранний этап, т.е. на момент создания или начала участия в деятельности независимо от наступивших последствий. В связи с этим законодателю целесообразно пересмотреть размеры наказания в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, в сторону их увеличения.

Кроме перечисленных аргументов в пользу увеличения санкции, можно привести еще один, не менее весомый. Согласно ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», проведение некоторых оперативно-розыскных мероприятий, в частности оперативного эксперимента и прослушивания телефонных и иных переговоров, допускается только в целях выявления, пресечения и раскрытия только тяжких и особо тяжких преступлений. Согласно санкции ст. 239 УК РФ организация и руководство религиозным объединением, посягающим на личность и права граждан, являются преступлениями средней тяжести, а участие и пропаганда определенных законодателем деяний – преступлениями небольшой тяжести. Следовательно, в случае наличия информации о готовящемся или совершенном преступлении, предусмотренном ст. 239 УК РФ, оперативными службами не могут быть проведены все необходимые оперативно-розыскные мероприятия, что является еще одной причиной неприменения данной нормы

¹ См.: Старков, О.В. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ / О.В.Старков, С.Ф.Милюков. – СПб., 2001. – С.43.

² Царегородцев, А.М. Ответственность организаторов преступления / А.М.Царегородцев. – Омск, 1978. – С. 59.

на практике. Исходя из этого и учитывая степень общественной опасности рассматриваемого деяния, необходимо его перевести в разряд как минимум тяжкого преступления.

Итак, рассмотрев основания криминализации организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, можно сделать вывод о том, что ситуация, сложившаяся в современном российском обществе, касающаяся деятельности религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, носит характер серьезной проблемы и требует вмешательства со стороны государства в виде установления уголовно-правового запрета на их функционирование.

ГЛАВА II УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН

§1. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН

Рассмотрение объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, следует традиционно начать с рассмотрения **объекта** организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.

Учение об объекте уголовно-правовой охраны является одним из самых сложных и неоднозначных в науке уголовного права. Дискуссии относительно этого элемента состава преступления велись на протяжении длительного времени и на сегодняшний день взгляды по этому поводу далеко не единообразны.

В науке уголовного права существуют три основных подхода к пониманию объекта преступления. *Нормативный*, сторонники которого (например, И.Я.Фойницкий) считают, что объектом посягательства является в первую очередь норма права, а во вторую – охраняемые этой нормой интересы, отношения.¹ Эта теория достаточно спорна, поскольку при совершении преступления сама норма права не претерпевает каких-либо изменений. Согласно *теории объекта как правового блага* (Н.С.Таганцев, А.В.Наумов, Н.Ф.Кузнецова) преступление заключается в уничтожении права или в воспрепятствовании его осуществлению.² Од-

¹ См.: Георгиевский, Э.В. Объект преступления: теоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.В.Георгиевский. – СПб., 1999. – С.11; Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П.Новоселов. – М., 2001. – С.7; Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М., 1999. – С. 200.

² См., напр.: Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – С. 201.

нако в данной теории происходит смешение объекта и предмета преступления. Теория, согласно которой объект определяется через *общественные отношения* (А.А.Пионтовский), ранее единодушно воспринималась большинством ученых и является доминирующей на сегодняшний день¹. Однако сегодня и эта теория критикуется сторонниками иных подходов.²

Помимо указанных подходов, в юридической литературе в последние годы появился четвертый, согласно которому объектом преступления являются те, кому непосредственно причиняется вред, т.е. *конкретные люди или их сообщества* (Г.П.Новоселов).³ Но, думается, что человеку вред причиняется не как обособленному объекту, а как элементу общественных отношений. Только тогда, когда человек вступает в отношения с другими лицами, ему может быть причинен вред, а в результате причинения этого вреда подвергаются негативному воздействию общественные отношения, элементом которых он выступает.

Таким образом, следует согласиться с традиционной точкой зрения о том, что объектом преступления выступают общественные отношения и именно этой позиции целесообразно придерживаться при анализе объекта организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.

Преступление, предусмотренное статьей 239 УК РФ, посягает на достаточно большое количество охраняемых законом общественных отношений, то есть является многообъектным. В связи с этим в теории и практике уголовного права с момента возникновения рассматриваемой нормы неоднократно возникали проблемы по поводу опре-

¹ См. напр.: Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И.Коржанский. – М., 1980. – С.14; Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997. – С.183.

² Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – С. 200-203; Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А.Незнамова. – М., 2001. – С.129-132; Новоселов, Г.П. Указ. работа. – С.17-40.

³ Новоселов, Г.П. Указ. работа. – С. 17-19.

деления ее места в структуре Особенной части Уголовного кодекса.

Впервые уголовная ответственность за организацию религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, как уже было сказано ранее, появилась в УК РСФСР 1960 года, в ст. 227, в главе 10 – «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Затем эта статья 18 октября 1991 года была исключена, однако менее чем через два года, 27 августа 1993 года, аналогичный состав был вновь включен в УК РСФСР, но уже в главу четвертую – «Преступления против политических и трудовых прав граждан», следом за составом, предусматривающим ответственность за воспрепятствование совершению религиозных обрядов. УК РФ 1996 года вновь поместил рассматриваемый состав в раздел «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», в главу «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Это неоднократное перемещение одного состава по структуре Особенной части Уголовного кодекса подтверждает спорность вопроса: на что же на самом деле посягает данное преступление и какому объекту наносят вред противоправные религиозные объединения. Более того, Уголовные кодексы стран СНГ, которые имеют определенные сходства с УК РФ, относят преступления, аналогичные с организацией религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, в различные главы. Так, Уголовные кодексы Азербайджанской Республики¹ и Республики Беларусь² – в главу «Преступления против конституционных прав и свобод», УК Грузии³ – в главу «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / пер. Б.Э.Аббасова ; научн. ред., предисл. И.М. Рагимова. – СПб., 2001. – Гл. 21.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь / предисл. Б.В. Волженкина; обзорная статья А.В. Баркова. – СПб., 2001. – Гл. 23.

³ Уголовный кодекс Грузии / пер. И.Мериджанашвили ; науч. ред. З.К. Бигвава; вступит. статья В.И. Михайлова; обзорн. статья О. Гамкрелидзе. – СПб., 2001. – Гл. 32.

Итак, первоначально предполагалось, что **родовым** объектом организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан (название статьи в редакции УК РФ 1996 года), является общественная безопасность, общественный порядок и здоровье населения. На сегодняшний день законодатель разделил данные объекты на родовой и видовой, первым из которых является общественная безопасность и общественный порядок, а вторым – здоровье населения и общественная нравственность.

Понятие общественной безопасности в теории уголовного права обычно трактуется в широком и узком смыслах. В широком смысле она понимается как безопасность общества, т.е. такое состояние общественных отношений, при котором отсутствует угроза причинения вреда государственному и общественному порядку, неопределенному кругу лиц и правоохраняемым интересам.¹

В узком смысле под общественной безопасностью ряд авторов понимают общественные отношения, в той или иной мере связанные с безопасным функционированием источников повышенной опасности.² Однако в данном случае следует согласиться с мнением В.П.Тихого о том, что это является объектом преступлений, связанных с эксплуатацией транспорта, а никак не общественной безопасностью.³

Интересна в этом плане и кажется достаточно обоснованной точка зрения о том, что общественная безопасность как родовой объект IX раздела УК РФ включает в себя различные виды общественной безопасности, которые различаются по объектам и источникам опасности (к ним относят социальные, физические и физико-химические источники). Вред от деятельности таких источников опасности может быть нанесен неопределенному кругу лиц.⁴

¹ См.: Тихий, В.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности / В.П.Тихий. – Харьков, 1981. – С. 23, 25.

² См., напр.: Гринберг, М.С. Советское уголовное право. Часть Особенная. Преступления против общественной безопасности / М.С.Гринберг. – Свердловск, 1974. – С. 35.

³ Тихий, В.П. Указ. работа. – С. 24

⁴ Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамов, Г.П.Новоселов. – С. 484.

В науке уголовного права нет единого мнения о понятии общественного порядка (впервые это понятие было закреплено в УК РСФСР 1960 г.). Достаточно полно понятие общественного порядка сформулировано И.Н.Даньшиным как «система общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения»¹.

Согласно структуре УК РФ видовым объектом ст. 239 являются здоровье населения и общественная нравственность. Под здоровьем населения следует понимать здоровье, т.е. фактическую целостность и психическую устойчивость неограниченного числа людей, а не конкретного человека. И, наконец, под общественной нравственностью понимаются моральные устои, сложившиеся в определенном обществе.

Отсюда следует, что организация религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, должна наносить вред или угрожать нанесением такого вреда не одному, а неограниченному числу людей, какой-либо общности, государству в целом. Но это не совсем соответствует содержанию статьи 227 УК РСФСР 1960 года (которая в качестве непосредственного объекта предполагала общественные отношения, связанные с обеспечением здоровья граждан, а позднее (с 1962 года) – личность и права граждан) и существующей ныне ст. 239 УК РФ (где в качестве непосредственного объекта предусматриваются общественные отношения, связанные с обеспечением нормального функционирования личности и обеспечением прав граждан). То есть уголовная ответственность может наступить и при причинении (угрозе причинения) вреда даже одному человеку, а общественная безопасность, общественный порядок, здоровье населения и общественная нравственность в данном случае могут выступать лишь как отдаленный,

¹ Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Том 4. – С. 174.

возможный объект. Но если исходить из того, что рассматриваемые религиозные объединения носят довольно массовый характер и вовлекают в свои сети не одного, а тысячи людей, которые в той или иной степени подвергаются их негативному воздействию, права которых существенно нарушаются в процессе деятельности таких объединений, можно прийти к выводу о том, что в результате организации и деятельности религиозных объединений противоправного характера страдает не отдельно взятый человек, а неограниченный круг людей. Причем эта неограниченность настолько велика, что далеко не всегда можно обнаружить конец цепи потерпевших от негативного воздействия таких организаций. Это могут быть как сами адепты, их близкие, знакомые, так и не имеющие никакого отношения к религиозному объединению лица, права и интересы которых нарушаются. Как отмечает Р.Р. Галиакбаров, в отличие от посягательств, направленных непосредственно против личности, рассматриваемое преступление ставит в опасность здоровье, права и интересы большого индивидуально-неопределенного круга людей, то есть любого человека, так или иначе попавшего в поле зрения организаторов, руководителей или участников противоправных религиозных объединений. Деятельность таких групп направлена на то, чтобы лишить потерпевших возможности вести себя определенным образом, реализовывать права и исполнять обязанности либо причинять вред их здоровью. Такие поступки в конечном счете причиняют вред установленному общественному порядку и создают угрозу общественной безопасности.¹ Примером непосредственного причинения (или угрозы причинения) вреда общественной безопасности и общественной нравственности могут послужить показания члена одного из объединений сатанистов, обвиняемого в убийстве собственной матери на религиозной почве в 1998 году, Олега С. По его словам, для всех членов секты

¹ Галиакбаров, Р.Р. Уголовная ответственность за посягательства на личность под видом исполнения религиозных обрядов / Р.Р.Галиакбаров. – Омск, 1981. – С. 10.

существовала обязанность вербовать новых адептов, приобретать холодное оружие (огнестрельное их не устраивает, поскольку не позволят смотреть в глаза жертве при убийстве), которое будет использовано для массового выступления «в назначенный час», о котором сообщит руководитель. В этот час должны будут выступить все сатанисты и убивать всех, кто не согласится служить сатане.¹ А, как правильно отмечал В.Д.Малков, особенность уголовно-правовой охраны общественной безопасности заключается в том, что уголовно-правовые отношения возникают не в результате причинения фактического ущерба, а вследствие лишь опасности нанесения такого ущерба.²

На основании вышеизложенного вопрос о возможности помещения данного состава в раздел преступлений против личности в принципе неуместен, так как этот раздел предусматривает причинение вреда отдельно взятой, конкретной личности, а рассматриваемое преступление посягает на более широкий круг общественных отношений.

После отмены рассматриваемого состава и введения аналогичного вновь в 90-х годах XX столетия этот состав «перекочевал» в главу «Преступления против политических, трудовых и иных прав и свобод граждан» (или в редакции УК РФ – «Преступления против конституционных прав граждан»). В теории уголовного права имеется достаточное количество сторонников именно такого подхода к определению родового объекта рассматриваемого преступления.³ Так, М.С.Фокин утверждает, что на сегодняшний

¹ Кондратьев, Ф. Сатанизм как реальность и «сатанизм» как психическое расстройство / Ф.Кондратьев // Люди погибли. Сатанизм в России: попытка анализа.– С. 54-61.

² Малков, В.Д. Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ / В.Д.Малков. – М., 1971. – С. 7.

³ См., напр.: Фокин, М.С. Уголовно-правовая характеристика религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / М.С.Фокин. – Омск, 2000. – С. 23; Пиливец, В.В. Организация объединения, посягающего на личность и права граждан: некоторые вопросы объективных признаков состава преступления / В.В.Пиливец // Следователь. – 1998. – № 6. – С. 25-31.

день рассматриваемый состав находится не на своем месте в структуре Уголовного кодекса. Деятельность религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, связана, прежде всего, с нарушением права на свободу совести, на ее нормальную реализацию. Виновные стремятся при создании такой организации не к нарушению общественного порядка или подрыву общественной безопасности, а к нарушению прав и свобод граждан. А нарушение общественного порядка и общественной безопасности является лишь средством достижения поставленной цели.¹ Аналогичной позиции придерживается и В.В.Пилявец, который указывает на понятие «свобода совести» как на центральное понятие в рассматриваемой норме. Содержанием преступления, согласно его мнению, является выход за рамки свободы совести, который может быть двух видов: воспрепятствование осуществлению права на свободу совести (в этом случае применяется ст. 149 УК РФ) и злоупотребление этим правом (применяется ст. 239 УК РФ). То есть непосредственным объектом организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, являются общественные отношения, возникающие между людьми в процессе реализации права на свободу совести как одного из конституционных прав граждан.² Автор позволит себе не согласиться с указанными точками зрения и предложить свое видение этого вопроса.

Свобода совести и вероисповедания предполагает «право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними».³ Злоупотребление (здесь необходимо затронуть вопрос объективной стороны состава преступления) выражается в незаконном, преступном использовании своих прав, возможно-

¹ Фокин, М.С. Указ. работа. – С. 14.

² Пилявец, В.В. Указ работа. – С. 28.

³ О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.97 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2006 г. № 104-ФЗ).

стей во зло кому (чему)-либо.¹ Отсюда следует, что содержанием рассматриваемого преступления является использование предоставленной Конституцией РФ свободы совести и вероисповедания вопреки интересам и правам граждан. Следовательно, исходя из вышесказанного, объектом рассматриваемого преступления являются не отношения, связанные с реализацией свободы совести, а отношения, связанные с реализацией интересов и прав граждан. А злоупотребление свободой совести является лишь способом достижения поставленной цели, и свобода совести не может быть объектом организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. В связи с этим наиболее верным является мнение Н.Я.Мишина, который утверждает, что свобода совести, а конкретнее – злоупотребление ею, является одной из характеристик объективной стороны рассматриваемого преступления² и не относится к объекту.

Из сказанного следует, что нельзя согласиться с мнением о том, что непосредственным объектом организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, являются общественные отношения, связанные с реализацией права на свободу совести, а, соответственно, родовым – общественные отношения, связанные с обеспечением конституционных прав и свобод граждан.

Таким образом, из всего сказанного выше логично вытекает вывод о том, что родовым объектом рассматриваемого преступления являются общественная безопасность и общественный порядок. Видимо, именно этим обстоятельством руководствовался законодатель, когда вновь разместил рассматриваемый состав в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

В связи с рассмотрением видового объекта следует обратиться к существовавшей ранее точке зрения о том, что

¹ См.: Малиновский, А.А. Указ. работа. – С. 39; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И.Ожегов; под ред. Н.Ю.Шведовой ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999. – С.231.

² Мишин, Н.Я. Указ. работа. – С. 38.

рассматриваемое преступление посягает на установленный порядок отправления религиозных культов¹, или (иная формулировка) на порядок создания и деятельности религиозных объединений.² Автор этой позиции обосновывал необходимость объединения трех составов (по УК РСФСР):

– нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви;

– воспрепятствование совершению религиозных обрядов;

– посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов в одну главу под названием «Преступления против порядка отправления религиозных культов и преступления, составляющие пережитки местных обычаев», поскольку создание религиозного объединения, которое посягает на личность и права граждан, несомненно, сопровождается нарушением установленного порядка либо создания, либо деятельности религиозного объединения.³ Подобным образом сегодня решен вопрос в УК Республики Болгарии, где аналогичный состав размещен в разделе «Преступления против вероисповедания», наряду с составами, аналогичными вышеуказанным.⁴ При этом *под порядком отправления религиозных обрядов* понимается установленный законом порядок создания и деятельности религиозных объединений, обеспечивающий соблюдение прав и законных интересов личности.

На сегодняшний день первый из указанных составов отсутствует в каком-либо виде в Уголовном кодексе РФ, поэтому его следует исключить из дальнейшего обсуждения рассматриваемого вопроса. Что же касается двух остальных составов, то они на самом деле по видовому объекту совпадают, поскольку и в одном, и в другом случае подвергаются негативным изменениям общественные от-

¹ См.: Трофимов, Н.И. Указ. работа. – С. 15.

² УК РФ: научно-практический комментарий / отв. ред. В.М. Лебедев. – М., 1998. – С. 506.

³ См.: Трофимов, Н.И. Указ. работа. – С. 15.

⁴ УК Республики Болгария / пер. Д.В.Милушева, А.И.Лукашова ; науч. ред. И.А. Лукашова. – СПб., 2001. – Ст. 164-165.

ношения, обеспечивающие порядок отправления религиозных обрядов. Это обусловлено тем, что любое из противоправных религиозных объединений, несомненно, нарушает Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», в частности п. 4 ст. 6, в котором указывается: «Запрещаются создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону». Например, в обществе Сознания Кришны с последователей снимается ответственность за любые преступления, даже за убийства, в их учении говорится: «Любой человек, действующий в сознании Кришны ..., даже убивая, не совершает убийства...».¹ Это, бесспорно, противоречит действующим в любом цивилизованном обществе законам.

Эта логика верна, но тем не менее представляется, что приведенных аргументов недостаточно для выделения самостоятельной главы. Во-первых, состав преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, устанавливает ответственность за организацию не только религиозного объединения, но и общественного. Если пойти по пути, предложенному выше, возникнет необходимость разделения состава ст. 239 на два, однако это нецелесообразно. Во-вторых, ст. 148 УК РФ, предусматривающая ответственность за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания, находится на своем месте, поскольку это право является одним из конституционных прав. Перемещение этого состава в другую главу также не имеет смысла. Таким образом, выделение двух рассматриваемых составов в отдельную главу не имеет значения.

Однако не совсем верной представляется и позиция законодателя о том, что видовым объектом является здоровье населения и общественная нравственность. Как указано выше, эти объекты, несомненно, претерпевают определенные негативные изменения вследствие совершения рассматриваемого преступления, однако не являются единственными. Более верным представляется, что эти объекты

¹ Сборник рекомендаций для работы с нетрадиционными религиозными организациями г. Красноярск. – С. 21

страдают посредством причинения вреда общественной безопасности, которая и должна выступать в качестве видо-вого объекта преступления. Вопрос о **непосредственном** объекте организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, является не менее сложным. Он уже частично рассматривался выше, но следует повториться и акцентировать внимание на том, что общественные отношения, складывающиеся между людьми в процессе реализации права на свободу совести, не являются непосредственным объектом рассматриваемого состава.

Как уже было указано выше, рассматриваемый состав является многообъектным, непосредственными объектами которого являются общественная безопасность, общественный порядок и личность и права граждан. Причем общественная безопасность и общественный порядок являются основными, а личность и права граждан – дополнительными объектами. До 1962 года в качестве дополнительного непосредственного объекта выступало только здоровье граждан. Только те религиозные объединения, которые причиняли вред (или создавали угрозу его причинения) здоровью граждан, признавались общественно опасными в смысле уголовного закона. Из-под охраны уголовного закона выпали иные права граждан. И это несмотря на то, что некоторая часть таких религиозных объединений создается с целью преступной наживы, когда под воздействием руководителей культа адепты отказываются от своего имущества в их пользу. Новообращенные нередко оказываются в полной материальной зависимости от лидера. Если они живут в общине, от них требуют передавать в пользу «общего дела» все имущество, если самостоятельно – определенную часть дохода. При этом, по предписаниям руководителя культа, они не должны спрашивать, на что используются их деньги.¹ Однако имущественный вред – далеко не единственный вид вреда, который причиняется такими религиозными группами, помимо вреда здоровью. Это обстоятельство было учтено законодателем и в 1962 году в статью

¹ Привалов, К.Б. Указ. работа. – С. 28-29 .

УК РСФСР, предусматривающую ответственность за организацию рассматриваемого вида религиозных объединений, были включены в качестве дополнительного непосредственного объекта личность и права граждан.

В связи с этим возникает вполне уместный вопрос: почему законодатель разделил понятия «личность» и «права граждан» и имеет ли это какое-то смысловое значение? Анализ этих понятий приводит к выводу о том, что, понятие «права граждан» включает в себя понятие «личность» и, по мнению автора, в названии ст. 239 УК РФ достаточно оставить только формулировку «...посягающие на права граждан», которая включает в себя как неотъемлемые, личные, так и иные права граждан.

Понятие «личность» как объект уголовно-правовой охраны включает в себя человека как живого существа, наделенного определенными правами от рождения. Права граждан – это те же данные человеку права, но одни из них даются от рождения, другие при наступлении соответствующих условий (например, при достижении определенного возраста). Т.е. эти понятия включают в себя одно содержание, и не ясно, чем руководствовался законодатель, разделяя их на различные категории. Существует точка зрения о том, что в понятие «личность» следует включать только те права, которые не мыслятся вне личности, ее основные права (на жизнь, здоровье и т.п.), а права граждан – это иные, которые имеют опосредованное отношение к личности как к биосоциальному существу, т.е. те права, по поводу которых личность выступает в качестве одной из сторон в разнообразных отношениях (например, право пользования, владения, распоряжения).¹ Несомненно, это объяснение содержит в себе рациональное зерно, однако все равно не ясно – зачем необходимо разделять понятия, которые изначально можно определить в одно. Таким образом, представляется, что гражданин – это всегда личность. Следовательно, одновременное употребление в названии терминов является повторением одного и того же.

¹ Пилявец, В.В. Указ. работа. – С. 29.

Неоднозначно в теории уголовного права решается и вопрос о том, какие права граждан попадают под уголовно-правовую охрану как объект рассматриваемого преступления. Мнения ученых по этому поводу расходятся. Одни считают, что объектом посягательства могут быть только права, предоставленные Конституцией РФ, другие – любые права и обязанности граждан.¹ Сторонники первой точки зрения высказывают мнение, что широкое толкование прав может привести к отождествлению субъективных прав с большим кругом интересов граждан, не закрепленных законодательством. Это опасение на самом деле может в какой-то мере оправдаться, однако не может быть основанием к пониманию прав граждан как только определенных Конституцией. Представляется, что наиболее верной является вторая точка зрения, с небольшим уточнением, что под охрану рассматриваемой нормы могут подпадать права, предусмотренные любым законом или подзаконным актом. Кроме того, решая поставленный вопрос, целесообразно обратиться к понятию «законный интерес», которое включает в себя простое юридическое дозволение, не подкрепленное обязанностью других лиц на его выполнение. Например, интерес в здоровом подрастающем поколении или в свободном вступлении в брак по достижении определенного возраста, изменение имени и т.п. Эти законные интересы нередко нарушаются в деятельности некоторых религиозных объединений, например в «Церкви объединения» (основатель Сен Мун) подбор супружеских пар осуществляет руководство. Достаточно часто при этом до непосредственного вступления в брак, будущие супруги не были знакомы и ни разу не видели друг друга.² По мнению автора, такое нарушение законных интересов, несомненно, должно расцениваться как преступное в смысле ст. 239 УК РФ, учитывая особенность права и законного интереса трансформироваться друг

¹ См.: Трофимов, Н.И. Указ. работа. – С.134.

² Подр.: Столярчук, Н. «Отец» Мун заберет наших детей? / Н.Столярчук // Комок. – 2001. – 9 октября; Буайе, Ж.Ф. Империя Муна: пер. с фр. / Ж.Ф.Буайе. – М., 1990. – С. 135.

в друга¹, однако название и диспозиция нормы, существующие сегодня исключают такую возможность.

Итак, исходя из вышеизложенного, целесообразно название ст. 239 УК РФ изложить как «Организация объединения, посягающего на права и законные интересы граждан».

В заключение следует отметить, что в рассматриваемом составе возможно вести речь о дифференциации объектов на основные и факультативные, когда одно из нарушенных прав (например, право на здоровье) является основным, а другое (например, право собственности) – факультативным объектом. Такое может иметь место в случае, когда под воздействием применяемых руководителями культов психотехник личность входит в состояние измененного сознания, а затем «добровольно» отдает свое имущество в пользу объединения. Следует отметить, что все охраняемые законом права могут выступать как в качестве основных, так и в качестве факультативных. Определить, какие именно из прав могут выступать в качестве основного, а какие в качестве факультативного, невозможно и не имеет смысла в силу довольно большого круга охраняемых данной нормой общественных отношений.

Вторым элементом состава преступления является **объективная сторона**. Не вдаваясь в дискуссию по поводу понятия и признаков данного элемента, следует отметить, что традиционно под ним понимается внешний акт общественно опасного посягательства, обладающий следующими признаками:

- 1) действие или бездействие, посягающее на охраняемый объект;
- 2) общественно-опасные последствия;
- 3) причинная связь между действием (бездействием) и последствиями.²

Объективная сторона организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, со-

¹ См.: Проблемы теории государства и права : учебное пособие. – М., 1999. – С.343-356.

² Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – С. 213.

гласно содержанию ст. 239 УК РФ, заключается в совершении ряда деяний:

- создание такого рода объединения;
- руководство им;
- участие в его деятельности;
- пропаганда ряда деяний (насилия над гражданами или иного причинения вреда их здоровью, побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний).

Объединение, о котором идет речь, в свою очередь, должно обладать признаками *религиозного* объединения, а его деятельность – быть сопряженной с совершением одного из указанных ниже деяний:

- а) насилие над гражданами;
- б) иное причинение вреда здоровью;
- в) побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных действий.

В первую очередь при рассмотрении вопроса об объективной стороне рассматриваемого деяния необходимо определиться с понятием религиозного объединения. Как было указано, Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» под **религиозным** объединением понимает добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, обладающее следующими признаками: вероисповедание; совершение богослужений и иных религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. Такие объединения могут быть в виде религиозной организации (с обязательной государственной регистрацией и с образованием юридического лица) и религиозной группы (без государственной регистрации и образования юридического лица).

Традиционно уголовно-правовое понятие религиозного объединения отождествляют с понятием, сформулиро-

ванным в указанном законе.¹ С этим положением следует согласиться, однако с одним исключением. Прежде всего, согласно закону религиозное объединение – это добровольное объединение *граждан России или лиц постоянно и временно проживающих на территории России на законных основаниях*. Однако УК РФ (ст. 11) не разделяет лиц, совершивших преступление, на граждан России и иностранных граждан и не ставит возможность признания лица в качестве субъекта преступления от законности его проживания на территории России.

Такой вывод сделан не случайно, поскольку не исключается возможность объединения лиц, которые находятся на территории России нелегально. Так, в июне 2000 года в г. Калининграде были задержаны граждане США М.Браун и К.Джареда, которые возле территории военного объекта пытались склонить нескольких военнослужащих к вступлению в религиозное объединение, которое по своему характеру может быть отнесено к посягающему на личность и права граждан. При этом их визы на пребывание в России истекли более чем за десять дней до этого.² Абсолютно неоправданным был бы отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 239 УК РФ в отношении этих лиц по причине отсутствия субъекта преступления, и они должны быть привлечены к ответственности за участие в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, в форме вовлечения новых членов либо за его создание в зависимости от обстоятельств дела. Кроме того, согласно ст. 19 УК РФ субъектом признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Если имеет место специальный субъект, то на это должно быть указано в соответствующей норме Особенной части УК РФ. В данном случае такое указание отсутствует.

¹ См., напр.: Водько, Н.П. Указ работа. – С.43-44; Пилявец, В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений : учебное пособие. – С. 6.

² Шевченко, И. Миссионеры с «двойным дном» / И.Шевченко // Калининградская правда – 2000. – 23 сентября.

Следовательно, представляется, что в уголовно-правовом смысле под религиозным объединением следует понимать объединение граждан, независимо от их гражданской принадлежности и законности нахождения на территории России, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими признаками.

Неотъемлемым признаком религиозного объединения должно быть *добровольное* членство. Это означает, что при создании такого объединения не допускается какое-либо принуждение со стороны лица, его создающего. Однако после того, когда объединение фактически создано, принудительное вовлечение отдельных лиц в его деятельность или воспрепятствование выходу из этого объединения не исключает наличия состава ст. 239 УК РФ, а, напротив, является видом преступной деятельности руководителей или участников. В силу того, что организация религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, является групповым преступлением, особое внимание следует уделять тому факту, что добровольных членов, непосредственно осуществляющих преступную деятельность должно быть два и более. В случае, если преступная деятельность осуществляется только одним членом объединения в отношении остальных, несмотря на ее общественную опасность нельзя признать наличие признаков состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ. Например, в 1995-1999 гг. в г. Барнауле действовало религиозное объединение, которое было создано Усовым Ю.А. на базе своей квартиры под видом школы боевых искусств. В процессе деятельности этого объединения Усов проводил медитационные и психологические упражнения, оказывал на своих учеников психологическое влияние, добиваясь беспрекословного ему подчинения, внушал мысль о скором конце света, неприязнь к родителям, призывал отказываться от обязательного образования, вступал с девушками, в основном с несовершеннолетними, в сексуальные отношения,

применяя при этом психическое насилие.¹ Действия Усова, несомненно, подпадают под признаки объективной стороны организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, за исключением того, что преступную деятельность он осуществлял в одиночку. Все остальные члены объединения являлись потерпевшими. Следовательно, в действиях Усова отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ.

Следующим признаком религиозного объединения является наличие *вероисповедания*. При характеристике этого признака согласимся с тем, что вероисповедание предполагает присутствие системы ритуально-обрядовой деятельности,² наличие которой позволяет отличать религиозное объединение от общественного, («добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе»³). В противоположность общественным объединениям религиозные создаются не вокруг абстрактной общности интересов, а вокруг определенной религиозной идеи, подкрепленной религиозной деятельностью. Эта грань достаточно зыбка⁴, поэтому установление наличия религиозного учения и других признаков религиозного объединения делегировано экспертам в рамках проведения религиоведческой экспертизы.

Другим признаком религиозного объединения является *совершение богослужений и иных религиозных обрядов и церемоний*. Содержание такого рода действий определяется учением. Эти действия носят не единичный, а постоянный, систематический характер. Противоправные религиозные объединения нередко оперируют учениями, сущ-

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула, уголовное дело № 1-18/01.

² Куницын, И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы / И.А.Куницын. – М., 2000. – С.149.

³ Об общественных объединениях : Федеральный закон от 14 апреля 1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 10.01.2006 г. № 18-ФЗ).

⁴См.: Куницын, И.А. Указ. работа. – С. 150-151.

ность которых посторонним лицам до конца не открывается. После их вступления в объединение происходит постепенное ознакомление вновь уверовавших с истинной сущностью, основные моменты при этом раскрываются тогда, когда путей отхода уже нет.¹

Последний признак религиозного объединения – *обучение религии и религиозное воспитание последователей*. Он предполагает распространение сведений о религии и сообщение знаний, наличие которых в рамках определенной группы признается достаточным для того, чтобы стать ее членом.²

Завершая описание такой категории, как религиозное объединение, следует отметить, что для уголовного права не имеет значения, в какой форме – религиозной организации или религиозной группы – оно функционирует.

Первым деянием, входящим в рамки объективной стороны организации религиозного объединения, посягающего на личность или права граждан, является его **создание**. В юридической литературе неоднозначно решается вопрос о понятиях «создания» и «организации». Традиционно толкование понятия «организация» дается через понятие «создание», а «создание» – через «организацию».³ Следовательно, при выяснении различий между этими двумя понятиями наступает определенная путаница. Более того, существует мнение, что законодатель ставит знак равенства между созданием и организацией религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.⁴

¹ Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях / Г.П. Байдаков [и др.]. – 2-е изд. – М., 1996. – С. 72.

² Куницын, И.А. Указ. работа. – С.153.

³ См., напр.: Комментарий к УК РФ / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – 2-е изд. испр. и доп. – М., 1998. – С. 570; Дагель, П. Ответственность за посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов / П.Дагель // Советская юстиция – 1962. – № 22. – С. 24; Пилявец, В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений. – С. 18.

⁴ Пилявец В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений. – С. 18.

Советский энциклопедический словарь термин «**организация**» понимает в трех значениях: как внутреннюю упорядоченность, согласованность чего-либо; совокупность процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого; объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил, процедур.¹ Исходя из смысла рассматриваемой нормы, организация религиозного объединения должна пониматься и как процесс образования единого целого, и как процесс обеспечения функционирования этого уже созданного целого. Таким образом, *организация* в смысле ст. 239 УК РФ включает в себя два самостоятельных деяния: создание и руководство, и, указывая в названии ст. 239 УК РФ термин «организация», а в ее первой части – «создание», законодатель не имел в виду выполнение одного и того же деяния. Однако, исходя из смысла ч. 3 ст. 33 УК РФ, понятие организатора тождественно понятию лица, создавшего преступную группу. Из этого следует, что, несмотря на логичность положения о том, что организация религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, включает в себя создание и обеспечение функционирования объединения, во избежание неоднозначного толкования указанных терминов в различных статьях Особенной части УК РФ целесообразно поставить знак равенства между ними.

Понятие **создания** группы достаточно точно дано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ применительно к банде², если адаптировать это понятие к религиозным объединениям, посягающим на личность и права граждан, то под их созданием следует понимать совершение любых действий, результатом которых стало образова-

¹ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд. – М., 1983. – С. 931.

² О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (СССР, РСФСР) по уголовным делам / сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. – М., 2001. – С. 264.

ние религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью либо побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний.

С объективной стороны создание может быть выражено в активных действиях по подбору участников и распределении ролей между ними (при этом организатор может использовать различные способы: уговоры, подкуп, угрозы и др.), в разработке плана деятельности объединения и ознакомлении участников с целями будущей преступной деятельности, в выработке организационных форм связи между участниками и методов преступной деятельности, в поддержании силой своего авторитета (вплоть до расправы с неугодными), приобретении соответствующей литературы, подготовке уставных документов, с намерением зарегистрировать объединение и т.п.¹

Интересным является вопрос о различии «создания» как процесса и «создания» как результата. Оконченным деянием в рамках ч. 1 ст. 239 УК РФ должно признаваться только «создание» как результат. При создании религиозной группы преступление окончено с момента, когда участники дали согласие на осуществление определенных действий в ее составе. Однако существует и противоположное мнение, согласно которому уголовная ответственность по ст. 239 УК РФ связывается с самим процессом создания и должна наступать даже в случае, если такое объединение еще не сформировалось.² Такая точка зрения представляется несколько спорной в силу того, что в некоторых случаях это означало бы привлечение к уголовной ответственности за мысли, что противоречит принципам современного уголовного права.

¹ См.: Царегородцев, А.М. Указ работа. – С. 20; Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения / под ред. В.Ф. Кириченко – М., 1970. – С. 162.

² Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселова. – С. 600.

Вопрос о моменте окончания создания в литературе решается практически единодушно. Большая часть исследователей являются сторонниками того, что окончательным созданием является с момента завершения его образования независимо от того, совершены ли посягательства на граждан или нет.¹ Тем не менее ранее в литературе существовало мнение, что для квалификации создания как окончательного необходимо, чтобы такое объединение начало свою деятельность и его деятельностью был причинен реальный вред общественным отношениям.² Однако указанная точка зрения кажется не совсем верной. Обусловлено это тем, что, как уже указывалось ранее, сам факт создания такого рода религиозных объединений несет в себе достаточную степень общественной опасности, чтобы это деяние было признано преступным. Учеными не раз подчеркивалось значение выделения ответственности лиц, находящихся в преступном объединении, которое заключается в том, что они за сам факт создания и участия в организации отвечают как за преступление вне зависимости от того, наступили ли какие-либо вредные последствия или нет.³ В отдельных, хотя редких случаях возможно пресечь наступление достаточно серьезных последствий, привлекая лиц к уголовной ответственности лишь за факт создания такого объединения. Нужно иметь в виду, что конкретные последствия не всегда легко определить, и нет достаточно надежных критериев для их установления.⁴ Поэтому позиция законодателя в данном случае является совершенно оправданной.

Отличительной чертой религиозной группы является то, что она осуществляет свою деятельность без государственной регистрации, а в случае намерений в дальнейшем преобразовать группу в организацию требуется уведомле-

¹ См., напр.: Фокин, М.С. Указ. работа. – С. 15; Дагель, П. Указ. работа. – С. 24 и др.

² Мишин, Н.Я. Указ. работа. – С.43.

³ Шаргородский, М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Шаргородский, М.Д. Избранные работы по уголовному праву / М.Д.Шаргородский. – СПб., 2003. – С. 381.

⁴ Трофимов, Н.И. Указ. работа. – С. 34.

ние органов местного самоуправления о начале деятельности.¹ Для квалификации не имеет значение, уведомлены ли органы местного самоуправления или нет, главным является фактическое создание. Аналогичным образом решается вопрос о религиозных организациях. Здесь необходимо согласиться с мнением М.С.Фокина о том, что, признавая наличие прав религиозной организации только с момента регистрации в органах местного самоуправления, законодатель определил момент окончания создания религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, как момент фактического образования объединения двух и более лиц. Более того, до регистрации в органах местного самоуправления религиозное объединение действует в форме религиозной группы. Именно поэтому верным является тот факт, что если в период до принятия решения органами местного самоуправления о регистрации религиозного объединения в форме религиозной организации его членами совершается преступление, то эти деяния не должны расцениваться как приготовление или покушение на совершение преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ.² Например, в России существует религиозное объединение «Аум Синрикэ». Факты криминальной деятельности этого объединения доказаны только в Японии, однако это стало поводом для выяснения характера деятельности ее филиала в России, в результате чего в России было возбуждено уголовное дело против ее членов (которое прекращалось, а затем возобновлялось). При этом не требовалось, чтобы имели место фактически совершенные насилье над гражданами, причинение вреда их здоровью или совершение иных действий, указанных в диспозиции. Достаточно, чтобы имелась цель совершения указанных деяний в будущем. Следовательно, наказуем сам факт создания объединения, который содержит возможность причинения вреда охраняемым общественным отношениям.³

¹ Куницын, И.А. Указ. работа. – С.141-142.

² Фокин, М.С. Указ. работа. С. 15-16.

³ Пилявец, В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений. – С. 21.

Создание религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, *как процесс* должно расцениваться как приготовление или покушение на совершение рассматриваемого преступления.

Существенной недоработкой законодателя, затрудняющей применение ст. 239 УК РФ на практике, является противоречие нормы самой себе. Так, с одной стороны, как было сказано выше, состав создания окончен с момента фактического объединения лиц, независимо от того, были ли совершены ими преступления. Но в качестве одного из признаков религиозного объединения законодатель указывает, что его *деятельность должна быть сопряжена* с насилием над гражданами, или иным причинением вреда здоровью, либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных действий. Говорить о сопряженности деятельности с вышеуказанными деяниями можно лишь тогда, когда они фактически совершены, т.е. законодатель сам ограничивает момент окончания состава создания моментом, когда членами объединения совершаются конкретные преступления. Это не подразумевает отсутствие состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, в случае, когда первоначальные цели создания религиозного объединения не были противоправными (например, объединение создавалось с целью отправлять религиозный культ), а позднее у руководителя или организатора появились такие цели. В такой ситуации необходимо некоторое время для «переориентации» членов объединения на противоправные цели функционирования. В этом случае момент окончания создания будет время, когда участники религиозного объединения согласятся с возможностью его функционирования с противоправными целями. В связи с этим позиция законодателя в отношении данного вопроса представляется не совсем верной, поэтому представляется целесообразным формулировку «создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена...» заменить на «создание объединения с целью совершения указанных деяний».

Руководство – это активная деятельность по обеспечению функционирования, совершенствованию взаимосвязей уже созданного религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. Руководство возможно только тогда, когда уже окончен состав создания такого объединения. Этот критерий является одним из основополагающих при разграничении руководства и создания. Конкретно руководство выражается в организации и проведении религиозных обрядов, изыскании и подготовке места их проведения, привлечении в группу новых членов, наставлении участников как следует действовать, контроле за деятельностью объединения и т.п.¹

Уголовно-правовое понятие руководства дается Пленумом Верховного Суда РФ относительно руководства бандой², преобразовав которое относительно религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, можно дать следующее определение руководства указанным объединением – это принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, так и с совершением им конкретных преступлений.

В действительности лица, создающие религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, и руководящие ими, нередко избегают ответственности в случае совершения участниками преступных деяний. Происходит это путем отрицания членства последних в объединении.³

Участие в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, возможно в

¹ См.: Галиакбаров, Р.Р. Указ. работа. – С. 32; Мишин, Н.Я. Указ. работа. – С.45; Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения / под ред. В.Ф. Кириченко. – М., 1970. – С. 162.

² О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1.

³ См., напр.: Мишкина, М. В Туре убивают православного священника / М.Мишкина // Красноярский комсомолец. – 2000. – 29 марта. – С. 3.

двух видах: во-первых, совершение уголовно-правового бездействия, во-вторых, активная деятельность, выразившаяся в совершении действий и направленная на осуществление поставленных перед объединением целей. Таким образом, участие является единственной формой объективной стороны состава рассматриваемого преступления, выполнение которого возможно как в форме действия, так и бездействия. Прежнее законодательство признавало преступным только второй вид участия, указав в норме УК РСФСР на «активное участие». Несомненно, что активные формы участия граждан в деятельности рассматриваемых религиозных объединений представляют наибольшую опасность для общества, нежели невыполнение определенных действий.¹ Однако простое членство предполагает не только номинальное членство, но и выполнение предписаний объединения, в данном случае – невыполнение некоторых действий, которые лицо должно и могло выполнить. Так, неправильным, на наш взгляд, являлось бы признать непроступным отказ матери обратиться за медицинской помощью в случае болезни ее ребенка, в результате чего здоровье, а иногда и жизнь ребенка поставлены в опасность. В данном случае налицо преступление, предусмотренное 125 УК РФ. Например, в одном из религиозных объединений в ряде случаев детям не оказывается медицинская помощь, не делаются прививки, что, по свидетельствам врачей, приводит к осложнениям иногда даже самых безобидных болезней.² Таким образом, бездействие членов религиозных объединений, которое несет в себе угрозу жизни или здоровью человека, несомненно, должно признаваться преступным. Именно поэтому, на наш взгляд, законодатель отошел от существовавшей ранее трактовки «активное участие».

Тем не менее спорным является вопрос о привлечении к уголовной ответственности по ст. 239 УК РФ лица, которое является членом (номинальным) такого рода религиоз-

¹ См.: Нуркаева, Т. Уголовно-правовая охрана права на свободу совести и религии / Т.Нуркаева // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 29.

² Кривельская, Н.В. Указ. работа. – С. 141-142.

ного объединения, осознает его противоправность, но не совершает самостоятельно никаких деяний, представляющих опасность для иных лиц (например, лицо, недавно вступившее в такое объединение и не решившее еще для себя – будет ли оно участвовать в противоправной деятельности). Представляется правильным, что сам факт осознания своего добровольного членства в религиозном объединении, которое своими действиями посягает на права граждан, не является необходимым и достаточным условием для положительного решения вопроса об участии в его деятельности.

Итак, простое участие, не выражающееся в совершении активных действий, может иметь место и подлежит квалификации по ч. 2 ст. 239 УК РФ в случае, если лицо совершает противоправное бездействие при наличии обязанности и возможности действовать. В связи с этим нам кажется неверной точка зрения, согласно которой уголовно-правовое значение имеет только активное участие в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.¹

Активное участие предполагает, что лицо принимает энергичное участие в деятельности объединения, направленное на осуществление преступных целей и способствующее функционированию объединения. Анализ теоретического и эмпирического материала позволяет сделать вывод о возможности трех форм активного участия:

– *обеспечение функционирования объединения*, которое заключается в подготовке, издании распространении соответствующей литературы, сборе денежных средств, отыскании помещений для проведения богослужений, предоставлении своей квартиры для проведения службы и др. Такие действия сами по себе формально не выходят за рамки закона, но поскольку осуществляются в рамках деятельности преступного объединения и обеспечивают его функционирование, являются участием в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан;

¹ См.: Нуркаева, Т. Указ. работа. – С. 29; Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселова. – С. 600.

– совершение в процессе деятельности такого объединения *противозаконных действий*. Эта форма участия гораздо более опасна, нежели первая, поскольку участник такого объединения совершает конкретные противоправные (нередко преступные) действия. Определенное распространение имеют такие виды преступной деятельности, как убийства по религиозным мотивам, причинение вреда здоровью различной тяжести, мошенничество и др. Все преступления, совершенные в рамках деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, следует квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 239 УК РФ и статьи Особенной части, предусматривающей ответственность за то или иное деяние;

– следует признать необходимым выделение в отдельную форму таких действий, входящих в рамки участия, как *вовлечение новых членов*. Самостоятельность этих действий обусловлена тем, что они могут содержать в себе как формально законное вовлечение, так и вовлечение с помощью угроз, шантажа, применения психотехники и других незаконных способов¹, т.е. налицо признаки и первой, и второй указанных выше форм (и обеспечение функционирования объединения, и совершение противозаконных действий). Нередко даже в случае формально законного вовлечения в религиозное объединение используются обман или умолчание о сущности объединения, которая раскрывается вновь обращенным достаточно поздно для того, чтобы беспрепятственно выйти из объединения.

Примером вовлечения может послужить деятельность одной из широко известных организаций, в которой для вербовки своих сторонников адепты и руководители указанной организации настойчиво обходят жилые дома, дежурят в общественном транспорте, общественных местах. Организация строго отслеживает всех жителей районов, в которых

¹ К незаконным способам вовлечения следует относить применение различного рода насилия, виды которого будут рассмотрены ниже при характеристике насилия, применяемого религиозными объединениями к гражданам.

они действуют, учитываются установочных данные жильцов, сведения о времени пребывания в квартире, здоровье, интересах и т.п.¹ для того, чтобы процесс и методы вовлечения отдельных жителей были более совершенны. Процесс вовлечения новых членов объединения – это своего рода целая наука, подготовка «вербовщиков» в некоторых объединениях длится год-два, такие люди хорошо знают, на кого стоит обращать внимание, а мимо кого можно и пройти.²

Особенно опасно вовлечение несовершеннолетних, поскольку их психика легко подвержена влиянию извне. В связи с этим настораживает тот факт, что некоторые религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, стремятся получить доступ к начальной образовательной школе, высшим и средним специальным учебным заведениям.³ Выглядит совершенно обоснованным внесенное В.П.Воротниковым на рассмотрение Государственной Думой РФ предложение о дополнении ст. 239 УК РФ квалифицирующим признаком указывающим на вовлечение в деятельность объединения, посягающего на личность и права граждан несовершеннолетнего лица. Однако это предложение было отклонено.⁴

В связи с нередко встречающимися на практике фактами насильственного вовлечения в деятельность рассматриваемых объединений важным является указание на признак *добровольности* участия как условия привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 239 УК РФ. Если лицо участвует в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, под влиянием

¹ Сборник рекомендаций для работы с нетрадиционными религиозными организациями г. Красноярска. – С. 20.

² Соколовская, А. Вербовщики / А.Соколовская // Сегодняшняя газета. – 2002. – 19 июня. – С. 8.

³ Прозоров, А.Д. Как спасти себя и своего ребенка от тоталитарной секты / А.Д.Прозоров. – СПб., 2000. – С. 68-70.

⁴ Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» № 307685-3 от 18.03.2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа // www.legislature.ru.

физического или психического принуждения, в ряде случаев может иметь место обстоятельство, исключающее преступность деяния, и действия лица следует оценивать с учетом ст. 40 УК РФ.

Помимо рассмотренных двух форм участия в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, следует выделить в самостоятельный вид участие в деятельности объединения в том случае, когда *лицо фактически не входит в ее состав группы*. Такое участие может быть следующих видов:

– лицо каким-либо образом способствует деятельности объединения, осознавая его противоправность (например, предоставляет помещение для проведения культовых мероприятий, само в них не участвует). На наш взгляд, такие действия должны квалифицироваться через ст. 33 УК РФ;

– лицо участвует в совершении конкретных преступлений, совершаемых членами религиозного объединения, осознавая, что оно действует в составе религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. Такие деяния следует квалифицировать как участие в деятельности объединения по совокупности с соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Для правильной квалификации необходимо разграничивать руководство и участие. Внешне участие (особенно если оно активное) в некоторых случаях достаточно схоже с руководством. Существует мнение о том, что разграничение следует проводить по двум признакам: во-первых, по степени важности этой деятельности для существования группы в целом, во-вторых, в зависимости от того, находится ли лицо в составе органа, созданного специально для руководства группой.¹ Однако, как подчеркивает уважаемый автор этой идеи, решающее значение для разграничения руководства и участия имеет первый признак, поскольку, даже не находясь в составе органа, управляющего деятельностью группы, отдельное лицо, имея способности руководителя, может оказывать существенное влияние на поддержание ее работоспособности.

¹ См.: Галиакбаров, Р.Р. Указ. работа. – С. 33.

В заключение рассмотрения вопроса об участии в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, следует отметить, что такое участие возможно только после того, как окончено создание. В связи с этим правильным представляется решение Ломоносовского районного суда г. Архангельска об оправдании ряда лиц, обвиняемых в участии в подобного рода объединении, по причине того, что не установлен факт создания объединения, а следовательно, не может иметь место и участие.¹

Таким образом, участие в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, возможно в нескольких видах:

- членство и осуществление преступного бездействия;
- членство и осуществление преступных действий;
- преступное действие без членства в объединении (как непосредственный исполнитель, так и через ст. 33 УК РФ).

Следующим деянием, входящим в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, является **пропаганда** деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. Выделение указанного деяния не случайно, поскольку многие из рассматриваемых религиозных объединений обязывают своих адептов заниматься пропагандой вероучений и вовлечением новых членов. В значительном количестве религиозных объединений существуют самостоятельные органы, занимающиеся миссионерской деятельностью,² адепты религиозных объединений проводят массовые пропагандистские акции. Так, по результатам проведенного в 2000 году в Нижнем Новгороде опроса студентов местных вузов в течение одного месяца, предшествующего опросу, 37,3% опрошиваемых подвергались пропагандистским действиям со стороны членов различных религиозных объединений.³

¹ Архив Ломоносовского районного суда г. Архангельска, уголовное дело № 1-1260/98.

² Луапарев, Г.П. Социальное назначение религиозных организаций как основа их правового статуса / Г.П.Луапарев // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 26.

³ Таганов, М. Тоталитарные секты и студенчество: попытка исследования / М.Таганов // «Тоталитарные секты» – угроза XXI века : материалы международной научно-практической конференции. – С. 204-207.

Законодатель не конкретизировал в ч. 2 ст. 239 УК РФ, о пропаганде каких деяний идет речь, указав «...пропаганда деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи». Однако, с одной стороны, ч. 1 ст. 239 УК РФ предусматривает создание и руководство религиозным объединением, посягающим на личность и права граждан. С другой стороны, в этой же части дается перечень деяний, которые будут свидетельствовать о посягательстве на личность и права граждан (насилие над гражданами или иное причинение вреда их здоровью, побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний). В юридической литературе на этот момент внимание не обращается, тем не менее это имеет важное значение для квалификации деяний по ч. 2 ст. 239 УК РФ. Думается, что речь идет о пропаганде насильственных действий, иного причинения вреда здоровью граждан и побуждении граждан к отказу от исполнения своих гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, т.е. о пропаганде деятельности религиозного объединения.

Для выяснения сущности термина «пропаганда» в смысле ст. 239 УК РФ, необходимо разобраться с его этимологией. Пропаганда – это распространение и углубленное разъяснение каких-либо идей в обществе. Распространить – сделать доступным, известным для многих; разъяснить – объяснить, сделать ясным, понятным.¹ Следовательно, под пропагандой насилия над гражданами, иного причинения вреда здоровью, сведений, связанных с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, следует понимать совершение активных действий, делающих доступными и понятными большому кругу лиц сведения о видах и характере деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, о порядке вступления в него и т.д. При этом представляется, что распространяемые сведения не обязательно должны прямо призывать к

¹ См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохорова. – С.1065; Ожегов, С.И. Указ. работа. – С. 616, 655, 662.

совершению или не совершению определенных деяний лицами, которым эти сведения становятся известными, хотя наличие такой цели не исключается. Но в данном случае возможны и другие цели распространения, такие как жажда скандальной славы, привлечение новых адептов и др.

Ярким примером пропаганды является распространенный в сети Интернет в апреле 2005 года призыв неоязыческой организации «Духовно-Родовая держава Русь». В нем, в частности указывалось: «...Признать существо в должности заместителя председателя правительства А.Жукова виновным в совершении преступления иудонацистской оккупации¹... Приговорить существо в должности заместителя председателя правительства РФ А. Жукова к смертной казни. Смертную казнь существа в должности заместителя председателя правительства А. Жукова может осуществить любой Родович Державы Русь – субъекта РФ или гражданин Российской Федерации любыми средствами, в любой форме, в любое удобное время...»². В данном случае налицо активные призывы к причинению смерти конкретному лицу, обращенные к неограниченному кругу лиц. Однако абсолютно не понятны действия правоохранительных органов в ответ на такое заявление. Вместо решения о возбуждении уголовного дела, прокурор Центрального административного округа г. Краснодара ограничился вынесением предостережения главе организации о недопустимости экстремистской деятельности. Более того, что прокуратурой были установлены и другие факты призывов к экстремистской деятельности со стороны указанной организации.³

Согласно этимологическому толкованию сведения должны быть понятны и доступны большому кругу лиц, многим. Однако в уголовном праве распространение считается оконченным с момента передачи сведений (напри-

¹ Под преступлением авторы призыва понимают монетизацию льгот.

² Праворадикалы вынесли смертный приговор вице-премьеру Александру Жукову [Электронный ресурс]. – Режим доступа // <http://xeno.sova-center.ru>.

³ Ноязычникам Краснодара вынесено предостережение «за экстремизм» [Электронный ресурс]. – Режим доступа // <http://xeno.sova-center.ru>.

мер, клевета) или определенных материальных объектов (например, порнографических изделий) хотя бы одному человеку.¹ Следует согласиться с тем, что распространение рассматриваемых сведений, а равно и пропаганда будут окончены с момента передачи сведений хотя бы одному лицу, поскольку толковать один и тот же термин в рамках одного закона по-разному без указания об этом в самом законе недопустимо. Подтверждением этому выступает редакция рассматриваемого преступления в УК РСФСР, где законодатель прямо указывал на систематическую пропаганду, т.е. автоматически признавая просто пропаганду оконченной с момента распространения сведений хотя бы одному лицу. Позиция законодателя, проявившаяся в редакции ст. 227 УК РСФСР, по всей видимости, более верна в силу того, что распространение и разъяснение сведений, призывающих к совершению противоправных деяний, приобретает повышенную общественную опасность только в том случае, когда оно приобретает характер системы, т.е. совершенно два или более двух раз. Единичные случаи такой пропаганды не образуют состав рассматриваемого преступления, поскольку они не свидетельствуют об устойчивости взглядов пропагандиста. Поэтому представляется, что существующую редакцию ч. 2 ст. 239 УК РФ в части пропаганды следует заменить на редакцию, которая присутствовала в ст. 227 УК РФ: *систематическая пропаганда деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи.*

Пропаганда может осуществляться в двух формах – устной (публичные выступления, индивидуальные беседы и т.п.) либо письменной (распространение печатной литературы, листовок, помещение материала в Интернете² и т.п.). В связи с этим определенный интерес представляет вопрос о том, к какой форме деяния следует относить подготовку

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 308; Курс уголовного права. Особенная часть. Том 4 / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – С. 442.

² См.: Богданов, В. «Белое братство» зомбирует Урал / В.Богданов // Российская газета. – 2003. – 27 июня. – С. 27.

(написание) печатной литературы, издаваемой в связи с деятельностью религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. Дело в том, что распространение печатных изданий предполагает прием подписки, обработку заказов на печатные издания, экспедирование, перевозку и доставку.¹ Как видно, авторство печатного издания не входит в этот перечень и, следовательно, не может быть отнесено к пропаганде. Получается, что лицо, распространившее несколько печатных изданий, призывающих к насилию и другим деяниям, указанным в ч. 1 ст. 239 УК РФ, будет привлечено к уголовной ответственности по ст. 239 УК РФ, а лицо, которое является автором изложенных в издании идей, – нет. Такой подход, конечно, неверен, и подобные действия следует расценивать как руководство либо участие в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, в случае если последнее уже создано. Если же оно еще не создано и лицо подготавливает текст, издает и распространяет печатное издание с целью привлечь внимание потенциальных членов будущего объединения, это является действиями по созданию такого рода религиозного объединения. Важным в данном случае является тот факт, что лицо, подготовившее текст печатного издания, имело цель в дальнейшем его распространить, самостоятельно или с помощью иных лиц. Издание и размножение литературы иными лицами, не автором, с целью ее распространения предлагается квалифицировать как пособничество пропаганде (если распространять будет иное лицо) или приготовление к пропаганде (в случае личного распространения литературы).

Издание и распространение пропагандистской литературы достаточно опасно, особенно если с нею знакомятся лица, не утвердившиеся в своем мировоззрении или имеющие жизненные проблемы, что иногда приводит к совершению ими противоправных деяний. Так, студент К., увлекшись оккультной литературой, оставил учебу и со-

¹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я.Сухарева, В.Д.Зорькина, В.Е. Крутских. – М., 1999. – С. 790.

вместно с товарищем, который страдал психическим расстройством, совершил ритуальное убийство двух лиц.¹ Деятельность авторов и распространителей данной литературы следует квалифицировать как пропаганду. К сожалению, этот случай не единственный, но на практике достаточно сложно установить наличие причинной связи между чтением литературы и совершением убийства.

Пропаганда действий, указанных в ч. 1 ст. 239 УК РФ, может осуществляться всеми субъектами данного преступления. Лицо, создавшее объединение, его руководитель и участник осуществляют деятельность по пропаганде в рамках своей основной деятельности, а для пропагандиста такая деятельность является основной. Однако фактически довольно сложно представить осуществление пропаганды как самостоятельный вид деяния (помимо издания и размножения религиозной литературы, призывающей к осуществлению конкретной деятельности). Как правило, пропаганда является одной из сторон деятельности, наряду с выполнением иных функций. В связи с этим возможна путаница в определении фактической роли субъекта. Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Коми АССР в 1963 году был осужден Никифоров В.П. за активное участие в деятельности противоправной религиозной группы. Никифоров изготавливал и размножал религиозную литературу, призывающую к отказу от службы в армии, от которой сам уклонялся. Представляется, что в данном случае, налицо пропаганда действий, а квалифицировано деяние было как участие в деятельности религиозного объединения.²

В случае издания и размножения литературы лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 239 УК РФ только в том случае, если оно знает о содержании и желает или равнодушно относится к факту распространения и разъяснения этих сведений большому кругу лиц. В случае если лицо размножает источник для самостоятельного использования, состав пропаганды отсутствует.

¹ Сатанист осужден на 24 года // Прозрение. Православный информационно-просветительский журнал. – 2001 г. -№ 1. – С. 44.

² Мишин, Н.Я. Указ. работа. – С.47.

Пропаганда является формальным составом, и в случае наступления негативных последствий в виде нарушения прав граждан они должны быть оценены самостоятельно и квалифицированы по совокупности.

Пропаганду следует отличать от подстрекательства к совершению преступлений. Последнее предполагает склонение определенного лица к совершению определенного преступления, в то время, как пропаганда осуществляется абстрактно, безотносительно к конкретным лицам и деяниям. Однако возможна и совокупность данных деяний.¹

Таким образом, пропаганда деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, является продолжаемым преступлением и окончено с момента совершения как минимум двух пропагандирующих действий.

Религиозное объединение в рамках ст. 239 УК РФ должно осуществлять деятельность, которой присущи определенные признаки (отдельные или в совокупности). Согласно ч. 1 ст. 239 УК РФ **деятельность должна быть сопряжена** (исходя из рассмотренного нами выше противоречия, в дальнейшем мы будем употреблять словосочетание «имеющего целью» вместо «деятельность должна быть сопряжена»):

- 1) с насилием над гражданами;
- 2) с иным причинением вреда их здоровью;
- 3) побуждением к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных действий.

Под **насилием над гражданами** следует понимать внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить вред человеку, ограничить свободу его волеизъявления или действий.²

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о видах насилия в рамках ст. 239 УК РФ, хотелось бы уделить

¹ Шарапов, Р.Д. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности / Р.Д.Шарапов. – Тюмень, 2002. – С. 60.

² Сердюк, Л.В. Указ. работа – С. 22.

немного внимания уже упоминаемому ранее дополнению в рассматриваемую норму, предложенному В.П.Воротниковым в Проекте федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» от 18.03.2003 г. № 307685-3.¹ Согласно этому предложению ч. 2 ст. 239 должна содержать такой квалифицирующий признак, как совершение указанных в ч. 1 деяний с применением насилия или угрозой его применения. Однако такое предложение выглядит абсолютно не логичным, в силу того, что насилие над гражданами является одним из конструктивных альтернативных признаков ст. 239 УК РФ (о чем прямо говорится в части первой). В связи с этим указание на применение насилия в качестве квалифицирующего признака лишь запутает рассматриваемую норму еще больше, и само такое предложение по меньшей мере не является конструктивным.

Относительно вида насилия, применяемого к гражданам, на сегодняшний день не достигнуто единого мнения. В доктрине уголовного права существуют различные точки зрения на виды насилия. Изначально (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года) под термином «насилие» понималось только насилие физическое, т.е. причиняющее боль.² Сегодня это понятие расширено некоторыми учеными до физического и психического,³ а некоторыми – до физического, психического и имущественного.⁴ Представляется, что наиболее верной является вторая точка зрения, поскольку из буквально толкования термина «насилие» следует, что под ним понимается «... действие стесни-

¹ Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» № 307685-3 от 18.03.2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа // www.legislature.ru

² Сердюк, Л.В. Указ. работа. – С. 12.

³ См.: Нуркаева, Т. Указ. работа. – С.28.

⁴ Тюменев, А.В. Виды криминального насилия (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / А.В.Тюменев. – Рязань, 2002. – С. 14-19.

тельное, обидное, незаконное и своевольное»¹. Повреждение имущества, его уничтожение, думается, может выступать лишь элементом незаконного, своевольного и обидного действия, которое по своему характеру может быть отнесено к способу осуществления физического насилия.

О каком насилии идет речь в ст. 239 УК РФ? Вряд ли можно согласиться с мнением о том, что закон сужает понимание этого термина только до физического насилия, не распространяя его на насилие психическое.² Во-первых, употребляемый законодателем термин не ограничивает круг видов применяемого насилия, из чего следует, что он (законодатель) подразумевает все его виды. Во-вторых, применительно к ст. 239 УК РФ можно и нужно говорить о всех видах насилия.

Итак, первым видом насилия, применяемого членами религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, является *физическое*, под которым понимаются причинение физической боли, вреда здоровью, смерти против или помимо воли потерпевшего,³ а также ограничение физической свободы. Такое насилие заключается, например, в нанесении побоев, истязании, умышленном причинении вреда здоровью любой тяжести и т.п. В связи с этим не существует единого мнения по поводу того, какое физическое насилие охватывается рамками ст. 239 УК РФ, а какое подлежит дополнительной квалификации. Мнения ученых по этому поводу разделились. Первые говорят о том, что вред определенной тяжести (до легкого⁴ или до среднего без отягчающих обстоятельств⁵) охватывается диспозицией ст. 239 УК РФ, а вред более тяжкий подлежит

¹ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И.Даль. – М., 1956. С. 469.

² См.: Шарапов, Р.Д. Указ. работа. – С.57; Нуркаева, Т. Указ. работа. – С.28.

³ Тюменев, А.В. Указ. работа. – С. 14.

⁴ Пилявец, В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений. – С. 19.

⁵ Нуркаева, Т. Указ. работа. – С. 28.

дополнительной квалификации (исходя из санкций).¹ Вторые придерживаются точки зрения, согласно которой любой вред, фактически причиненный в процессе деятельности религиозного объединения, выходит за рамки рассматриваемого состава и должен быть оценен по совокупности.² Действительно, исходя из санкций статьи 239 УК РФ и иных составов, предусматривающих ответственность за применение физического насилия, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет (как в санкции ч. 1 ст. 239 УК РФ) предусматривается только за нанесение побоев, истязание, умышленное причинение легкого вреда здоровью и умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести без квалифицирующих признаков. Однако, представляется что, при решении этого вопроса необходимо руководствоваться не сравнением санкций статей, а моментом окончания преступления. Ранее был сделан вывод о том, что организация религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, является формальным составом, т.е. окончена с момента создания объединения, выполнения хотя бы одной управленческой функции или вступления в такое объединение. Это значит, что на квалификацию не влияет, совершили ли члены объединения какие-либо насильственные действия в отношении граждан или нет. Если пойти по пути признания некоторых видов применения насилия конструктивными признаками состава ст. 239 УК РФ, то на практике получится неоднозначная ситуация. Лица, создавшие объединение рассматриваемого рода или руководящие ими, не совершившие еще никаких посягательств, будут привлечены к уголовной ответственности только по ст. 239 УК РФ. Другие указанные субъекты, которые не только создали объединение, но и уже приступили к своей противоправной деятельности, также мо-

¹ См.: Пилявец, В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений. – С. 19.

² См.: Фокин, М.С. Указ. работа. – С. 17; Дубовец, П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву / П.А.Дубовец. – М., 1984. – С.152.

гут быть привлечены к уголовной ответственности в ряде случаев только по ст. 239 УК РФ, несмотря на то что объем выполненных действий и нарушенных прав различен. Это, безусловно, нарушает принцип справедливости, закрепленный в уголовном законе. Следовательно, насилие, применяемое в процессе уже созданного объединения, как цель его деятельности подлежит квалифицировать самостоятельно по совокупности со ст. 239 УК РФ. Насилие же, с помощью которого создается объединение и его члены удерживаются в рамках его структуры, должно оцениваться с точки зрения сравнения санкций.

Возможность применения *психического* насилия руководителями и членами религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, не отрицается большинством ученых. Однако разными являются представления о его виде. Так, некоторыми исследователями представление о психическом насилии сужается лишь до угрозы применения физического.¹ Угроза при этом должна быть умышленной, серьезной, т.е. вызывать опасение, что она может быть осуществлена в более или менее близком будущем.² Угроза применения физического насилия, несомненно, является видом психического и достаточно часто встречается на практике. Так, например, ранее упоминаемый Усов, создавший религиозное объединение в 2000 году в г. Барнауле, воздействовал на целый ряд потерпевших путем угроз, что, в случае если они прекратят посещать собрания, с ними случится нечто плохое³ (неконкретизированная угроза).

Однако, как показывает практика, отличительной чертой психического насилия, применяемого к гражданам в процессе деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, является то, что достаточно часто объект психического насилия не подозревает

¹ См.: Нуркаева, Т. Указ. работа. – С.28.

² Старков, О.В. Проблема понятия, классификации и показателей религиозных преступлений / О.В.Старков, Л.Д.Башкатов // Российский следователь. – 2001. – № 1. – С. 32.

³ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула, уголовное дело № 1-118 / 01.

о применяемом к нему насилии, вследствие использования приемов зомбирования, разрушающих психику человека.¹ В связи с этим уместно говорить о таком виде психического насилия, как целенаправленное психическое воздействие с целью изменения идеологических и психологических структур подсознания и сознания, стимулирования определенных типов поведения.² Так, в приведенном выше примере Усов заставлял потерпевших смотреть ему прямо в глаза в то время, когда он совершал насильственные действия сексуально характера. По показаниям ряда потерпевших, они не осознавали, что с ними делают.³ В этом случае применение психического насилия стало способом воздействия. Но при таком виде психического насилия объект не всегда осознает, что с ним происходит. Кроме того, психическое насилие может иметь вид обычного внушения посредством слова (например, внушение о необходимости прерывания контактов с родными, близкими, друзьями, которое практикуют большинство деструктивных религиозных объединений). По данным Л.П. Гримака, существует целый комплекс психотравмирующих воздействий, которые разрабатываются лидерами религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, для воздействия на адептов.⁴ При этом даже обращение к психологам и психотерапевтам за помощью не всегда приводит к положительным результатам в силу того, что они не знакомы с техниками психического воздействия, применяемыми религиозными объединениями.⁵

¹ Хвыля-Олинтер, А.И. Организованная преступность и деструктивные религиозные секты / А.И.Хвыля-Олинтер // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД России, – 1197. – № 1. – С. 60; Бурковская, В. Проблемы вменяемости членов религиозных или общественных объединений, посягающих на личность и права граждан / В.Бурковская // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 4.

² Тюменев, А.В. Указ. работа. – С. 16.

³ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула, уголовное дело № 1-118 / 01.

⁴ См.: Гримак, Л.П. Указ. работа. – С. 82-83.

⁵ Байдаков, Г.П. Указ. работа. – С. 87.

Эти два вида психического насилия между собой существенно различаются. Так, при использовании субъектом преступления угрозы, у потерпевшего, несмотря ни на что, имеется возможность выбора действий, даже если выбор приведет к плачевным результатам. Во втором же случае, когда используются гипноз, психотехника и т.п., у лица такого выбора нет, поскольку оно не всегда понимает, что к нему применяется насилие. В связи с этим в теории уголовного права в противовес мнению о том, что вид насилия, осуществляемого с целью изменения идеологических или психологических структур или сознания и подсознания, стимулирования определенных типов поведения, следовало бы относить к психологическому насилию (или воздействию),¹ существует точка зрения, согласно которой этот вид насилия следует относить к разновидности насилия физического – без повреждения наружных тканей (по аналогии со спаиванием, отравлением).² Рассматриваемое насилие, несомненно, применяется без повреждения наружных тканей, однако является достаточно ощутимым. Кроме того, подобные приемы используются для подчинения тела человека воле виновного, превращения его в его орудие в своих руках. То есть фактически рассматриваемый вид насилия является способом применения собственно физического насилия.

Таким образом, представляется наиболее верным отнесение рассматриваемого вида насилия к разновидности физического, а под психическим насилием понимать только угрозу его применения. Исходя из этого, целесообразно указать в качестве цели создания и функционирования религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, «...применение насилия над гражданами или угрозы его применения».

В теории уголовного права выделяют еще один вид насилия – *имущественное*, это становится актуальным и

¹ См., напр.: Тюменев, А.В. Виды криминального насилия / А.В.Тюменев. – Рязань, 2002. – С. 84; Тер-Акопов, А.А. Указ. работа. – С.106-107.

² См.: Гаухман, Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами / Л.Д.Гаухман. – М., 1969. – С. 19.

для исследуемой темы, поскольку 1% имущественных насильственных преступлений, по некоторым данным, совершается по религиозным мотивам.¹ Однако, насилие предполагает воздействие на человека², воздействие же на имущество, на наш взгляд, будет являться способом подавления психики (уничтожение и повреждение имущества, а также угроза совершения этих действий) или же ограничения физических возможностей (например, приведение в негодность инвалидной коляски, делающее невозможным передвижение инвалида без посторонней помощи, как способ воздействия на последнего). Следовательно, воздействие на имущество будет являться видом физического воздействия.

Введение законодателем в диспозицию, наряду с применением насилия к гражданам, формулировки «**иное причинение вреда здоровью**» внесло неясность в разграничении этих двух деяний. Как было отмечено выше, причинение вреда здоровью любой тяжести автор относит к виду насилия. Что же тогда следует понимать под иным причинением вреда здоровью? В прежней формулировке аналогичной нормы (ст. 227 УК РСФСР) было все гораздо проще и понятней, законодатель говорил лишь о причинении вреда здоровью граждан или ином посягательстве на личность и права граждан, под которым понимались клевета, оскорбление, незаконное лишение свободы, истязания, развратные действия и др.

В связи с ответом на этот вопрос большая часть ученых придерживаются мнения о том, что иное причинение вреда здоровью подразумевает ненасильственное воздействие³ и заключается в проповедовании учения, предлагающего рискованную диету⁴, отказ от совершения некоторых медицин-

¹ Тюменев, А.В. Указ. работа. – С.67, 72.

² Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – М., 1984. – С. 187.

³ См., напр.: Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселова. – С. 599; Курс уголовного права. Особенная часть. Том 4 / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М., 2002 – С. 425.

⁴ Например, жительница г. Саяногорска (Хакасия) длительное время отказывалась от пищи вследствие того, что, по словам руководителя местного религиозного объединения, в ней слишком много шлаков, это

ских манипуляций (от переливания крови. Известны случаи, когда верующие умирали или усугубляли свое состояние, отказавшись от медицинской помощи.¹). Нередко вред своему здоровью наносится самими верующими, например в процессе моления, когда в экстазе они бьются головами об пол, стены и т.п.² Представляется, что доведение лица до самоубийства (или попытки самоубийства) также следует относить к иному причинению вреда здоровью. Но все-таки, несмотря на логичность такого взгляда, существует мнение о том, что насилие над гражданами включает в себя только побои, незаконное лишение свободы, насильственные действия сексуального характера и т.п. (т.е. то, что не связано с причинением вреда здоровью), а иное причинение вреда здоровью включает вред легкой, средней тяжести и тяжкий.³ Однако такая точка зрения представляется не верной в силу того, что, во-первых, причинение вреда здоровью является формой насилия, а, во-вторых, признание этого мнения вызвало бы неясность: почему же тогда законодатель говорит не просто о причинении вреда здоровью, а о ином причинении. Примером иного причинения вреда здоровью может послужить случай, произошедший в г. Кривой Рог в 60-х годах XX столетия. Родственники тяжело заболевшего пятидесятника Придатко М., следуя предписаниям учения и просьбам больного (который также исходил из постулатов вероучения), вместо того чтобы вызвать врача, стали со-

мешает ей расти духовно, в результате женщина стала инвалидом II группы. См.: Столярчук, Н. Пророков нет в отечестве моем / Н.Столярчук // Комок. – 2001. – 4 декабря. – С. 4 -5.

¹ См., напр.: Малиновский А.А. Злоупотребление правом / А.А.Малиновский. – М., 2002. – С. 90.

² См., напр.: Неокульты: «новые религии» века? / Е.С.Прокошина [и др.] ; под ред А.С. Майхровича. – 3-е изд., доп. – Мн., 2000. – С. 223; Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера : справочник // Информационно-аналитический вестник. – 2-е изд-е, перераб. и доп. – С. 330; Нуркаева, Т. Указ. работа. – С.28.

³ Пилявец, В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений. – С. 19.

вершать над ним моления; из-за отсутствия медицинской помощи Придатко умер.¹

Таким образом, иное причинение вреда здоровью в рамках ст. 239 УК РФ включает в себя ненасильственное воздействие на граждан, связанное, например, с проповедованием учения, подразумевающего рискованную диету, отказ от медицинской помощи, склонение к самоубийству и т.п., которые закончились причинением вреда здоровью, т.е. те действия, которые в УК РСФСР понимались как «иное посягательство».

В связи с рассмотрением указанного момента возникает вопрос о том, каким образом может повлиять на квалификацию согласие потерпевшего на причинение ему вреда. Для начала следует привести пример согласия на причинение серьезных повреждений. Согласно свидетельствам одного из членов сатанинского религиозного объединения, в 1998 году он участвовал в обряде «магического убийства». Один из членов объединения добровольно согласился подвергнуться пыткам. Его привязали к металлическим трубам, все остальные участники объединения, исполняя соответствующие песни, наносили удары руками и палками по жизненно важным органам. Все тело добровольца к концу ритуала было в синяках и крови, однако он остался жив и в момент избиения не чувствовал боли, т.к. был опьянен каким-то наркотиком.² Следует ли привлекать участников ритуала к уголовной ответственности за данные деяния?

В теории уголовного права существуют различные точки зрения на данную проблему. Представители первой придерживаются мнения, что согласие потерпевшего на посягательства на телесную неприкосновенность исключают противоправность деяния.³ Другие говорят о том, что

¹ Дагель, П. Ответственность за посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов / П.Дагель // Советская юстиция. – 1962. – № 22. – С. 23.

² Старков, О.В. Криминология: религиозная преступность / О.В.Старков, Л.Д.Башкатов ; под общ. ред. О.В.Старкова. – С. 330.

³ Жижиленко, А.А. Преступления против личности / А.А.Жижиленко. – М., 1927. – С. 35.

согласие потерпевшего не исключает противоправность деяния в случаях, специально предусмотренных законом (отказ от несения военной службы по религиозным мотивам); когда согласие дано на причинение легкого вреда здоровью, в силу того, что такие преступления относятся к делам частного или частно-публичного обвинения и возбуждаются только по просьбе потерпевшего.¹ В остальных случаях, если отсутствуют обстоятельства, исключающие преступность деяния, согласие потерпевшего на причинение вреда не исключает его противоправности. Вторая точка зрения представляется наиболее логичной, поскольку в случае существенного причинения вреда здоровью обязанность содержания потерпевшего возлагается на государство (выплата пенсии по инвалидности, предоставление бесплатных медикаментов и т.д.). В таком случае нельзя однозначно утверждать, что здоровье человека принадлежит ему, поскольку здоровье человека в какой-то мере является и достоянием государства. Не идет в разрез с таким взглядом дополнение ст. 122 (Заражение ВИЧ-инфекцией) примечанием, освобождающим от уголовной ответственности лицо, которое своевременно предупредило потерпевшего о наличии у первого заболевания.² Можно предположить, что это обусловлено тем, что ВИЧ-инфекция не является заболеванием и не всегда заражение ею приводит к заболеванию СПИДом. Этим же и объясняется, по всей видимости, тот факт, что в отношении заражения венерической болезнью такого примечания не существует.

Таким образом, согласие потерпевшего на причинение вреда здоровью исключает противоправность деяния только в том случае, если это предусмотрено законом или каса-

¹ См.: Расторопов, С. Уголовно-правовое значение согласия на причинение вреда своему здоровью / С.Расторопов // Законность. – 2003. – № 10. – С.47-48; Михайлов, В.И. Согласие лица, как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В.И.Михайлов // Законодательство. – 2002. – № 2, – С. 8.

² См.: О внесении изменений и дополнений в УК РФ: Федеральный закон от 8.12.2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

ется совершения преступлений, являющихся делами частного или частно-публичного обвинения. При этом следует присоединиться к точке зрения о том, что лицо, дающее такое согласие должно обладать дееспособностью, правом на таковое, а согласие должно быть добровольным и своевременным.¹

В процессе расследования уголовного дела о деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, может выясниться, что первоначально целей применения насилия или иного причинения вреда здоровью граждан не было, а возникли они лишь в процессе функционирования объединения. Такое обстоятельство может повлиять на квалификацию преступления только в части создания объединения, так как лицо, его создавшее, не может быть привлечено к уголовной ответственности в силу того, что первоначальные цели не были преступными. Но, как известно, интересы, а соответственно, и цели деятельности группы могут изменяться от социально одобряемых в сторону антиобщественной направленности. Так, по результатам проведенного в начале 1980-х годов опроса, 90,4% членов групп, совершающих преступления с насильственной мотивацией, пояснили, что первоначально группа сложилась не для совершения преступлений, а имела социально одобряемые цели и интересы. Лишь 4,8% лиц, совершивших насильственные преступления в группе, указали, что группа сразу же сложилась для совершения того преступления, за совершение которого были осуждены ее участники.² То есть отсутствие противоправных целей в момент создания объединения, но появление их позднее не исключает наличия религиозного объединения, посягающего на личность права граждан.

Побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных

¹ Расторопов, С. Указ. работа – С. 48.

² Гридин, С.И. Социально-психологические аспекты группового антиобщественного поведения / С.И.Гридин // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. – Омск, 1983. – С. 31.

действий как одна из целей создания и деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, предполагает совершение действий, направленных на склонение его члена к невыполнению определенных обязанностей или совершению иных противоправных действий (подстрекательство). Гражданскими признаются обязанности, которые предусмотрены Конституцией и законами РФ и возникают у субъекта в силу принятия гражданства России или пребывания на ее территории (воспитание детей, уплата налогов, защита Отечества и др.).¹ УК РСФСР в ст. 227 предусматривал ответственность за побуждение к отказу от общественной деятельности. Такая формулировка, по всей видимости, была связана с существующей идеологией, при которой большое внимание уделялось участию граждан в деятельности различного рода общественных организаций и формирований, в том числе пионерской и комсомольской организаций (неучастие молодежи в них расценивалось как отрицательная характеристика). Однако такая формулировка усложняла решение вопроса о том, что следует относить к общественной деятельности. На сегодняшний день участие в общественной деятельности реально является правом, а не обязанностью, и закон конкретизирует обязанности, побуждение к неисполнению которых является преступным (основные обязанности граждан перечислены в Конституции РФ, следовательно, от нее и необходимо отталкиваться).

Неоднозначно отношение исследователей к вопросу о побуждении граждан к отказу от выполнения гражданских обязанностей, когда возможность не выполнять эти обязанности при наличии ряда условий предоставлена Конституцией РФ. Несомненным является тот факт, что лицо, отказавшееся от несения военной службы в силу религиозных убеждений, не будет нести ответственность в случае отсутствия отказа от замены ее альтернативной гражданской службой, поскольку это прямо предусмотрено Кон-

¹ Шарапов, Р.Д. Указ. работа. – С.57.

ституцией РФ и не является злоупотребление правом.¹ Однако как должен быть решен вопрос о побуждении граждан к отказу от нее? В.В. Пилявец считает, что если законодательство предоставляет возможность неисполнения гражданских обязанностей ввиду конкретных причин (в частности, отказ от военной службы по религиозным мотивам), то при наличии этих причин лицо не привлекается к какой-либо ответственности. Следовательно, нельзя привлекать к уголовной ответственности членов религиозного объединения за проповедование отказа от этих обязанностей².

Т.В. Вагина, напротив, полагает, что религиозное объединение не имеет права открыто призывать к отказу от несения воинской службы, несмотря на предоставленное Конституцией РФ право ее замены на альтернативную гражданскую.³

Попробуем разобраться с данной ситуацией, проанализировав ряд законов. Так, согласно Конституции РФ предоставленное ею право на свободу совести и вероисповедания (ст. 28) дополняется правом замены военной службы на альтернативную гражданскую в случае, если несение военной службы противоречит вероисповеданию (ст. 59). Это положение Конституции РФ нашло отражение в ст. 2 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе». Напротив, ст. 14 Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» в качестве одного из оснований ликвидации религиозного объединения предусматривает побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом обязанностей, а несение военной службы является одной из них. Но в этом же законе (ст.6)

¹ Под злоупотреблением правом следует понимать такую форму реализации права, которая осуществляется в противоречии с его назначением, посредством которой субъект причиняет вред другим участникам общественным отношений. См.: Малиновский, А.А. Указ. работа. – С. 39.

² Пилявец, В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений. – С. 19.

³ Вагина, Т.В. Вводная статья / Т.В.Вагина // Религиозные организации Красноярского края : справочник. – Красноярск, 2003. – С. 9.

одним из признаков религиозного объединения является обучение религии и религиозное воспитание последователей, т.е. если в религиозном учении присутствует запрет участвовать в военных действиях, значит, для того чтобы объединение было признано религиозным, его руководители должны доводить этот запрет до сведения последователей, т.е. побуждать их к отказу от службы в армии.

Исходя из вышеизложенного, логичным является вывод о том, что побуждение граждан к отказу от службы в армии при замене ее на альтернативную гражданскую службу является не преступным, а, наоборот, – есть право религиозных объединений. Однако здесь следует сделать оговорку, что такое побуждение ни в коем случае не должно сопровождаться насилием, при его наличии налицо состав ст. 239 УК РФ. Такой вывод можно подтвердить практикой Верховного Суда РФ (1996 год), который оставил без изменения и признал верным оправдание М. в связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 249 УК РСФСР (Уклонение от воинской службы). М., будучи призван на военную службу, после неоднократных заявлений о том, что ее несение противоречит вероисповеданию, фактически перестал исполнять обязанности по службе. Президиум Верховного Суда РФ признал правильными решения нижестоящих судов о том, что отказ от несения обязанностей военной службы по религиозным убеждениям не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 249 УК РСФСР, поскольку право на отказ и замену альтернативной гражданской службой содержится в ст. 28 и ч. 3 ст. 59 Конституции РФ.¹

При этом, как разъяснено Верховным Судом РФ, отсутствие закона об альтернативной гражданской службе (на тот момент он еще не был принят) не является основанием для привлечения лица к уголовной ответственности

¹ См.: Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации № 2н-04227/95 по делу М., п.11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 10.

за уклонение от очередного призыва на действительную военную службу.¹

Говоря о побуждении к совершению иных противоправных действий, законодатель предполагает подстрекательство к совершению не только преступлений, но и правонарушений, ответственность за которые предусмотрена иными отраслями права. Единодушно решается данный вопрос и в науке уголовного права².

Введение этого условия противоправности религиозных объединений достаточно обоснованно, так как в такого рода религиозных объединениях распространенным является склонение адептов к совершению различного рода правонарушений, а также преступлений, как по религиозным мотивам, так и общеуголовных. Например, с вовлеченных в объединение подростков требуют деньги, подталкивая их к совершению краж, и не только у близких; создают картотеки различных сведений о проживающих в районах действий объединения гражданах без их ведома³ и многое другое.

Решая вопрос о перечне форм побуждения, следует исходить из форм подстрекательства, поскольку эти понятия по своему смыслу являются равнозначными. Так, закон (ч. 4 ст. 33 УК РФ), определяя конкретные формы подстрекательства как уговор, подкуп и угроза, оставляет этот перечень открытым. Это связано прежде всего с тем, что, как отмечал М.И.Ковалев, «сила воздействия со стороны посторонних лиц определяется в подавляющем большинстве случаев не интенсивностью употребляемых средств, а их характером. На одних людей можно подействовать психи-

¹ См.: Определение № 14-Дп 96-20 по делу Бакалина // Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам (на 1 января 2002 г.) / сост. А.В. Агафонов, В.Н. Винокуров. – Красноярск, 2002. – С.169-170.

² См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1998. – С.506; Нуркаева, Т. Указ. работа. – С.29; и др.

³ Хвыля-Олинтер, А.И. Организованная преступность и деструктивные религиозные секты. – С.57.

ческим насилием, других, в силу доверчивости, легко обмануть, третьи скорее склонятся на просьбу, чем на угрозу, четвертых можно склонить обещанием материального вознаграждения и т.д.». ¹ Таким образом, формы побуждения достаточно многообразны, ими могут быть и уговоры, и угрозы, и шантаж, и др. В связи с этим следует иметь в виду, что понятие «побуждение» включает в себя понятие «принуждение», последнее при этом гораздо уже по объему, поскольку немислимо без физического или психического насилия, и совершенно обоснованным является утверждение, что принуждение игнорирует волю потерпевшего, а побуждение использует ее. ²

Побуждение может быть двух видов. Во-первых, когда человеку, от которого ожидается определенная форма противоправного поведения, прямо заявляется о том, что он должен совершить или не совершить (например, прямое требование совершить убийство непокорного). Во-вторых, когда прямого требования совершить конкретное деяние нет, но оно завуалировано в текстах учения, проповедях, правилах поведения верующих и т.п. Проиллюстрировать такую скрытую форму побуждения можно следующим: в шестидесятых годах XX века Ф., К. и Р., будучи руководителями и проповедниками объединения пятидесятников–«трясунов», систематически проводили молитвенные собрания, сопровождавшиеся выполнением религиозных обрядов, которые доводили людей до исступления. Они внушали членам общины, что ради вечной жизни можно идти на любые жертвы, доведя мать четверых детей К. до того, что она, прежде чем покончить собой, дважды пыталась убить свою малолетнюю дочь, стремясь к вечной жизни для обеих. ³

«Обработка» последователей может осуществляться как индивидуально, так и, как в приведенном примере, с использованием коллективных форм побуждения.

¹ См.: Мишин, Н.Я. Указ. работа. – С.50.

² Трофимов, Н.И. Указ. работа. – С. 136.

³ Алиев, И.А. Актуальные проблемы суицидологии. Уголовно-правовой и криминологический аспекты / И.А.Алиев. – Баку, 1987. – С. 84-85.

Наступление общественно-опасных последствий как элемент объективной стороны рассматриваемого состава преступления не является обязательным для признания преступления оконченным. На это уже указывалось ранее, применительно к каждому виду деяния. Еще раз следует подчеркнуть, что в случае наступления последствий, которые могут быть квалифицированы как самостоятельное преступление, независимо от степени его тяжести деяние следует квалифицировать по совокупности ст. 239 УК РФ и соответствующей статьи Особенной части УК.

В силу того, что состав преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, формальный, установление причинной связи не является обязательным элементом объективной стороны.

Таким образом, из анализа объективных признаков состава рассматриваемого преступления логичны выводы.

1. Родовым объектом организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, являются отношения, обеспечивающие общественная безопасность и общественный порядок. **Видовым объектом** – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. В качестве **основного непосредственного объекта** рассматриваемого преступления следует также выделять отношения по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка, а в качестве **дополнительного непосредственного объекта** – отношения, регулирующие права граждан.

2. Проведенное исследование объективных признаков позволяет предложить следующую редакцию статьи 239 УК РФ:

Организация объединения, посягающего на права и законные интересы граждан

1. Создание религиозного или общественного объединения с целью совершения насилия над гражданами или угрозы его применения или иного причинения вреда их здоровью либо побуждения граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных проти-

воправных деяний, а равно руководство таким объединением, –

наказываются ...

2. Участие в деятельности указанного объединения, а равно систематическая пропаганда деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, –

наказываются ...

§2. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН

Одним из элементов состава преступления выступает **субъект** преступного деяния, т.е. физическое, вменяемое лицо, его совершившее, достигшее возраста, с которого возможно наступление уголовной ответственности.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, являются вменяемые лица, создавшие религиозное объединение, его руководители и члены, т.е. граждане, принимающие непосредственное участие в религиозно-культурной практике, достигшие к моменту совершения преступления 16-летнего возраста.

Исходя из классического принципа уголовного права – принципа виновной ответственности, субъектом преступления может быть *только физическое лицо*. Вопрос о возможности признания субъектом преступления юридических лиц и организаций достаточно широко обсуждался как в зарубежной, так и в российской уголовно-правовой литературе, более того, некоторые проекты УК РФ предусматривали ответственность юридических лиц, в частности за экологические преступления.¹ Но тем не менее согласно действующему УК РФ субъектом преступления может быть только физическое лицо (ст. 20). Эта позиция представляется более верной, т.к. в любом случае в совершении определенного преступления всегда виновно конкретное лицо (или несколько лиц), а не абстрактное юридическое лицо. Степень

¹ Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова. – С. 170.

вины каждого члена организации различна, следовательно, различной должна быть и уголовно-правовая оценка деяний каждого. Данные размышления прямо применимы и к религиозным объединениям. Так, только конкретный человек привлекает первых адептов культа, создает учение, конкретный человек им руководит, и каждый адепт вносит свою долю усилий для поддержания функционирования объединения. В зависимости от роли и степени участия каждое физическое должно нести индивидуальную ответственность.

Социальный статус физического лица не имеет значения для признания его субъектом преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, им может быть как гражданин РФ, так и иностранец, и лицо без гражданства.¹

Возраст, с которого возможно наступление уголовной ответственности, является вторым признаком субъекта преступления. Согласно ст. 20 УК РФ этим возрастом применительно к ст. 239 УК РФ являются 16 лет. Устанавливая возраст, при достижении которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, законодатель исходит из того, что при достижении шестнадцати лет любой гражданин способен осознавать характер совершаемых деяний, в том числе деяний, связанных с осуществлением различных прав, в частности права на свободу совести и вероисповедания, отправления религиозных культов.

В связи с установлением законодателем возраста наступления уголовной ответственности за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, – 16 лет, возникает вопрос о соотношении этого возраста с возрастом, с которого личность может быть членом религиозного объединения вообще. Согласно ч. 3 ст. 8 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» членом религиозной организации может быть только лицо, достигшее 18 лет. Думается, эти два указания на возраст ни в коем случае не противоречат друг другу. Во-первых, как указывалось ранее, участие в деятельности рас-

¹ Подробно вопрос о признании иностранцев и лиц без гражданства субъектами рассматриваемого преступления был рассмотрен в § 1 настоящей главы.

смаатриваемых религиозных объединений не всегда предполагает членство в нем. Во-вторых, следует согласиться с мнением М.С.Фокина, согласно которому членство в религиозном объединении может быть законным, а может быть незаконным, что не должно влиять на решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности.¹ Более того, по поводу возраста членов религиозной группы указания в данном законе нет. Это означает, что членом религиозной группы может быть любое лицо независимо от возраста.

В силу специфики рассматриваемых объединений, где последователи нередко живут коммунами, изолированно от общества в течение достаточно длительного времени, целесообразно затронуть вопрос об ответственности лиц, которые достигли возраста уголовной ответственности, но отстают в психическом развитии, т.е. когда психологический возраст меньше возраста паспортного. Так, в неоднократно упоминаемой в настоящем исследовании общине Виссариона дети рождаются и воспитываются в полной изоляции от общества, находящегося вне «Города Солнца», построенного членами «Церкви Виссариона», что приводит к притуплению интеллектуальных способностей объективно воспринимать явления действительности.² Кроме того, лица, которые выросли в атмосфере нарушения прав, не знают, что это является противозаконным, и не могут об этом знать. Для них это образ жизни, норма.³ Это становится особенно актуальным сегодня, поскольку подрастает достаточно мно-

¹ Фокин, М.С. Указ. работа. – С. 18.

² Практике известен случай, когда тринадцатилетняя девочка абсолютно не была социализирована, набор известных ей слов ограничивался минимумом, поскольку ее держали «в полной невинности» и запрещали общаться с миром. См.: Малиновский, А.А. Указ. работа. – С. 95.

³ Например, отказ от обращения к врачам: если человек на протяжении всей сознательной жизни ни разу не столкнулся с врачебной помощью, поскольку проживал в изолированной общине, он в принципе может не подозревать о таковой или считать ее «противозаконной». Такой человек, наверняка, никогда не согласится на то, чтобы его ребенку была оказана врачебная помощь – а это является видом участия в деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.

гочисленное поколение, попавшее в изолированное общество во младенчестве или родившееся там. Так, «Церковь Последнего завета», была образована в начале 90-х годов XX века¹, и сегодня уже можно говорить о целом поколении, воспитанном в ней. В связи с этим при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности членов подобного рода объединений при наличии оснований полагать, что несовершеннолетний отстает в психическом развитии при отсутствии признаков невменяемости, следует назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу для установления возрастного психического развития (которое по своим показателям может соответствовать либо не соответствовать хронологическому возрасту²) и решения вопроса о наличии субъекта преступления (ч. 3 ст. 20 УК РФ). При этом не важно, чем вызвано отставание в психическом развитии: слабоумием или интеллектуальным недоразвитием без признаков патологии), главное, чтобы отставание привело к невозможности в полной мере осознавать подростком характер своих деяний.³

Особое внимание при рассмотрении вопроса о субъекте преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, следует уделить такому признаку, как *вменяемость*. В юридической литературе на сегодняшний день доминирующей является концепция, согласно которой понятие «вменяемость» состоит из двух критериев: медицинского и юридического. Юридический критерий означает способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния. Медицинский – отсутствие у лица хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики (ч. 1 ст. 21 УК РФ). Только наличие этих двух взаимосвязанных

¹ Дьяченко, О.В. Церковь Виссариона. Церковь Единой Веры. Церковь Последнего завета / О.В.Дьяченко, Г.Г.Рузова / Неокульты : «новые религии» века? / под ред. А.С. Майхровича. – С. 219.

² Назаренко, Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно-опасные деяния : монография / Г.В.Назаренко. – М., 2001. – С.115.

³ Там же. – С. 127.

критериев позволяет констатировать, что лицо, совершившее общественно-опасное деяние, является вменяемым.

В силу того, что религиозное мировоззрение оказывает достаточное влияние на психику, когда речь идет о религиозных объединениях, посягающих на личность и права граждан, это обстоятельство приобретает особое значение.¹

Проведенный автором социологический опрос граждан показал, что 50,6% считают, что лидеры религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, нуждаются в психиатрическом обследовании. О необходимости такого обследования рядовых членов такого рода религиозных объединений, высказались 49,4% опрошенных. Однако изучение судебной и следственной практики показывает, что лидеры и лица, создавшие религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, являются личностями с достаточно устойчивой психикой и не страдают никакими психическими расстройствами. Напротив, они обладают здравым рассудком, создавая такие объединения и руководя ими, преследуют определенные цели, тщательно подготавливают план, тщательно отбирают кандидатов на вступление в их объединение. Так, Бхагван Шри Раджниш, создатель и лидер одного из американских культов сам признался, что он «...гуру богатых. Существует достаточно много религий, которые занимаются бедными, мне же оставьте заниматься богатыми...»². Это объясняется тем, что от богатых он может получить гораздо больше сборов и пожертвований, и в подтверждение этому слова одного из его последователей: «Мы хотели, чтобы у него было 365 «роллс-ройсов». Новая машина – на каждый новый день.»³. Другой пример ясности ума лидера – неоднократно упоминаемый Сергей Тороп, или Виссарион, создавший «Церковь Последнего Завета». Доцент педагогического института, кандидат психологических наук, после беседы с Торопом дал ему следующую характери-

¹ Пилявец, В.В. Указ. работа. – С. 23.

² Привалов, К.Б. Указ. работа. – С. 37.

³ Там же.

стику: «Он безусловно вменяем и психически здоров, о чем свидетельствует быстрота реакции и точность и полнота ориентировки в какой-либо вновь поднимаемой проблеме. Мне был дан образец бесконфликтного общения. В ответах на вопросы им были использованы принципы генетической психологии»¹. По мнению московских психологов, Тороп является сильной личностью, склонной к власти, методы воздействия на толпу, применяемые им, содержат элементы, одновременно возбуждающие и усыпляющие публику². Следовательно, Тороп не только не страдает психическими расстройствами, но и сам обладает навыками психологического воздействия на посторонних лиц. Аналогичными качествами обладает и основатель печально известного «Белого братства» Ю. Кривоногов.³

В связи с этим нет ничего удивительного, результаты психиатрических экспертиз руководителей религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, в большинстве случаев, свидетельствуют о том, что они здоровы.⁴

Что касается участников деятельности религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, то здесь ситуация несколько иная. Практика показывает, что деятельность такого рода объединений сопряжена с применением насилия, которое заметно искажает мировоззрение последователей.⁵ У них формируются новые или изменяются уже существующие убеждения, ценности, ориентации и т.п. С их стороны отмечается беспредельная вера в сверхъестественные силы их религиозных лидеров (что некоторыми исследователями выделяется в качестве одной из состав-

¹ Турчин, А.С. Из беседы с Виссарионом / А.С.Тучин // Гармония. – 1992. – № 6. – С. 2.

² Бажан, Т.А. Оппозиционная религиозность в России. – С. 287.

³ См.: Гримак, Л.П. Указ. работа. – С. 77.

⁴ Например, уголовное дело по обвинению Усова Ю.И. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 239, ч. 2 п. «а», «д»132 Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула, дело № 1-118/01.

⁵ См., напр.: Малиновский, А.А. Указ. работа. – С. 93-94.

ляющих причин преступности¹). Это воздействие вызывает перестройку психики, обуславливающую не только развитие агрессивности², но и утрату способности осознавать характер своих действий.³ В ряде случаев это указывает на отсутствие юридического критерия вменяемости. Для установления медицинского критерия необходимо проведение психиатрической экспертизы. В случае если наряду с юридическим критерием устанавливается и медицинский, лицо не является субъектом преступления, а руководитель объединения, который оказывал воздействие на адепта, становится исполнителем преступлений, совершенных невменяемым адептом, т.е. налицо посредственное исполнение.

В случае если у лица не установлено наличие психического заболевания, но реально в силу указанных обстоятельств оно не осознавало и не могло осознавать общественно-опасный характер своего деяния, целесообразно рассмотреть вопрос об отсутствии вины в какой-либо форме. Однако, по данному вопросу в теории существует иная точка зрения, которая заключается в следующем. Поскольку лицо теряет возможность реально оценивать характер своих действий и действовать по своему усмотрению в силу применения к нему психического насилия, это может являться либо обстоятельством, исключающим преступность деяния (ч. 2 ст. 40 УК РФ), либо обстоятельством, смягчающим наказание (п. «е» ч. 1. ст. 61 УК РФ).⁴ К этой точке зрения следует присоединиться только в том случае, если лицо не в полной мере осознавало характер своих деяний.

¹ См.: Старков, О.В. Криминопенология : учебное пособие / О.В.Старков. – М., 2004. – С. 58.

² Люди, наблюдающие за членами противоправных религиозных объединений со стороны, нередко отмечают их агрессивность, которая проявляется даже в самых банальных ситуациях. См.: Пунанов, Г. Костер Асахары / Г.Пунанов, Д.Владимиров // Известия. – 2000. – 26 февраля.

³ Бурковская, В. Проблемы вменяемости членов религиозных или общественных объединений, посягающих на личность и права граждан / В.Бурковская // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С.3.

⁴ Там же. – С. 5.

Участников религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, по степени осознания своих деяний, условно можно разделить на две группы. Во-первых, это лица, которые являются помощниками руководителя, совместно с ним подбирают новых членов, участвуют в разработке планов, т.е. частично выполняют функции руководителя. Такие лица, как правило, обладают достаточно устойчивой психикой, являются полностью вменяемыми и участием в таком объединении преследуют свои, возможно корыстные цели. Во-вторых, это категория лиц, характеристики которых были приведены выше, обладающих повышенной внушаемостью либо в момент вхождения в объединение имеющие проблемы в личной, профессиональной и иных сферах. Религиозные объединения активно используют личные проблемы людей для привлечения новых членов.

Достаточно интересным является момент, заключающийся в том, что руководители и члены религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, как правило не особенно настойчивы в попытках привлечения в качестве адептов лиц, являющихся последователями традиционных религий (в частности, православия). Это, по всей видимости, объясняется тем, что лица, твердо устоявшиеся в своих взглядах, хуже поддаются внушению и менее опасаются за свое благополучие. Так, по результатам уже упоминавшегося ранее проведенного исследования, 85,3% лиц, назвавших себя последователями традиционных религий (православие, ислам, буддизм), не ощущают опасность, исходящую от религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, в отношении себя и своих близких. Лица, которые не являются последователями какой-либо веры (их оказалось большинство – 70,9% опрошенных) в большинстве своем опасаются такого влияния (59,7%).

Вторым субъективным признаком состава преступления является **субъективная сторона**, т.е. психическая, внутренняя, сторона деятельности лица, связанного с совершением преступления.

Субъективная сторона организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, как отмечают большинство ученых, занимавшихся данной

проблемой, выражается в форме прямого умысла,¹ т.е. лицо, создающее объединение, руководящее им, участвующее в его деятельности или осуществляющее пропаганду, осознает противоправный характер своих деяний и желает их совершить. Но в изученной литературе встретилась еще одна, достаточно интересная точка зрения, согласно которой проявление вины возможно и в иных формах, в зависимости от вида деяния. Так, по мнению Р.Р. Галиакбарова, если речь идет о создании и руководстве, то при определении формы вины необходимо исходить из психического отношения как к созданию и руководству объединением, так и к последствиям этой деятельности. Согласно этой точке зрения при создании и руководстве возможен не только прямой умысел, но и косвенный, а в ряде случаев – даже неосторожность (например, по отношению к таким последствиям преступной деятельности, как смерть потерпевшего или причинение вреда здоровью). Участие в деятельности подобного объединения и пропаганда могут быть совершены только умышленно.² Представляется, что такое разграничение вины в зависимости от формы деятельности и по отношению к ее последствиям применительно к данному составу не является оправданным. Это объясняется прежде всего тем, что рассматриваемый состав является формальным, и говорить о реально наступивших последствиях подобной деятельности следует в рамках составов, предусмотренных иными статьями Особенной части УК РФ. Значительная часть юристов, к мнению которых следует присоединиться, полагают, что умысел в преступлениях с формальным составом может быть только прямым в силу того, что субъект желает совершить

¹ См., напр.: Старков, О.В. Проблема понятия, классификации и показателей религиозных преступлений / О.В. Старков, Л.Д. Башкатов. – С. 30; Уголовное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 2: Особенная часть : учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С.265; Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – С. 293; Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения / под ред. В.Ф. Кириченко. – С. 164.

² Галиакбаров, Р.Р. Указ. работа. – С. 40-42.

сами действия, которые обладают признаками общественной опасности независимо от наступивших в результате последствий.¹ Психическое отношение субъекта к действиям деятельности имеет значение только для квалификации иных составов, которые будут вменяться виновному наряду со ст. 239 УК РФ. Нарушение прав граждан может быть выражено и не в преступном деянии, а в ином правонарушении. Лицо, создавая религиозное объединение, целью которого является посягательство на личность и права граждан, осознает общественную опасность своих деяний и желает нарушения прав граждан. В связи с этим утверждение о том, что лицо, создавшее объединение, руководящее его деятельностью, участвующее в ней или осуществляющее пропаганду, не желает нарушения прав граждан в каком-либо виде, противоречит самой сущности такого рода объединения, поскольку именно с этой целью оно было создано либо функционирует.

Таким образом, все формы деяния, составляющего состав организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, могут быть совершены только с прямым умыслом, а преступления, совершаемые в сфере деятельности этих объединений, могут быть совершены с любой формой вины.

Сознательная деятельность лица всегда вызывается определенными мотивами, особенно если эта деятельности осуществляется в форме прямого умысла. Мотив преступления – это внутреннее побуждение к преступному деянию.² При организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, мотивы совершения данного преступления не конкретизированы и могут быть различными, и их установление не влияет на квалификацию рассматриваемой преступной деятельности, но они являются обстоятельствами, характеризующими личность виновного. Без выявления мотивов трудно установить ис-

¹ См., напр.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И.Рарога. – М., 1998. – С. 106.

² Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – С. 179.

тину по делу, степень общественной опасности лица, совершившего деяние. Кроме того, установление мотивов способствует установлению причин и условий совершения преступления, что, в свою очередь оказывает позитивное влияние на формирование политики борьбы с этим явлением. На наш взгляд, мотивы организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, могут быть религиозными, корыстными, иными.

Так, говоря о религиозном мотиве, следует отметить, что он может заключаться в желании субъекта укрепить веру, усилить фанатизм приверженцев религии. Более присущ религиозный мотив, по нашему мнению, участникам и лицам, осуществляющим пропаганду, которые истинно верят в учение, предложенное руководителями, и совершают все противоправные деяния именно для того, чтобы достичь наибольших высот, приблизиться к «учителю» и укрепиться в структуре объединения.

Установление религиозного мотива в общеуголовных преступлениях играет важную роль для выявления преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ. Это обусловлено тем, что преступления подобного рода аналогично бандитизму в большинстве случаев на практике могут быть выявлены только тогда, когда члены объединения в рамках его деятельности совершат какое-либо иное преступление, в котором будет прослеживаться религиозный мотив. Поскольку в уставных документах религиозного объединения в качестве целей деятельности посягательства на граждан, естественно, не указываются, доказать их наличие очень сложно. Только при установлении причин и условий преступлений, совершенных по религиозным мотивам, следователь или лицо, производящее дознание, может прийти к выводу, что виновный действовал в рамках предписаний руководителей религиозного объединения, что должно повлечь рассмотрение вопроса о наличии признаков ст. 239 УК РФ. Данная цепь обычно разрывается в самом начале. Основная причина этого, по всей видимости, заключается в отсутствии в перечне обстоятельств, отягчающих наказание такого признака, как «совершение преступления по ре-

лигиозным мотивам». Имеющийся признак «совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды...» включает в себя более узкое содержание, нежели религиозный мотив.

Для начала следует определиться с понятиями, имеющими место в данной проблеме. Так, под мотивом понимается субъективный смысл поведения, включающий в себя психологический выигрыш от определенных поступков¹. Мотив религиозной ненависти или вражды может быть обусловлен ненавистью к потерпевшему, связанной с его вероисповеданием, либо может быть проявлением религиозной нетерпимости.² Религиозный мотив включает в себя, помимо религиозной ненависти и вражды, такие моменты, как стремление угодить лидеру (божеству), исполнение религиозных обрядов, отстаивание своих религиозных взглядов и др., от которых субъекты получают психологические (и не только) выигрыши. Т.е. религиозный мотив и мотив религиозной ненависти и вражды соотносятся между собой как целое и часть. Указывая в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, лишь одну часть от целого, законодатель неоправданно исключает из сферы уголовно-правового регулирования его другие части.

Так, при принесении в жертву человека религиозная ненависть или вражда если и имеют место, то в редких случаях, а достаточно часто жертву выбирают спонтанно, независимо от ее отношения к религии. Например, в 1999 году была задержана группа сатанистов, которые приносили в жертву водителей автотранспорта, едущих в одиночестве. При этом, для них абсолютно не имело значение кем является потерпевший по своему социальному статусу, вероисповеданию, каков его пол и возраст. Решающим в этом был тот факт, что человек находился в данный момент вне социума, что значительным образом упрощало совершение

¹ См.: Антонян, Ю.М. Психология убийства / Ю.М.Антонян. – М., 1997. – С. 260.

² Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3 / под ред. Г.Н.Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М., 2002. – С. 130.

преступления.¹ В другом случае представитель сатанинского религиозного объединения, рассказывая об участии в ритуале человеческого жертвоприношения сам отмечает, что ему не важно было, как и почему был выбран в качестве жертвы именно этот человек. Для него основным было то, что для закрепления роли в религиозном объединении необходимо совершить обряд человеческого жертвоприношения.²

Поскольку наличие религиозного мотива в большинстве случаев не влияет ни на квалификацию, ни на наказание и не отражается в официальной статистике, следовательно или лицу, производящему дознание, фактически нет смысла его устанавливать. Именно это является главной причиной того, что существующая сегодня ст. 239 УК РФ является «мертвой». Именно так и обстоят дела на практике. В значительном числе изученных нами уголовных дел, где прослеживается религиозный мотив (исходя из показаний обвиняемых, свидетелей и других доказательств), он упоминается вскользь и не становится причиной нового расследования. Так, в 1995 году Мельчаков В.И. совершил умышленное убийство 8-летней девочки в г. Новосибирске. Исходя из показаний Мельчакова, причиной совершения преступления стал тот факт, что он увлекался черной магией и проводил обряды, описанные в приобретенной им книге. Убийство девочки было совершено для того, чтобы принести жертву сатане. Следователем не были приняты меры по установлению авторов данной книги (а ее издательство и продажа является пропагандой действий, предусмотренных ст. 239 УК РФ, а в момент расследования преступления – ст. 227 УК РСФСР, что входило в объективную сторону рассматриваемого состава).³

На не совсем верную формулировку указанного обстоятельства, отягчающего наказание, было указано ранее

¹ Хвыля-Олинтер, А. Специфика религиозных культов зла как источников преступности. – С. 32.

² См.: Старков, О.В. Указ. работа / О.В. Старков, Л.Д. Башкатов. – С. 346.

³ Архив Новосибирского областного суда, архивное дело № 2-187/97.

М.С.Фокиным, но его предложение заменить существующую формулировку на «совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, в процессе исполнения религиозного обряда»¹ представляется не совсем верным. Это связано с тем, что основной акцент в поставленной проблеме должен ставиться не на том, в процессе какой деятельности совершается преступление, а по какому мотиву. В случае замены рассматриваемого отягчающего обстоятельства на предложенное М.С.Фокиным, не исчезнет указанная выше проблема.

Исходя из этого, целесообразно заменить существующее обстоятельство, отягчающее наказание, – «совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды...» на «совершение преступления по национальному, расовому или религиозному мотиву». Изменения в части национального и расового мотива имеет значение для квалификации деяний как организации *общественного объединения*, посягающего на личность и права граждан. Позитивным примером, когда, установление религиозного мотива совершения преступления, привело к прекращению деятельности сатанинской группы, является случай, имевший место в Орловской области. При расследовании фактов осквернения могил были пресечены несколько готовящихся указанной группой обрядов жертвоприношения. В ходе расследования выяснилось, что 17-тилетнему парню, который их совершил, для того чтобы стать членом сатанистской группы, было предписано выдержать испытания в виде нескольких человеческих жертвоприношений.² Тем не менее, к сожалению, не всегда попытки установить и расследовать наличие религиозного мотива приводят к таким результатам. Например, в ряде изученных материалов уголовных дел, находящихся в производстве, попытки дознавателя и следователя установить наличие религиозного мотива и выявить связь надругательств

¹ Фокин, М.С. Указ. работа. – С. 21.

² Киреев, Н. Черные дьяволята / Н.Киреев // Российская газета. – 1997. – 1 августа.

над местами захоронения с какими-либо религиозными объединениями не привели к положительному результату.¹

Лицам, создавшим объединение и руководящим им, в большинстве случаев присущ корыстный мотив, и все деяния совершаются для того, чтобы иметь возможность обогатиться за счет верующих. Как отмечает Р.Р. Галиакбаров, субъект, совершая анализируемое деяние, обычно лишь в незначительной степени находится под влиянием религиозной идеологии, а в ряде случаев совершенно отчетливо понимает надуманный характер данной религии,² особенно если религия была выдумана самим руководителем, как это достаточно часто бывает. Но, стремясь возглавить объединение с целью получения от этого прибыли, лицо, создавшее его или руководитель делают вид, что искренне верят в учение, более того обучают религии последователей. Религия становится средством получения прибыли. Например, руководители заставляют последователей продавать жилье, покупая менее дорогое, разницу отдавая объединению; побираться в общественных местах, отдавая значительную долю выручки, опять же, в пользу объединения, и т.п.³, не говоря об обязательных пожертвованиях. Характерным примером наличия корыстной мотивации при создании противоправного религиозного объединения является создание «Церкви сайентологии» Р. Хаббардом, который до этого зарабатывал на жизнь сочинением фантастики и, выступая на съезде писателей-фантастов в 1949 г., заявил: «Писать, чтобы получать пенс за слово, смешно. Если человек действительно хочет получать миллион долларов, то лучший способ – это основать свою собственную религию».⁴

Для данной категории субъектов присущи и иные низменные (или эгоистические мотивы), например удовле-

¹ Уголовное дело № 7037278, находящееся в производстве СУ ГОМ-2 Советского РУВД г. Красноярск; Уголовное дело № 8059111, находящееся в производстве отдела дознания МОБ УВД г. Красноярск.

² Галиакбаров, Р.Р. Указ. работа. – С. 38.

³ Хвыля-Олинтер, А.И. Указ. работа. – С.57.

⁴ Дворкин, А. «Честная игра» сайентологов / А.Дворкин // Миссионерское обозрение. – 1996. – № 7. – С. 7.

творение сексуальных потребностей, проникновение во власть и др.

Однако такое разделение мотивов в зависимости от вида субъектов рассматриваемого преступления не является безусловным, а представляет собой лишь наиболее вероятные и часто встречающиеся случаи.

В рамках рассмотрения вопроса о субъективных признаках организации религиозного объединения, посягающего на личность права граждан, заслуживает внимания еще один достаточно важный момент. Несмотря на то что, как было отмечено выше, лица, создающие религиозные объединения, посягающие на личность и права граждан, в большинстве случаев являются взрослыми и здравомыслящими людьми, т.е. подпадают под признаки субъекта преступления, возможно создание такого рода объединения лицом, не являющимся субъектом данного преступления. Так, в 1996 году, в г. Канске Красноярского края Долгих создал религиозное объединение, в ходе деятельности которого им и Самсоновым, членом этого объединения, было совершено ритуальное убийство девушки. Назначенная следователем прокуратуры судебно-психиатрическая экспертиза установила наличие у Долгих в момент совершения преступления хронического психического расстройства.¹ Долгих был признан невменяемым, следовательно, не мог быть привлечен к уголовной ответственности за создание

¹ Архив Красноярского краевого суда, архивное дело 2-159/97. В данном уголовном деле вопрос о наличии в деятельности указанных лиц состава ст. 227 УК РСФСР (посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов) не рассматривался, религиозный мотив был указан лишь вскользь, и квалифицировано оно было по п.п. «б», «и» ст. 102 УК РСФСР. Автору эта квалификация представляется неверной, поскольку из материалов дела следует, что убийство было совершено в рамках деятельности религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, и необходима квалификация по совокупности двух норм. Точка зрения на причины такой недоработки следственных и судебных органов был описан в главе первой настоящей работы. При анализе указанного уголовного дела исходим из квалификации, которая должна иметь место, на взгляд автора.

объединения. В данном случае возникает вопрос о квалификации деятельности участников, руководителей и лиц, занимающихся пропагандой в процессе деятельности этого объединения, являющихся вменяемыми и достигшими возраста уголовной ответственности. В описываемой ситуации возникает противоречие двух юридически значимых моментов. С одной стороны, руководство, участие и пропаганда возможна только после создания объединения. В рассматриваемом варианте создание в смысле ст. 239 УК РФ отсутствует, поскольку нет субъекта, следовательно, нет и состава преступления. С другой стороны, результатом деятельности лица, не являющегося субъектом создания, стало фактическое образование объединения, обладающего всеми признаками религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. При рассмотрении обозначенной проблемы, представляется верным обратиться к вопросу о субъективном вменении в уголовном праве. Прежде всего, в данном случае следует исходить из осознания виновным лицом характера объединения, членом которого он является и реализуя принципы деятельности которого совершает те или иные противоправные деяния. Несмотря на то что объединение было создано не субъектом, объективно оно существует и его деятельность является общественно опасной. Поскольку «хотя сознание общественной опасности является составным элементом умысла, практически для его установления необходимо доказать лишь предвидение лицом фактических обстоятельств, которые образуют объективные признаки совершенного деяния»¹, следовательно, осознание того, что религиозное объединение, посягающее на права граждан, объективно существует, является достаточным для того, чтобы признать участника подобного объединения субъектом преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, и квалифицировать его деяния по совокупности данного преступления и преступления, совершенного

¹ Кулыгин, В.В. Виновная ответственность и субъективное вменение в уголовном праве : учебное пособие / В.В.Кулыгин. – Хабаровск, 1996. – С. 25

в рамках деятельности объединения, посягающего на права граждан. В приведенном примере необходима квалификация, по мнению автора, по ч. 2 ст. 227 и п.п. «б», «и» ст.102 УК РСФСР.

Закончим рассмотрение вопроса подведением выводов.

1. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-тилетнего возраста. При установлении наличия субъекта особое внимание следует уделять определению психологического возраста и психического состояния лиц, совершивших деяние.

2. С субъективной стороны деяние может быть совершено только в форме прямого умысла. Мотив преступления в ст. 239 УК РФ законодателем не определен, но его установление необходимо для характеристики личности виновного

3. Формулировка обстоятельства, отягчающего наказание (и аналогичных ему квалифицирующих признаков некоторых преступлений), предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в части «совершение преступления по мотиву национальной, расовой и религиозной ненависти и вражды...» требует законодательного изменения на «совершение преступления по национальному, расовому и религиозному мотиву...».

Таким образом, подводя итоги уголовно-правовой характеристики организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, следует согласиться с мнением, что, несмотря на имеющиеся недостатки рассматриваемой нормы, она является единственным эффективным уголовно-правовым способом борьбы с рассматриваемым явлением.¹

¹ Пилявец, В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений. – С. 23.

ГЛАВА III
РАЗГРАНИЧЕНИЕ
ОРГАНИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ,
ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН,
С СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫМИ ст.ст. 282¹ и 282² УК РФ

Деятельность религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, в большинстве случаев связана с совершением их членами и руководителями иных конкретных преступлений, которые требуют самостоятельной квалификации. Более того, ранее было указано, что религиозное объединение, посягающее на личность и права граждан, не всегда, но в большинстве случаев является организованной преступной группой. В связи с этим возникает необходимость обратиться к вопросу о **разграничении состава ст. 239 УК РФ с составами Особенной части УК РФ, предусматривающими ответственность за иные виды организованной преступной деятельности, которые могут быть совершены по религиозным мотивам или с их использованием: с организацией незаконного вооруженного формирования и участием в нем (ст. 208 УК РФ), бандитизмом (ст. 209 УК РФ), организацией преступного сообщества (ст. 210 УК РФ), организацией экстремистского сообщества (ст. 282¹) и организацией деятельности экстремистской организации (ст. 282²).** Основным отличительным признаком организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, от первых трех составов является *религиозный* характер его деятельности. При отсутствии этого признака не будет признаков ст. 239 УК РФ, а должен быть решен вопрос о наличии иной формы групповой преступной деятельности. Несколько сложнее обстоит ситуация при разграничении ст.239 УК РФ со ст.ст. 282¹ и 282² УК РФ, поскольку в перечне противоправных деяний, содержащихся в этих нормах, в одном случае указывается на создание организованной группы для подготовки или совершения ряда преступлений по мотиву религиозной ненависти либо вражды, в

другом – на создание религиозного объединения. Проведем различие этих составов.

1. Организация экстремистского сообщества по мотиву религиозной ненависти или вражды и руководство им предполагают подготовку или совершение преступлений, предусмотренных конкретными статьями Особенной части УК РФ, перечень которых дан в самой норме и которые законодатель назвал «преступлениями экстремистской направленности» (статьи 148, 149, ч.1 и 2 статьи 213, статьи 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ). То есть при наличии умысла на совершение перечисленных преступлений деяние подлежит квалифицировать по ст. 282¹ УК РФ, но не во всех случаях. Особое значение в данном случае имеет указание законодателя на наличие мотива – религиозная ненависть и вражда. Как уже отмечалось, понятие религиозного мотива по своему содержанию гораздо шире, нежели религиозной ненависти и вражды. Следовательно, в случае совершения или подготовки преступления экстремистской направленности, но при отсутствии ненависти или вражды, вызванной религиозными взглядами, и при наличии иного мотива, который не обязательно должен быть религиозным, деяние следует квалифицировать по ст. 239 УК РФ. Например, незаконное воспрепятствование деятельности религиозного объединения со стороны другого религиозного объединения по причине того, что первое для осуществления богослужения занимает помещение, которое было бы удобно последнему, и его руководители стремятся во что бы то ни стало его заполучить.

Особые проблемы представляет вопрос о квалификации организации религиозного объединения, которое соответствует признакам организованной группы и наряду с общеуголовными преступлениями подготавливает и совершает преступления экстремистской направленности по мотиву религиозной ненависти или вражды. Например, сатанистам свойственно, наряду с такими преступлениями, как убийства, жестокое обращение с животными и др., совершать осквернение здания и иных сооружений. В данном случае совершается создание (руководство или участие)

религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, которому присущи признаки организованной группы. Но деятельность такого объединения частично сопряжена с подготовкой или совершением преступлений экстремистской направленности, а частично с совершением иных преступлений. Если предположить, что в данной ситуации существует совокупность преступлений, то нам представляется верным вести речь отдельно о ее наличии или отсутствии при создании, при руководстве или участии. При создании объединения, независимо от целей его деятельности, совершается только одно деяние, результатом такой деятельности является создание одного объединения, поэтому, исходя из признаваемых в юридической литературе видов совокупности¹, речь можно вести только о наличии совокупности идеальной, но не реальной. Применительно к руководству и участию, в силу того, что они носят продолжаемый характер и выражаются в неоднократном совершении конкретных деяний, предположительно можно говорить о наличии совокупности реальной. Рассмотрим далее более подробно данные варианты.

Итак, если деяние заключается в создании религиозного объединения, характер которого соответствует понятию организованной группы, а целью является подготовка и совершение различного рода преступлений, в том числе и экстремистской направленности, то, на первый взгляд, одно деяние содержит признаки двух преступлений, предусмотренных различными статьями, а именно ст. 239 и 282¹ УК РФ. Но далее при анализе этих двух составов становится ясно, что один из них (создание религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан) полностью поглощает собой другой (создание экстремистского сообщества). Для более полного понимания данного вопроса обратимся к таблице совместимости признаков рассматриваемых составов (см. таблицу 2).

¹ См.: Благов, Е.В. Квалификация преступлений (теория и практика) / Е.В.Благов. – Ярославль, 2003. – С. 169, 171.

Таблица 2

	Религиозное объединение	Организованная группа	Момент окончания преступления	Мотив подготавливаемых и совершаемых правонарушений	Характер подготавливаемых и совершаемых правонарушений
Создание религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан	Есть	Есть	Фактическое создание	Любой, религиозный	Любое, в том числе и не преступное
Создание экстремистского сообщества	Есть	Есть	Фактическое создание	Религиозная ненависть и вражда	Преступления экстремистской направленности

Приведенная таблица подтверждает правильность данного вывода, из чего следует, что при отсутствии в Уголовном кодексе состава, предусматривающего ответственность за организацию экстремистского сообщества, верной была бы квалификация по ст. 239 УК РФ как создание религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. Следовательно, в данном случае существует ситуация, называемая в теории уголовного права конкуренцией части и целого, при которой совершенное деяние может быть квалифицировано по двум нормам, одна из которых охватывает его в целом, а другая – лишь частично.¹ Выработанное в теории правило квалификации говорит о том, что квалифицировать такое деяние необходимо по той норме, которая наиболее полно охватывает его фактические признаки.

¹ См.: Благов, Е.В. Указ. работа. – С. 65-66.

Таким образом, представляется наиболее верным при возникновении описываемой ситуации деяния лиц, создавших такого рода объединение, квалифицировать только по ст. 239 УК РФ. Создание экстремистского сообщества по мотивам религиозной ненависти или вражды является частным случаем создания религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.

Достаточно сложным является и решение вопроса о возможности совокупности при совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 239 и 282¹ УК РФ, а именно их частями, устанавливающими ответственность не за создание, а за руководство и участие в их деятельности. Если это руководство и участие осуществляется в рамках деятельности одного объединения – один состав (это обусловлено тем, что участие и руководство возможно только после создания объединения, а в силу того, что последнее создано в единственном числе, налицо один состав, следовательно, и не может быть совокупности), а если в рамках деятельности разных объединений – разные составы (объяснением этому служит то, что, поскольку существует два самостоятельных объединения, руководство и участие в каждом может быть независимо друг от друга). Так, возможна совокупность в том случае, если лицо, являясь руководителем религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, участвует в подготовке или совершении преступлений экстремистским сообществом. Квалифицировать деятельность указанного лица следует по совокупности ч. 1 ст. 239 УК РФ и ч. 2 ст. 282¹ УК РФ.

Кроме того, представляется, что возможно и одновременное руководство религиозным объединением, посягающим на личность и права граждан, и экстремистским сообществом, если были созданы и действуют как независимые друг от друга структуры. Аналогично возможно и независимое участие в последних. В таких случаях необходима квалификация по совокупности ст.ст. 239 и 282¹ УК РФ.

2. При разграничении составов, предусмотренных ст.ст. 239 и 282² УК РФ, следует иметь в виду, что организация деятельности экстремистской организации предполагает, во-первых, наличие судебного решения о запрете дея-

тельности религиозного объединения, во-вторых, эта деятельность должна иметь экстремистскую направленность.

Под запретом деятельности целесообразно понимать не только ее запрет как таковой, но и признание недействительности регистрации и ликвидацию юридического лица в случае, если это вызвано не нарушением процедуры регистрации, а противоправной деятельностью объединения. Так, решением Останкинского межмуниципального (районного) народного суда г. Москвы в 1995 году была признана недействительной регистрация юридических лиц: Российского филиала японской религиозной корпорации «Аум Синреке» и Московского религиозного объединения «Учение истины Аум» и одноименные юридические лица ликвидированы.¹ В данном случае фактического запрета на деятельность этих религиозных объединений не произошло, они из статуса религиозной организации перешли в статус религиозной группы. Но, поскольку данные меры были предприняты вследствие серьезных нарушений прав человека и посягательств на жизнь и здоровье, по нашему мнению, ликвидацию юридического лица следует признавать запретом деятельности в рамках ст. 282² УК РФ. Однако, поскольку в указанном определении суда не содержится указаний на совершение членами и руководителями объединений преступлений экстремистской направленности, в случае прекращения их противоправной деятельности (а фактически это произошло, поскольку филиалы «Аум Синреке» успешно действуют и по сей день), действия их руководителей и участников должны быть квалифицированы по ст. 239 УК РФ.

Таким образом, разграничение рассмотренных составов между собой является достаточно сложным и дискуссионным вопросом, уяснение которого требует тщательного анализа.

¹ Решение Останкинского межмуниципального (районного) народного суда г. Москвы от 18 апреля 1995 г., гражданское дело № 2-253/95 // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. – С. 386-398.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы:

Появление уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за совершение рассматриваемого преступления, было несколько запоздалым, поскольку еще до 1960 года отмечался рост посягательств на личность в связи с исполнением религиозных обрядов.

Организация религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, обладает всеми признаками, необходимыми для признания деяния общественно опасным и противоправным.

Родовым объектом организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, являются отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок. Видовым объектом являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. В качестве основного непосредственного объекта рассматриваемого преступления следует также выделять отношения по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка, а в качестве дополнительного непосредственного объекта – отношения, регулирующие права граждан.

Проведенное исследование объективных признаков позволяет предложить следующую редакцию статьи 239 УК РФ:

Организация объединения, посягающего на права и законные интересы граждан

1. Создание религиозного или общественного объединения с целью совершения насилия над гражданами или угрозы его применения или иного причинения вреда их здоровью либо побуждения граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно руководство таким объединением, – наказываются ...

2. Участие в деятельности указанного объединения, а равно систематическая пропаганда деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, – наказываются ...

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. При установлении наличия субъекта особое внимание следует уделять определению психологического возраста и психического состояния лиц, совершивших деяние.

С субъективной стороны деяние может быть совершено только в форме прямого умысла. Мотив преступления в ст. 239 УК РФ законодателем не определен, но его установление необходимо для характеристики личности виновного.

Формулировку обстоятельства, отягчающего наказание (и аналогичных ему квалифицирующих признаков некоторых преступлений), предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в части «совершение преступления по мотиву национальной, расовой и религиозной ненависти и вражды...» следует заменить на «совершение преступления по национальному, расовому и религиозному мотиву...»

Организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, следует отличать от иных форм организованной преступной деятельности, обратив особое внимание на разграничение указанного состава с составами преступлений, предусмотренными ст.ст. 282¹ и 282² УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные акты и иные официальные материалы

- 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации.
3. Об общественных объединениях : Федеральный закон от 14 апреля 1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 10.01.2006 г. № 18-ФЗ).
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон РФ от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 24.07.2007 г. №214-ФЗ).
5. О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.97 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2006 г. № 104-ФЗ).
6. Об альтернативной гражданской службе: Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ (ред. от 06.07.2006 г. № 104-ФЗ).
7. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ).
8. О свободе вероисповеданий: Закон СССР от 01.10.1990 г. № 243-1 // Ведомости Верховного Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 21. – Ст. 287.
9. О внесении изменений в УК РСФСР: Закон РСФСР от 18.10.1991 г. № 1763-1 // Ведомости Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1430.
10. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Закон РФ от 7.08.93 г. № 5668-1 // Российская газета. – 1993. – 9 сент.
11. О внесении изменений и дополнений в УК РФ: Федеральный закон от 8.12.2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – С. 4848.
12. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
13. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
14. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

15. Уголовный кодекс Грузии / пер. И. Мериджанашвили ; науч. ред. З.К. Бигвава; вступит. статья В.И. Михайлова; обзорн. статья д.ю.н., проф. О. Гамкрелидзе / . – СПб., 2001. – 238 с.

16. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / пер. Б.Э.Аббасова; науч. ред., предисл. д.ю.н., проф. И.М. Рагимова. – СПб., 2001. – 244 с.

17. Уголовный кодекс Республики Беларусь / предисл. проф. Б.В.Волженкина; обзорн. статья А.В.Баркова. – СПб., 2001. – 264 с.

18. Уголовный кодекс Республики Болгария / пер. Д.В.Милушева, А.И.Лукашова; научн. ред. И.А. Лукашова. – СПб., 2001. – 298 с.

19. О внесении дополнений в ст. 142 УК РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 18.03.66 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1966. – № 12. – Ст.220.

20. О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР от 03.12.82 г.: Указ Президиума ВС РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. – 1982. – № 49 . – Ст. 1821.

21. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам / сост. С.Г.Ласточкина, Н.Н.Хохлова – М., 2001.

22. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам / сост. С.Г.Ласточкина, Н.Н.Хохлова – М., 2001.

23. Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации № 2н-04227/95 по делу М. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 10. – Ст. 11.

24. Заключение Экспертного Совета государственного Комитета по делам религий и национальностей Совета Министров Республики Беларусь о деятельности Минской общины «Международного общества сознания Кришны» // Прозрение. Православный информационно-просветительский журнал. – 1998. – №1. – С. 81-84.

Книги, монографии, учебная и справочная литература

25. Алиев, И.А. Актуальные проблемы суицидологии. Уголовно-правовой и криминологический аспекты / И.А.Алиев. – Баку, 1987. – 188 с.
26. Антонян, Ю.М. Психология убийства /Ю.М.Антонян. – М., 1997. – 304 с.
27. Арестов, В.Н. Яд с доставкой на дом / В.Н.Арестов, И.А.Щудрик. – Харьков, 1986. – 118 с.
28. Бажан, Т.А. Опозиционная религиозность в России / Т.А.Бажан. – Красноярск, 2000. – 327 с.
29. Бажан, Т.А. Принцип свободы совести и законодательство России / Т.А.Бажан. – Красноярск, 2001. – 94 с.
30. Бажан, Т.А. Церковь Последнего Завета: Опыт социально-психологического исследования / Т.А.Бажан. – Красноярск, 1999. – 89 с.
31. Балагушкин, Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий (истoki, сущность, влияние на молодежь Запада) / Е.Г.Балагушкин. – М., 1984. – 228 с.
32. Благов, Е.В. Квалификация преступлений (теория и практика) / Е.В.Благов. – Ярославль, 2003. – 212 с.
33. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М., 1999. – 790 с.
34. Буайе, Ж.Ф. Империя Муна : пер. с фр. / Ж.Ф.Буайе. – М., 1990. – 352 с., ил.
35. Водько, Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: научно-практическое пособие / Н.П.Водько. – М., 2000. – 80 с.
36. Галиакбаров, Р.Р. Уголовная ответственность за посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов : учебное пособие / Р.Р.Галиакбаров. – Омск, 1981. – 72 с.
37. Горчаков, М.И. Церковное право : курс лекций / М.И.Горчаков. – СПб., 1883. – 488 с.
38. Григорьев, В.А. Соучастие в уголовном праве Российской Федерации : учебное пособие / В.А.Григорьев. – Уфа, 1995. – 75 с.
39. Григорьева, Л.И. Свобода совести и актуальные проблемы государственно-правового регулирования деятельности новейших нетрадиционных религиозных объединений / Л.И.Григорьева. – Красноярск, 1999. – 408 с.

40. Гримак, Л.П. Гипноз и преступность / Л.П.Гримак. – М., 1997. – 304 с.
41. Гринберг, М.С. Советское уголовное право. Часть Особенная. Преступления против общественной безопасности / М.С.Гринберг. – Свердловск, 1974. – 178 с.
42. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И.Даль. – М., 1956. – С. 469.
43. Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях : учебное пособие / Г.П. Байдаков [и др.]. – 2-е изд. – М., 1996. – 96 с.
44. Дубовец, П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву / П.А.Дубовец. – М., 1984. – 158 с.
45. Елисеев, С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории) / С.А.Елисеев. – Томск, 1997. – 176 с.
46. Жириновский, В.В. Псевдохристианские религиозные организации России / В.В.Жириновский, Н.В.Кривельская. – М., 1997. – 72 с.
47. Законодательство о религиозных культах. – М., 1969. – 304 с.
48. Иваненко, С.И. Новые религиозные объединения: поиски, противоречия, надежды / С.И.Иваненко, Н.А.Трофимчук. – М., 1991. – 64 с.
49. Карпец, И.И. Преступность: иллюзия и реальность / И.И.Карпец. – М., 1992. – 432 с.
50. Клибанов, А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.) / А.И.Клибанов. – М., 1965. – 348 с.
51. Клочков, В.В. Закон и религия (от государственной религии в России к свободе совести в СССР) / В.В.Клочков. – М., 1982. – 160 с.
52. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 1996. – 736 с.
53. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. О.В. Грачева. – М., 1992. – 656 с.
54. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. – М., 1985. – 528 с.
55. Комментарий к УК РФ / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1998. – 878 с.

56. Кондрашова, Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности / Т.В.Кондрашева. – Екатеринбург, 2000. – 348 с.

57. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И.Коржанский. – М., 1980. – 248 с.

58. Красножен, М.Е. Краткий очерк церковного права / М.Е.Красножен. – Юрьев, 1900. – 160 с.

59. Кривельская, Н. Секта: угроза и поиск защиты / Н.Кривельская. – М., 1999. – 268 с.

60. Кулыгин, В.В. Виновная ответственность и субъективное вменение в уголовном праве: учебное пособие / В.В.Кулыгин. – Хабаровск, 1996. – 60 с.

61. Куницын, И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы / И.А.Куницын. – М., 2000. – 464 с.

62. Куроедов, В.А. Религия и церковь в Советском государстве / В.А.Куроедов. – М., 1982. – 263 с.

63. Курс советского уголовного права / под ред. А.А.Пионтковского, П.С.Ромашкина, В.М.Чхиквадзе. Том V. – М., 1971. – 572 с.

64. Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Том 1: Учение о преступлении. – М., 1999. – 592 с.

65. Курс уголовного права. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. Г.Н.Борзенкова, В.С.Комиссарова. – М., 2002. – Т.3. – 468 с.; Т.4. – 672 с.

66. Люди погибели. Сатанизм в России: попытка анализа. – М., 2000. – 270 с.

67. Малиновский, А.А. Злоупотребление правом / А.А.Малиновский. – М., 2002. – 128 с.

68. Материалы выступлений на совещании-семинаре сотрудников групп по связям с органами государственной власти и общественными объединениями МВД, ГУВД, УВД, УВДТ Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. – Красноярск, 2001. – 196 с.

69. Назаренко, Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно-опасные деяния / Г.В.Назаренко. – М., 2001. – 240 с.

70. Неокульты: «новые религии» века? / Е.С. Прокошина [и др.] ; под ред А.С.Майхровича. – 3-е изд., доп. – Мн., 2000. – 240 с.

71. Никифоров, Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б.С.Никифоров. – М., 1960. – 228 с.

72. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П.Новоселов. – М., 2001. – 208 с.

73. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: справочник / Миссионерский Отдел Московского Патриархата Русской Православной Церкви // Информационно-аналитический вестник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов-на-Дону, 1998. – № 1. – 464 с.

74. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И.Ожегов ; под ред. Н.Ю.Шведовой. – М., 1999. – 944 с.

75. Отечественное законодательство XI-XX веков : пособие для семинаров: в 2 ч. / под ред. проф. О.И. Чистякова. – М., 1999. – Часть I (XI-XX вв.). – 464 с.; Часть II (XX в.). – 352 с.

76. Пилявец, В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений : учебное пособие / В.В.Пилявец. – Калининград, 2002. – 68 с.

77. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения : учебное пособие / под ред. В.Ф. Кириченко [и др.]. – М., 1970. – 172 с.

78. Привалов, К.Б. Секты: досье страха / К.Б.Привалов. – М., 1987. – 191 с., ил.

79. Проблемы теории государства и права : учебное пособие. – М., 1999. – 504 с.

80. Прозоров, А.Д. Как спасти себя и своего ребенка от тоталитарной секты / А.Д.Прозоров. – СПб., 2000. – 192 с.

81. Прокументов, Л.М. Криминология в США и странах Западной Европы : учебное пособие / Л.М.Прокументов, А.В.Шеслер. – Томск, 1997. – 30 с.

82. Прокументов, Л.М. Криминология. Общая часть: Учебное пособие / Л.М.Прокументов, А.В.Шеслер. – Красноярск, 1997. – 256 с.

83. Радугин, А.А. Введение в религиоведение / А.А.Радугин. – М., 2000. – 240 с.

84. Развитие русского права в первой половине XIX века. – М., 1993. – 316 с.

85. Религии и секты в современной России : краткий справочник. – Новосибирск, 1997. – 184 с.
86. Религиоведение : учебное пособие и учебный словарь-минимум / под ред. И.Н. Яблокова. – М., 2000. – 536 с.
87. Религиозные организации на территории Свердловской области : аналитический обзор. – Екатеринбург, 2000. – 55 с.
88. Религия: история и современность : учебник для студентов вузов / под ред. Мунчаева. – М., 1998. – 269 с.
89. Российское законодательство X-XX веков. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. – М., 1994. – 352 с.
90. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 3: Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. – Владивосток, 2000. – 504 с.
91. Самыгин, С.И. Религиоведение: социология и психология религии / С.И. Самыгин, В.Н. Нечипуренко, И.Н.Полонская. – Ростов-на-Дону, 1996. – 637 с.
92. Сборник рекомендаций для работы с нетрадиционными религиозными организациями г.Красноярска. – Красноярск, 2001. – 66 с.
93. Секты против церкви (процесс Дворкина) / сост. А.Л.Дворкин. – М., 2000. – 736 с.
94. Сердюк, Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно – правовое исследование / Л.В.Сердюк. – М., 2002. – 384 с.
95. Старков, О.В. Криминотеология: религиозная преступность / О.В.Старков, Л.Д.Башкатов; под общ. ред. О.В. Старкова. – СПб., 2004. – 386 с.
96. Старков, О.В. Криминопенология : учебное пособие / О.В.Старков. – М., 2004. – 480 с.
97. Старков, О.В. Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ / О.В.Старков, С.Ф.Милюков. – СПб., 2001. – 461 с.
98. Сырцов, М.Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII-XVIII столетии / М.Я.Сырцов. – Тобольск, 1888. – 107 с.
99. Тайные общества и секты. Культовые убийцы, масоны, религиозные союзы и ордена, сатанисты и фанатики / подг. текста Н.И. Макаровой. – Мн., 1996. – 624 с.

100. Тер-Акопов, А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции) / А.А.Тер-Акопов. – М., 1998. – 196 с.
101. Тихий, В.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности / В.П.Тихий. – Харьков, 1981. – 172 с.
102. Тихонравов, Ю.В. Судебное религиоведение / Ю.В.Тихонравов. – М., 1998. – 272 с.
103. Трофимов, Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних / Н.И.Трофимов. – Иркутск, 1973. – 258 с.
104. Тюменев, А.В. Виды криминального насилия / А.В.Тюменев. – Рязань, 2002. – 155 с.
105. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. – М., 1998. – 512 с.
106. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – 492 с.
107. Уголовное право Российской Федерации: в 2 т. : учебник. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – 462 с.
108. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997. – 640 с.
109. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселова. – М., 2001. – 960 с.
110. УК РФ: научно-практический комментарий / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрид. лит., 1998. – 768 с.
111. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 г.) / сост. В.А.Томсинов. – М., 1998. – 381 с.
112. Царегородцев, А.М. Ответственность организаторов преступления / А.М.Царегородцев. – Омск, 1978. – 64 с.
113. Шарапов, Р.Д. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности / Р.Д.Шарапов. – Тюмень, 2002. – 87 с.
114. Шаргородский, М.Д. Избранные работы по уголовному праву / М.Д.Шаргородский. – СПб., 2003. – 434 с.
115. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – М., 1984. – 415 с.

116. Яблоков, И.Н. Социология религии / И.Н.Яблоков. – М., 1979. – 182 с.

Статьи

117. «Осторожно, сатанизм»: материалы круглого стола с участием В. Берестова, М. Стуровой, А. Хвыля-Олинтера // Щит и меч. – 1998. – № 28. – С. 6-9.

118. Аксенов, Н. В моей смерти вините Сатану: интервью с Ф.Кондратьевым, д.м.н., заслуженным врачом РФ, проф. // Щит и меч. – 2000. – № 40. – С. 12-16.

119. Антонов, А.Д. Классификация оснований и принципов криминализации деяний в уголовно-правовой науке / А.Д.Антонов // Российский следователь. – 2001. – № 4 – С. 33-34.

120. Бармина, И. Второе пришествие Марии Дэви Христос / И.Бармина, П.Сорокин // Аргументы и факты. – 2001. – № 40. – С. 14.

121. Белов, С. Религия и профилактика правонарушений / С.Белов // Законность. – 2000. – № 12. – С. 8.

122. Богданов, В. «Белое братство» зомбирует Урал / В.Богданов // Российская газета. – 2003. – 27 июня. – С. 27.

123. Буйда, Ю. Между собакой и волком: государство, общество, церковь оказались перед лицом серьезной угрозы / Ю.Буйда // Известия. – 1998. – 4 июля.

124. Бурковская, В. Проблемы вменяемости членов религиозных или общественных объединений, посягающих на личность и права граждан / В.Бурковская // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 3-5.

125. Быков, В.М. Организованная группа вымогателей / В.М.Быков, Т.В.Колесникова // Следователь. – 2000. – № 4. – С.7.

126. Вагина, Т.В. Вводная статья / Т.В.Вагина // Религиозные организации Красноярского края : справочник. – Красноярск, 2003. – С. 9.

127. Варыгин, А.Н. Некоторые вопросы предупреждения умышленных убийств, совершаемых на религиозной почве / А.Н.Варыгин // Следователь. – 1998. – № 9. – С. 16-18.

128. Волков, Е.Н. Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) / Е.Н.Волков // Журнал практического психолога. – 1996. – № 5. – С. 87-93.

129. Галиакбаров, Р.Р. Ответственность перед законом (ст.227 УК РСФСР) / Р.Р.Галиакбаров, Е.Фролов // Наука и религия. – 1963. – № 11. – С. 40-43.

130. Гандоу, Т. История развития концепции свободы совести: американский и европейский подходы / Т.Гандоу // «Тоталитарные секты» – угроза XXI века : материалы международной научно-практической конференции (Н-Новгород, 23-26 апреля 2001 г.). – Н-Новгород, 2001. – С. 17-23.

131. Гандоу, Т. Свидетели Иеговы: квазикоммунистическая идеология под видом религии / Т.Гандоу // «Тоталитарные секты» – угроза XXI века : материалы международной научно-практической конференции (Н-Новгород, 23-26 апреля 2001 г.). – Н-Новгород, 2001. –С. 103-108.

132. Головин, А.Ю. Криминологические аспекты изучения деятельности религиозных сект в России / А.Ю.Головин // Организованная преступность, миграция, политика / под ред. А.И.Долговой. – М., 2002. – С. 106-108.

133. Гридин, С.И. Социально-психологические аспекты группового антиобщественного поведения / С.И.Гридин // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. – Омск, 1983. – С. 31.

134. Дагель, П. Ответственность за посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов / П.Дагель // Советская юстиция. – 1962. – № 22. – С. 10-11.

135. Дворкин, А. «Честная игра» сайентологов / А.Дворкин // Миссионерское обозрение. – 1996. – № 7. – С. 7.

136. Дворкин, А. Внимание: секта! / А. Дворкин, М. Стурова, В. Белослутцев // Преступление и наказание. –1995. – № 7. – С. 54-56.

137. Закревский, В. Дьяволиада / В.Закревский, Т.Козлова // Труд. – 1995. – 14 декабря.

138. Злобин, Г.А. Основания и принципы уголовно-правового запрета / Г.А.Злобин // Советское государство и право. – 1976. – № 5. – С. 71-76.

139. Игнатенко, М. Киборга приказано убить / М.Игнатенко // Труд. – 1995. – 8 ноября.

140. Касторский, Г.Л. Проблемы криминологии религии / Г.Л.Касторский // Криминология: вчера, сегодня, завтра:

труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2003. – № 2(3). – С. 154-167.

141. Киреев, Н. Черные «дьяволята» / Н.Киреев // Российская газета. – 1997. – 13 августа.

142. Кузьмин, М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека / М.Н.Кузьмин // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С. 59.

143. Проблема понятия, классификации и показателей религиозных преступлений // Российский следователь. – 2001. – № 1. – С. 28-33.

144. Малов, А. Педагогики чертоги / А.Малов // Московский комсомолец в Красноярске. – 2002. – 18-25 декабря.

145. Мальков, Д. Религиозным движениям разрешено все, кроме того, что запрещено законом : интервью с Л. Григорьевой / Д.Мальков // Юридические диалоги. – 2002. – № 6. – С. 8.

146. Михайлов, В.И. Согласие лица как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В.И.Михайлов // Законодательство. – 2002. – № 2-3. – С. 16-18.

147. Михайлов, М. Преступления против личности и прав граждан, совершенных в сфере религиозных групп / М.Михайлов, Ю.Милько // Советская юстиция. – 1964. – № 10. – С. 13-16.

148. Мишкина, М. Место под солнцем ищут полонники в глухой тайге / М.Мишкина // Российская газета. – 2001. – 5 октября. – С. 17.

149. Мишкина, М. В Туре убивают православного священника / М.Мишкина // Красноярский комсомолец. – 2000. – 29 марта. – С. 3.

150. Нуркаева, Т. Уголовно-правовая охрана права на свободу совести и религии / Т.Нуркаева // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 27-29.

151. Орлов, А. Куда ведешь ты, пастырь / А.Орлов // Преступление и наказание. – 1998. – № 4. – С. 42-45.

152. Пилявец, В.В. Организация объединения, посягающего на личность и права граждан: некоторые вопросы объективных признаков состава преступления / В.В.Пилявец // Следователь. – 1998. – № 6. – С. 6-8.

153. Полынский, А. Российского лжехриста финансируют из США / А.Полынский // Красноярские новости. – 2002. – 13 марта.

154. Полынцев, А. Тольятти уходит в астрал / А.Полынцев // Комсомольская правда. – 1997. – 14 марта.

155. Потапов, П. Лидер «Аум синреке», по слухам, арестован полицией / П.Потапов // Комсомольская правда. – 1995. – 12 апреля.

156. Протопопов, А. Ритуальное убийство с точки зрения криминалистики / А.Протопопов // Законность. – 2002. – 2002. – С. 36-39.

157. Пунанов, Г. Костер Асахары / Г.Пунанов, Д.Владимиров // Известия. – 2002. – 26 февраля.

158. Расторопов, С. Уголовно-правовое значение согласия на причинение вреда своему здоровью / С.Расторопов // Законность. – 2003. – № 10. – С.46-48.

159. Руденко, А.А. Евангельские христиане баптисты и перестройка СССР / А.А.Руденко // На пути к свободе совести / сост. и общ. ред. Д.Е. Фурман и о. Марк (Смирнов). – М., 1989. – С. 341-357.

160. Сабитов, Р.А. Общественная опасность как критерий криминализации / Р.А.Сабитов // Актуальные проблемы криминализации общественно-опасных деяний : труды Омской высшей школы милиции МВД СССР. – Омск, 1980. – С. 17-28.

161. Саниева, С. Щит против религиозного экстремизма / С.Саниева // Професионал. – 2002. – № 3. – С. 35-37.

162. Сатанист осужден на 24 года // Прозрение. Православный информационно-просветительский журнал. – 2001. – № 1. – С. 44-45.

163. Соколовская, Я. Мария Дэви Христос, она же Цвигун, отправлена по этапу / Я.Соколовская // Известия. – 1997. – 9 января.

164. Сокольская, А. Вербовщики / А.Сокольская // Сегодняшняя газета. – 2002. – 19 июня.

165. Старков, О.В. Проблема понятия, классификации и показателей религиозных преступлений / О.В.Старков, Л.Д.Башкатов // Российский следователь. – 2001. – № 1. – С. 28-33.

166. Столярчук, Н. «Отец» Мун заберет наших детей? / Н.Столярчук // Комок. – 2001. – 9 ноября.

167. Столярчук, Н. Пророков нет в отечестве моем? / Н.Столярчук // Комок. – 2001. – 4 декабря.

168. Таганов, М. Тоталитарные секты и студенчество: попытка исследования / М.Таганов // «Тоталитарные секты» –

угроза XXI века : материалы международной научно-практической конференции (Н-Новгород, 23-26 апреля 2001 г.). – Н-Новгород, 2001. – С. 201-213.

169. Таланов, П. Гарантии свободы совести / П.Таланов, И.Окунев // Наука и религия. – 1963 – № 5. – С. 45-48.

170. Турчин, А.С. Из беседы с Виссарионом / А.С.Турчин // Гармония. – 1992. – № 6. – С. 2-3.

171. Хвыля-Олинтер, А.И. Деструктивные религиозные секты, действующие на территории России / А.И.Хвыля-Олинтер // Правоохранительные органы и религиозные организации : сборник материалов. – М., 1997. – С.75-95.

172. Хвыля-Олинтер, А.И. Организованная преступность и деструктивные религиозные секты / А.И.Хвыля-Олинтер // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД России. – 1997. – № 1. – С. 53-66.

173. Хвыля-Олинтер, А.И. Органы внутренних дел в борьбе против правонарушений нетрадиционных религиозных движений – тоталитарных сект / А.И.Хвыля-Олинтер // Духовность. Правопорядок. Преступность. – М., 1996. – С. 45-57.

174. Хвыля-Олинтер, А.И. Специфика религиозных культов зла как источников преступности / А.И.Хвыля-Олинтер // Профессионал. – 1999. – № 3. – С. 29-33.

175. Хомутов, В. Насилие как признак, квалифицирующий склонение к потреблению наркотиков / В.Хомутов // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 14-16.

176. Шевченко, И. Миссионеры с «двойным дном» / И.Шевченко // Калининградская правда. – 2000. – 23 сентября.

Авторефераты и диссертации

177. Бажан, Т.А. Опозиционная религиозность в России, социально-философский анализ : автореф. дис. ...докт. филос. наук / Т.А.Бажан. – М., 2000. – 43 с.

178. Бажан, Т.А. Проблемы религиозных потребностей : автореф. дис. ...канд. филос. наук / Т.А.Бажан. – Ленинград, 1990. – 16 с.

179. Вагина, Н.Б. Криминологическая характеристика религиозной среды: особенности преступности и нетрадиционные технологии подчинения лидеру организации адептов-последователей: дис. ...канд. юрид. наук / Н.Б.Вагина. – Ставрополь, 2000. – 185 с.

180. Вишнякова, Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Н.В.Вишнякова. – Омск, 2003. – 27 с.

181. Георгиевский, Э.В. Объект преступления: теоретический анализ : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Э.В.Георгиевский. – СПб., 1999. – 20 с.

182. Мишин, Н.Я. Расследование посягательств на личность и права граждан, совершаемых под видом исполнения религиозных обрядов : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Я.Мишин. – М., 1967. – 278 с.

183. Тюменев, А.В. Виды криминального насилия (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / А.В.Тюменев. – Рязань, 2002. – 24 с.

184. Фокин, М.С. Уголовно-правовая характеристика религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / М.С.Фокин. – Омск, 2000. – 23 с.

185. Хабаров, А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / А.В.Хабаров. – Тюмень, 1999. – 24 с.

186. Шевкопляс, Е.М. Уголовно-правовая охрана совести в России : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Е.М.Шевкопляс. – М., 1999. – 21 с.

187. Шеслер, А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ...докт. юрид. наук / А.В.Шеслер. – Екатеринбург, 2000. – 394 с.

Электронные источники

188. Заявление Крамаровой Елены Сергеевны начальнику отдела по надзору за исполнением законов о международных отношениях Генеральной прокуратуры России В.А. Гарбулину. 1999 год. – Режим доступа: [//http://stolica.narod.ru](http://stolica.narod.ru).

189. Володина, Н.В. Актуальные проблемы современного экстремизма и терроризма на религиозной основе / Н.В.Володина – Режим доступа: [// www.risoir.ru](http://www.risoir.ru).

190. Жертвы веры. – Режим доступа: [//http://www.sknews.ru/paper/2004](http://www.sknews.ru/paper/2004).

191. Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» от 18.03.2003 г. № 307685-3 – Режим доступа: [//www.legislature.ru](http://www.legislature.ru).

192. Праворадикалы вынесли смертный приговор вице-премьеру Александру Жукову. – Режим доступа: // <http://xeno.sova-center.ru>.

193. Неоязычникам Краснодара вынесено предостережение «за экстремизм». – Режим доступа: // <http://xeno.sova-center.ru>.

Елена Анатольевна Димитрова

**Уголовная ответственность
за организацию религиозного объединения,
посягающего на личность и права граждан**

Монография

Печатается в авторской редакции

Технический редактор М.Н.Киценко

СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать _____

Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл.печ. листов 9,75 (6,33 усл.изд.л.).

Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.

Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.